

902.7А ✓

Г/З

С. Ш. Таджиева

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КУМЫКОВ

XIX - XX ВВ

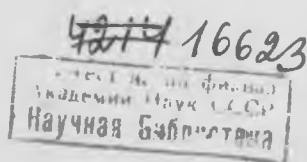
МАХАЧКАЛА

1960

902.7Д
Г-13

С. Ш. Таджиева

МАТЕРИАЛЬНАЯ
КУЛЬТУРА
КУМЫКОВ
XIX – XX В.В.

ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МАХАЧКАЛА 1960

Под редакцией проф. М. О. Косвен

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена исследованию материальной культуры кумыков XIX—XX веков. Однако, по мере необходимости, освещаются вопросы более отдаленного периода — вопросы происхождения и ранних форм отдельных элементов материальной культуры кумыкского народа. Наконец, мы ставим своей целью проследить и те изменения, которые произошли и происходят в области материальной культуры кумыков в советских условиях, благодаря победе колхозного строя, под благотворным влиянием передовой русской советской культуры.

Источниками для написания настоящей работы явились прежде всего самые предметы материальной культуры: орудия производства, жилища и иные постройки, одежда, посуда, утварь и т. д. К сожалению плохая постановка музейной и краеведческой работы в Дагестане сильно ограничивает возможности непосредственного изучения некоторых старинных объектов. Источником для данной работы служили нам также рассказы и воспоминания старожил, хранящих в своей памяти то, что уже исчезло из современного быта и ушло в прошлое. Использована, конечно, и соответствующая литература, а также архивные документы.

Материальная культура кумыков, как и культура всякого народа, отличается самобытностью и рядом специфических национальных черт, обусловленных историческим развитием народа, его хозяйственной деятельностью и теми природными условиями, в которых народ жил и развивался. Вместе с тем, эта культура имеет много общего с материальной культурой других народов Дагестана, в особенности живущих смежно с кумыками. Эта общность проявляется в орудиях труда, жилище, внутреннем убранстве дома, в утвари, в одежде, пище и пр., свидетельствуя о родстве и длительных культурных связях народов Дагестана. Не мало общего имеется в материальной культуре кумыков и с маге-

риальной культурой народов Кавказа в целом. Выделить специфику и национальные черты, свойственные кумыкам, установить культурные общности с другими народами как Дагестана, так и всего Кавказа, — составляло в свою очередь необходимую цель нашего исследования.

Описание материальной культуры кумыков мы распределяем по следующим темам: поселение, жилище, одежда, пища. Материальная культура существует и развивается прежде всего в теснейшей связи с хозяйственным развитием народа. Поэтому мы предпослали нашему исследованию в качестве введения общий очерк хозяйства кумыков в XIX—XX вв

Автор.

ВВЕДЕНИЕ

Хозяйство кумыков в XIX — начале XX вв.

В XIX в. у кумыков, как и повсеместно в Дагестане, господствовали феодальные отношения. Еще задолго до этого времени родовая организация, сохранившаяся в виде небольшой родовой группы — тухума, — потеряла здесь свое бывшее экономическое и общественное значение. С течением времени исчезла и общинная форма землевладения, уступая место феодальному.

Вплоть до второй половины XIX в. Кумыкия продолжала оставаться феодально-раздробленной страной, лишенной централизованной государственной власти. На ее территории существовал ряд феодальных владений: Эндиреевское, Аксаевское и Костековское — у засулакских кумыков, Тарковское шамхальство и Мехтулинское ханство — у центральных кумыков и, частично, Кайтагское удмийство — у южных кумыков¹.

Во всех этих феодальных образованиях существовало четыре вида землевладения: частное, казенное², вакуфное и общинное. По сравнению с первой категорией, составлявшей главным образом феодальную собственность, казенное и общинное землевладение играло незначительную роль. Еще меньшим был удельный вес ва

¹ Кайтагское удмийство было по своему основному национальному составу дагинским, и кумыки составляли здесь меньшинство.

² Имеются в виду земли, принадлежавшие царской казне.

куфного землевладения. Частная собственность на землю способствовала возникновению частной собственности и на оросительные сооружения, водоотводные каналы, колодцы и пр.

Пахотные и покосные земли, находившиеся в общественном пользовании, подвергались периодическим переделам: в одних местах и в большинстве случаев ежегодно, в других местах — раз в несколько лет. Поливные участки обычно переделывались ежегодно, а богарные земли через 5—9 лет. Размер надела зависел от всего количества земли, находившейся в пользовании общества. Женщина не имела права на надел, если у нее не было детей мужского пола.

Землю делили по жребию. Управлявшие селением беки и прочие феодалы получали лучшие участки без жребия, причем в размере семи-восьми наделов рядовых общинников¹. Примерно таким же порядком делились сенокосы и вода для орошения. Пастбищные и лесные угодья находились в общем пользовании. Однако лучшие пастбищные, пахотные и покосные земли находились в распоряжении феодальной знати. Земельные переделы происходили в напряженной обстановке классовой борьбы и нередко становились причиной вооруженных столкновений между крестьянами и представителями феодальной верхушки.

Крестьяне несли различные подати и повинности. В исследуемый период кумыкам были известны все три формы земельной ренты: отработочная, продуктовая и денежная. Преобладала смешанная рента. Территория кумыков находилась на очень важной торгово-стратегической магистрали, по которой издавна осуществлялись экономические и культурные связи народов югостепной полосы Восточной Европы и Северного Кавказа с Закавказьем и странами Востока. Выгодное географическое положение, а также наличие плодородной почвы, системы оросительных сооружений и прочие природно-экономические факторы способствовали сложению у кумыков сравнительно высокой культуры земледелия и на его основе — более быстрому развитию всех производительных сил.

Ведущей отраслью хозяйства кумыков в XIX в. было земледелие, в частности полеводство.

В полеводческом хозяйстве первое место занимало возделывание зерновых культур, пшеницы, ячменя, проса, кукурузы, риса. Основной зерновой культурой была пшеница. Ею засевалось примерно $\frac{2}{3}$ всех посевных площадей. Роль пшеницы особенно воз-

¹ ИГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 28, лл. 33—34.

росла с развитием торговли. Лучшим сортом, который шел на продажу, считалась «сары будай» — желтая пшеница.

Основными орудиями полеводческого труда кумыков были тяжелый деревянный плуг с железным лемехом, деревянная борода, молотильная доска, серп, коса и пр. Железные плуги, которые стали появляться здесь с середины XIX в. как результат экономических и культурных связей с Россией, были достоянием только верхушки общества.

Наиболее распространенным типом местного пахотного орудия кумыков в XIX в. был передковый плуг «сабан», в который впрягали от 2 до 4 пар волов (рис. 1).

Сабан состоит из трех основных частей: рабочей, колесной и яремной.

Рабочая часть состоит в свою очередь из следующих элементов: 1) пяты или полоза — «табан», 2) железного лемеха — «сабан темир», 3) особой деревянной отвальной доски — «сабан такъта», 4) двух ручек — стойки — «балчан», вставляемых в пяту и скрепляемых деревянной планкой, 5) деревянной планки, вставляемой в дышло и служащей для регулирования вспашки — «чий», 6) дышла — «сазагъан», 7) резака — «чыргъа» для проведения борозды, которая затем расширяется и углубляется лемехом, 8) деревянных крючков — «къармакълар» вставляемых в дышло и служащих для привязывания второй (колесной) части орудия (в зависимости от конфигурации поля колесную часть привязывают на тот или другой крючок).

Вторая колесная часть плуга состоит из: 9) двух колес — «сабан дёгюрчеклер», 10) оси, соединяющей колеса — «гёчер агъан», 11) дышла — «сазагъан», 12) специального приспособления в форме полукруглой плоской планки для регулирования ширины борозды; планки одним концом наглухо прикрепляются к оси, а другим свободно вставляются в дышло; на свободном конце планки имеется несколько отверстий, в одно из которых, в зависимости от расчетов пахаря, вставляется колышек.

Третья яремная часть плуга, называемая «чатакълар», состоит из 13) нескольких разных по размеру и форме дышел и 14) прикрепляемых к ним ярем. Необходимость большого числа дышел вызывается стремлением сделать орудие максимально подвижным. Длинные прямые части дышла называются «узун чатакълар», короткие изогнутые части — «къысгъа чатакълар»; число «чатакълар» зависит от числа впрягаемых пар быков. Отдельные части дышла скрепляются между собой посредством специальных деревянных дощечек с колышками; ярмо каждой пары волов вставляется в изогнутую часть дышла; исключение составляет всегда прямое дышло

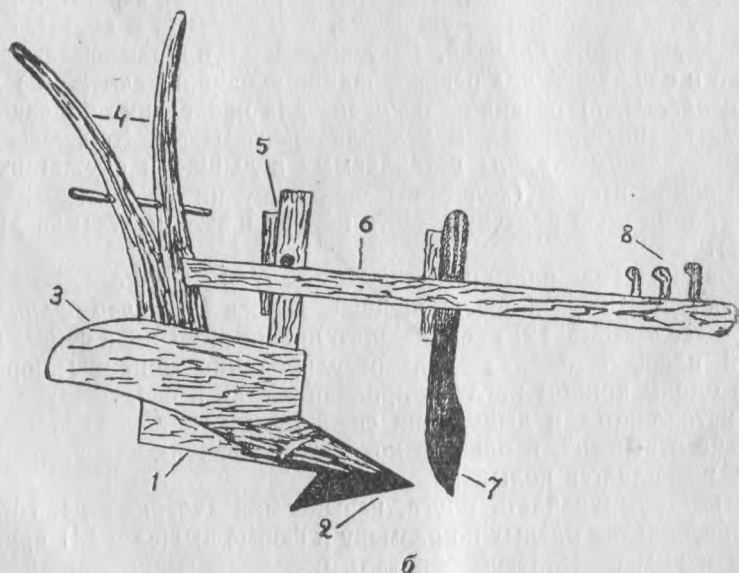
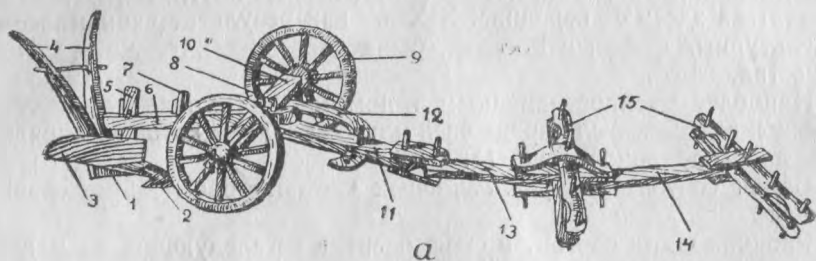

Рис. 1. Кумыкский плуг-сабан для двух пар волов: а—общий вид; б—рабочая часть.

первой ведущей пары волов. На передней «кзысга чатакъ» надевается деревянный брусок — «сабан тѣнгек», во избежание поднятия ярма.

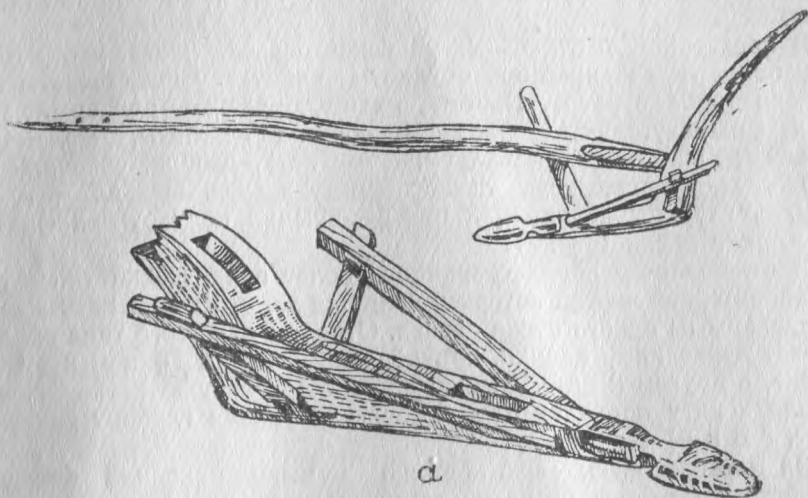
В предгорной части, кроме описанного выше плуга, употреблялось более легкое пахотное орудие — «пурус». Существовало несколько типов пурусов. Первый, наиболее распространенный тип имел четырехугольную форму и состоял из пяты, железного лемеха, ручки-стойки, вставляемой в пяту, дышла, специальной планки, проходящей через дышло и пяту и служащей для регулирования глубины вспашки, и приспособления полукруглой формы для отвала земли (рис. 2).

В отдельных районах сохранился более архаический тип пуруса, характерной чертой которого является то, что в нем пята и ручка сделаны из одного куска дерева. Отвалом для этого типа орудия служат деревянные планки, прикрепленные одним концом к ручке-стойке, а другим к пяте. Дышло вставляется в ручку-стойку. Через дышло и пяту проходит планка регулирующая глубину вспашки (рис. 3 а и б).

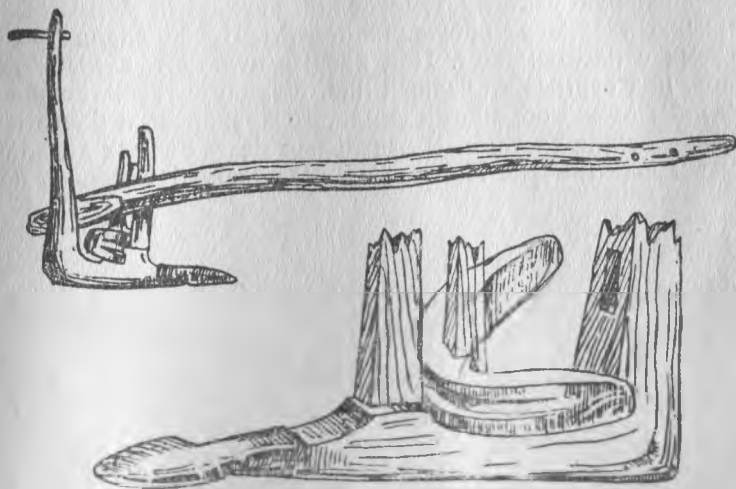
За многовековую свою историю кумыки накопили большой хозяйственный опыт, создали сельскохозяйственный календарь. Они знали трехпольную систему земледелия, широко известны были им приемы искусственного орошения полей. Преобладала трехпольная система с плодосменом. Под яровые культуры кумыки поднимали зябь, под озимые — черный пар. Наряду с такой, сравнительно развитой формой обработки земли, сохранялась и более примитивная переложная система. В отдельных местах земля делилась на поливную и неполивную. Поливные земли обрабатывались подряд

Рис. 2. Легкое пахотное орудие пурус

a

б

Рис. 3 Архаические типы пуруса (а и б).

10—12 лет, потом пустовали 3—4 года. Неполивные обычно обрабатывались 3—4 года, а затем несколько лет пустовали.

Отсталая сельскохозяйственная техника и сохранение переложной системы обработки земли были одними из основных причин низких урожаев. Средний урожай на поливных землях во многих районах часто не превышал сам 4—5, а на неполивных — сам 3'.

Отсутствие тягловой силы лишало большинство крестьян возможности самостоятельного ведения полеводческого хозяйства. Бедняки, нередко и середняки, объединялись по несколько человек в «ортакъ» (супруга). Это была единственная возможность для бедного крестьянина поддерживать свое хозяйство. У кумыков существовали две формы «ортакъ». При одной крестьяне объединялись для совместного ведения всех полевых работ, от пахоты до уборки включительно; для этого объединяли весь инвентарь, тягловую силу и рабочие руки. При другой форме объединялись только на время пахоты, после чего каждый засеивал, поливал и убирал свой участок своими силами. Крестьяне, не имевшие рабочего скота, могли свои наделы продать односельчанину целиком, либо уступить половину; в последнем случае тот должен был вспахать своей тягловой силой вторую половину надела для хозяина, а сев, полив и уборку производил каждый самостоятельно. Кулаки обычно не объединялись в «ортакъ» и вели свое хозяйство сами. Для этого они имели в достаточном количестве и инвентарь, и рабочий скот, и рабочие руки в лице деревенской бедноты, которая нанималась к ним в качестве либо постоянных батраков, либо сезонных рабочих.

При всех работах у кумыков широко практиковалась взаимная помощь. Коллективный выход на помощь односельцу назывался «булкъа» (помощь). Однако этот обычай феодальная верхушка, а затем и сельская буржуазия превратили в одну из форм феодальной эксплуатации.

На дальнейшее развитие хозяйственной деятельности кумыков большое влияние оказал ряд факторов: присоединение Дагестана к России, образование в 60-х годах XIX в. Дагестанской области с ее административным делением, ликвидация феодальной раздробленности, наконец, отмена крепостного права и рост капиталистических отношений в России. В 65—67 годах крестьянская реформа была проведена и на Кумыкской равнине. Реформа дала толчок экономическому и культурному развитию кумыков и развитию капиталистических отношений в деревне. Особенно ускоренно шел

1 ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 1, д. 12, л. 18; ЦГИАЛ, ф. 1268 сп. 3; д. 209, л. 52.

процесс общественного разделения труда. Под влиянием складывавшихся товарно-денежных отношений кумыкские помещики стали развивать капиталистическое предпринимательство. Часть помещиков начинает улучшать оросительную систему, применять более усовершенствованные сельскохозяйственные орудия: железные плуги, конные грабли, места — молотилки, сеялки и пр. Распространение усовершенствованных орудий особенно усиливается со времени строительства Петровской ветки Владикавказской железной дороги. Особенно интенсивно развивалось земледелие в Хасав-юртовском округе, который считался «житницей Терской и Дагестанской областей»¹.

Развитие земледелия находилось в прямой зависимости от усовершенствования оросительной системы. В этом отношении Кумыкская плоскость (Хасав-юртовский округ) сделала значительный шаг вперед. Воды рек Акташа, Яман-Су и Аксая использовались для полива полей, только река Акташ в период сильных дождей в горах доносила свои воды до Аграханского залива. В 70-х годах на Кумыкской плоскости начала проводиться большая работа по созданию новых оросительных систем. В это время были проведены самые значительные водные каналы по всей области: из Сулака — Юзбачи и Шабур с его разветвлениями, из Терека — Юзбачи и Вояковский. Шабуровская водная система орошала свыше 21.000 десятин земли, канал Вояковского со своими разветвлениями — более 8000 десятин, Юзбачи-Терек-татавул — 3.800 десятин земли. Сооружались на Кумыкской плоскости и другие более мелкие каналы.

Система орошения улучшалась не только на Кумыкской плоскости, но и в Темир-Хан-Шуринском округе, в бывших владениях Тарковской шамхала, Мехтулинского хана и в Присулакском наместничестве. Вместе с развитием новой водной системы возникали новые населенные пункты, распространялось виноградарство и садоводство.

Большой опыт ведения полеводческого хозяйства, равно как и астрономические наблюдения, позволяли кумыкам устанавливать лучшие сроки пахоты, сева, поливки, прополки и т. д. Хозяйственный опыт подсказывал народу и лучшие формы организации полеводческого хозяйства.

У кумыков, как и у других народов Дагестана, один ряд полеводческих работ составлял отрасль женского труда, другой — мужского. Наблюдалось и разделение труда по возрасту. Такие трудоемкие полевые работы, как пахота, сев, покос составляли мужское занятие, более легкие — прополка, молотьба кукурузы — женское.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 147, оп. 3, д. 43, лл. 4—5.

Разведение зерновых культур было основной отраслью земледельческого хозяйства кумыков. Меньшую роль играли садоводство, виноградарство и огородничество. Значение этих отраслей сельского хозяйства возросло лишь после расширения ирригационных сооружений. В развитии виноградарства особо большой вклад внесли жители сел. Кумторкала Темир-Хан-Шурина округа, выведшие лучшие сорта винограда и создавшие прекрасные сорта вин. Из огородных и бахчевых культур наибольшее развитие получили тыква, арбузы, дыни, фасоль, лук, чеснок, перец. Все они шли как на удовлетворение собственных потребностей, так и на продажу. Второстепенная роль принадлежала хлопководству. Хлопок здесь не имел товарного значения, а являлся сырьем для домашней промышленности, шел в частности на изготовление одежды.

В XVIII и первой половине XIX вв. особое значение в хозяйстве кумыков приобрело мареноводство. Это было вызвано появлением большого спроса на марену на русских и восточных рынках. Дагестанская марена считалась лучшей, почему с развитием торговли с внутренними губерниями России площадь под эту культуру непрерывно увеличивалась. Кроме того, кумыки издревле занимались пчеловодством и разведением шелкопряда. Развитию шелководства способствовало наличие тутовых рощ.

Важное место в хозяйстве кумыков занимало и скотоводство, составлявшее вторую по значению отрасль кумыкского хозяйства. Развитию скотоводства у кумыков, особенно засулакских, способствовало наличие богатой кормовой базы. Однако скотоводство носило экстенсивный характер. Кумыки в то время мало занимались улучшением породности скота, в результате чего их рогатый скот был почти такой же малорослый, как и в горах. Корма для скота заготавливали только на зимний период и то в небольших размерах. Скот круглый год содержался на подножном корму, меняя зимние пастбища на плоскости на летние — в горах. Исключение составлял Хасав-юртовский округ, где скот круглый год находился на плоскости.

Разводили кумыки главным образом крупный рогатый скот, что объясняется большим значением в хозяйстве кумыков земледелия. Скот использовался не только для мяса и молочных продуктов, но и в качестве тягловой силы. Для скотоводческого хозяйства кумыков характерно разведение буйволов, составлявших в отдельных районах (Башлыкент, Каякент и др.) единственную тягловую силу. Лошадь чаще всего использовалась для верховой езды. Молоко буйволиц особо ценилось за высокий процент жирности и большую калорийность. Разведение мелкого рогатого скота имело у кумыков

подсобное значение. Разводили овец и коз. Уход за мелким рогатым и за рабочим скотом лежал на обязанности мужчин. За молочным скотом ухаживали главным образом женщины.

Немаловажное значение в хозяйстве кумыков имело рыболовство. Больше всего оно развивалось у жителей Кумыкской плоскости: Так, по данным «Тарихи-Дербент-Намэ», селение Костек платило «ясак» (подать) шамхалу только рыбой¹. По описанию штаб-лекаря дагестанского конно-иррегулярного полка И. С. Костемеревского в 1858 г. при ловле рыбы здесь пользовались довольно примитивными каюками (кэайыкэ), похожими на «корыта, выдолбленные каждое из одного бревна»². С начала XIX в., после присоединения Кумыкской равнины к России, рыбные богатства стали шире эксплуатироваться, появились более усовершенствованные рыболовные суда и т. д. Владельцы рыбных промыслов (шамхал Тарковский и князя Кумыкской плоскости) стали по общему правилу отдавать рыбные ловли на откуп русским рыбопромышленникам. С развитием железнодорожной сети постепенно увеличивается лов и отправка рыбы в города России, растет приток рыбопромышленников и повышается арендная плата за рыбные участки. В пределах Дагестанской области наиболее быстро развивались рыбные промысла гор. Петровска. По сравнению с 1891 годом в 1892 году улов рыбы на этих промыслах увеличился более чем в 14 раз, а сумма, вырученная от продажи — на 95.679 руб.³ В 1898 г. на промыслах одного только Темир-Хан-Шурина округа было добыто рыбы на 128.391 рубль⁴. На промыслах округа работало ежегодно около 500 человек.

Следует все же сказать, что рыбные богатства края в целом эксплуатировались очень примитивно и хищнически. Рыба вылавливалась без разбора, масса мелкой рыбы выбрасывалась на берег. Повсеместно устраивались всевозможные заграждения, лишавшие население верхнего течения рек их природного дара.

Немаловажное значение в экономике кумыков имела соль. Самыми крупными соляными озерами были Туралинские озера, близ селения Тарки. Кумыкская соль шла не только на удовлетворение чужд местного населения, ею снабжалась также большая часть горного Дагестана. Это давало право Тарковским шамхалам вплоть

¹ Тарихи—Дербент-Намэ. Под ред. М. Алиханова-Аварского, Тифлис, 1898, стр. 177.

² Записки об исследовании р. Сулака, «Акты, собранные Кавказской Археологической комиссией», (в дальнейших ссылках — АКАК), XII, стр. 1114.

³ Обзор состояния Дагестанской области за 1892 г., стр. 7—8.

⁴ То же, за 1898 г., стр. 84.

до второй половины XIX в. активно вмешиваться во внутренние дела многих обществ, оказывая на них свое политическое влияние. Указывая на большое экономическое и политическое значение Тарковского шамхальства, русский путешественник Х. Х. Стевен в 1811 г. писал, между прочим, что здесь «всего важнее как в хозяйственном, так и в политическом отношении соляные озера, под самым городом (Тарки — С. Г.) находящиеся; кроме того, что шамхал имеет от них знатный доход, необходимость, в коей находятся лезгины и чеченцы, покупать у него соль для себя и своих стад, содержит их во всегдашней зависимости от сего владельца»¹.

После присоединения Дагестана к России и особенно в пореформенный период значение добычи соли еще больше увеличивается. Этому способствует улучшение дорог, развитие обрабатывающей промышленности, в первую очередь рыбной ловли, укрепление торгово-экономических связей гор с плоскостью. О росте добычи соли в это время свидетельствуют следующие данные: в 1898 г., например, из Туралинских озер было добыто 200.000 пудов соли. Увеличение спроса на соль приводило к систематическому росту цен на нее. Начиная с 50-х годов XIX в. Тарковские шамхалы стали отдавать соляные озера на откуп русским промышленникам, которые стали продавать соль по еще более высоким ценам.

Издавна кумыки, особенно южных районов, занимались добычей нефти. В рассматриваемое время на территории южных кумыков было известно большое число действующих нефтяных колодцев. По общему правилу нефтяные колодцы составляли собственность феодальной знати, захватившей их у отдельных общин. Техника разработки и добычи нефти была крайне примитивной. Нефть вычерпывалась глиняными кувшинами. Добытая нефть шла как на удовлетворение местных потребностей, так и на продажу. Сооружение Петровской ветки Владикавказской железной дороги и спрос на нефть не только способствовали росту нефтедобычи в издавна известных своими нефтяными богатствами и эксплуатируемых районах Дагестана, как Каякентский, Башлинский и Берикейский, но и вызвали организацию разведывательных работ в совершенно новых районах, в частности в Темир-Хан-Шуринском округе. После присоединения Дагестана к России нефтеразработкой стали заниматься главным образом русские предприниматели.

Истари кумыкские крестьяне занимались виноделием. Кроме сухих вин изготовлялись особые десертные вина — джаба и мусел-

¹ Выписка из замечаний к. с. Стевена, сделанных в путешествии во вновь приобретенные Кавказские области. АКАК, V, стр. 37.

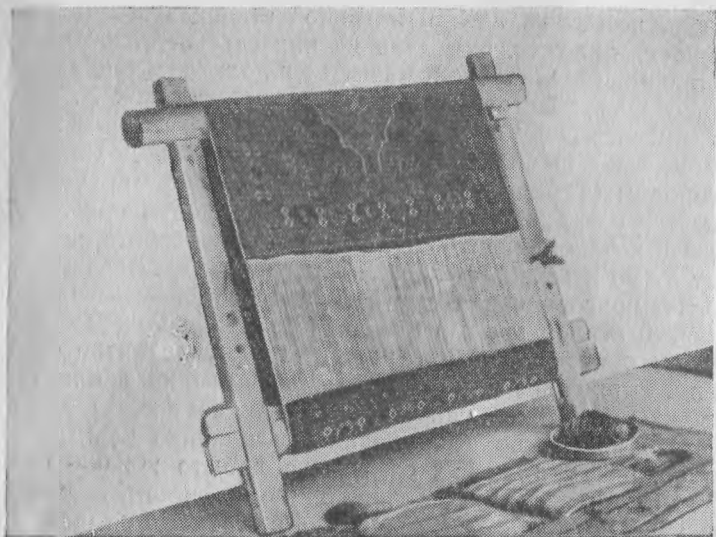

Рис. 4. Ковровый станок—хали агъачлар.

лес, прославившиеся по всей плоскости. Центрами виноделия являлись селения Кумторкала, Усимикент, Аксай, Костек и др. В пореформенный период виноградное суло частично сбывалось русским промышленникам, изготовлявшим на местном сырье распространенные в России сорта вин.

Наличие широкой сырьевой базы способствовало развитию у кумыков разнообразных кустарных промыслов. Сельскохозяйственное сырье (шерсть, хлопок, шелк, овчина и др.) перерабатывалось тут же в домашнем хозяйстве. Шерсть использовалась для изготовления сукна, узорчатых войлочных паласов, в ковроткачестве. Кумычки ткали ковры как ворсовые, так и безворсовые, делали паласы, изготовляли войлочные «арбабаши». Особенно славились безворсовые ковры — «дум». Центрами ковровой промышленности были Кумторкала, Нижнее и Верхнее Қазанище, Паравул, Эндирей и Қаякент. Большая часть продукции шла на удовлетворение местных потребностей. Некоторая часть поступала на рынок.

Большое место среди кустарных промыслов кумыков занимало изготовление сельскохозяйственного инвентаря из дерева и железа (арб, плугов, молотильных досок, серпов, кос и т. д.). Почти в каждом кумыкском селении были свои искусные мастера-ремесленники, многие из которых прославились своими изделиями на весь Кавказ.

Особенно славились мастера-оружейники из сел. Верхнее Казанище Базалаевы. Их именем называли изготовленные ими клинки, которые отличались прочностью и изяществом. Верхнее и Нижнее Казанище и Эндирей были центрами кузнечного производства. В этих селениях, а также в селениях Эрпели, Кафыр-Кумух, Султан-Янгийорт и других было распространено и златокузнечество, в котором применялись гравировка, чернь, филигрань, а также серебряное литье.

Для изготовления оружия и предметов сельскохозяйственного инвентаря, железо добывалось на месте, в частности, близ селений Атлы-боюн, Казанище, Капчугай, Карабудахкент, Башлы и др. Однако добыча железа и его обработка были сопряжены с большими трудностями, поэтому позднее оно ввозилось из Центральной России. Особое место в ремесле занимала резьба по дереву и камню.

До середины XIX в. в селениях Эрпели, Эндирей и Нижнее Казанище процветало гончарное дело, пришедшее в упадок в более позднее время в связи с широким распространением заводских изделий.

В целом ремесло у кумыков не имело такого развития, как, например, в горном Дагестане, и в экономике народа играло преимущественно подсобную роль. После присоединения Дагестана к России, в связи с широким распространением привозных фабрично-заводских изделий, а также ремесленных изделий из горных районов Дагестана, отдельные отрасли кустарной промышленности, например, гончарство, златокузнечество и др., у кумыков постепенно свертываются.

Наряду с сельским хозяйством и ремеслом в экономике кумыков большую роль играла торговля. Хозяйство кумыкских крестьян носило натуральный характер, что, однако, не исключало и простого товарного производства.

Главным предметом торговли был хлеб. Кумыкская равнина издавна служила поставщиком зерна для многих районов Дагестана. Аварцы, даргинцы, лакцы привозили в Кумыкию изделия своих ремесел: сукно, бурки, холодное оружие, гончарную и деревянную утварь и т. д., а также продукты животноводства и обменивали их на кумыкский хлеб. В результате установившегося таким образом разделения труда между кумыками и народами горного Дагестана, у первых постепенно расширялись посевы зерновых культур, развивалось садоводство и виноградарство. Кумыкский хлеб реализовался не только на внутреннем рынке, но и за его пределами, в частности в пограничных русских городах. «Хлебопашество там (в Кумыкии — С. Г.) столь значущее, — писал в 1811 г. Х. Х. Сте-

вен, — что до учреждения карантинных Кизляр отсюда запасался большею частью хлеба»¹.

Торговля в пределах самой Кумыкии производилась главным образом на еженедельных базарах. Основными торговыми центрами были в начале XIX в. селения Эндирей, Тарки и Н. Дженгутай, куда собирались торговые люди не только со всего Дагестана, но и из Центральной России, Кабарды, Осетии, Персии и т. д. Торговля кумыков вне Дагестана ориентировалась преимущественно на внутренние районы России, а также Кабарду, Осетию и Персию. В торговле как в Дагестане, так и вне его, первое место занимали продукты земледелия: зерно, фрукты, виноград, рыба, изделия ремесел. Кумыки продавали также воск, мед, шелк-сырец, строевой лес, колья для виноградников и т. д.². Весьма важным предметом ввоза являлась марена, производившаяся здесь в большом количестве и отличавшаяся высоким качеством. По данным 1850 г. цена на марену на месте была примерно от 5 руб. 25 к. до 6 руб. серебром за пуд³. В 1861 г. только через Шандраковскую пристань (близ г. Кизляра) было «завезено в Астрахань красильного корня марены... тридцать тысяч восемьдесят два пуда»⁴. Марена шла через Кизляр и Ставрополь в Астрахань, Нижний Новгород, Москву и т. д. Предметами ввоза служили хлопчатобумажные и шелковые ткани, сахар и другие бакалейные товары, металл и металлические изделия, различная посуда и пр.

Огромное значение для экономического развития кумыков имело присоединение Дагестана к России. Близкое соседство с русскими поселенцами за Терекон и тесные экономические связи с ними позволяли перенять у них более совершенные способы обработки земли, сельскохозяйственные орудия, опыт и навыки ведения хозяйства. Многие сельскохозяйственные культуры (картофель, помидоры, свекла и т. д.) кумыки заимствовали именно у русских. Заметному улучшению подвергалась и оросительная система. Хотя и медленно, но все же шло улучшение породности скота. В 1857 г. был исследован форватер р. Терека с целью введения на ней судоходства⁵.

¹ АКАК, V, стр. 37.

² Забудский, Ставропольская губерния, СПб, 1861, стр. 151; С. Броневский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 21; Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, кн. I, СПб., 1871, стр. 620.

³ Отчет губернатора города Дербента, управляющего Дербентской губернией за 1850 г. ЦГА ДАССР, ф. 1268, оп. 5, л. 372, л. 17.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 20, оп. 1, д. 24, л. 25

⁵ АКАК, т. XII, стр. 1361.

В 1859 г. с той же целью были проведены исследования на реке Сулак И. С. Костемеревским¹.

Русская администрация на Кавказе, — правда, в колонизаторских целях, — всячески поощряла торговые связи народов Дагестана с Россией, Северным Кавказом и Закавказьем, организовывала специальные меновые дворы, разрешала местным купцам проезд в торговые центры России, принимала меры к тому, чтобы не перекупщики вывозили дагестанские изделия, а сами производители².

Торговля с промышленными центрами России была значительно выгоднее, чем с Персией, поэтому она быстро вытеснила персидскую торговлю на рынках Дагестана. «Русские ситцы, нанки и другие бумажные товары, — читаем мы в «Обозрении российских владений за Кавказом», — сбываются в Дагестан в большом количестве и по выгодным ценам; они решительно берут преимущество перед тканями персидскими, так что купцы находят мало пользы в торговле с последними... Употребление наших бумажных тканей невысокой цены распространяется с каждым годом более и более, а персидские доставляются немногими из бакинских и шамахинских купцов»³.

Русские товары находили в Дагестане наибольший спрос. В связи с этим падал курс персидского тумана и поднимался курс русского рубля. Постепенно, наряду с местными, распространялась и русская система мер и весов.

Все же в начале XIX в. развитию торговли кумыков препятствовали весьма важные причины. Главная из них заключалась в феодальной раздробленности Дагестана вообще и Кумыкии в частности. Каждый феодальный владетель требовал в свою пользу разного рода пошлины за провоз товаров через его владения. Тарковский шамхал и князя Кумыкской плоскости, владения которых лежали на большой дороге из Астрахани и Кизляра в Дербент и Баку, собирали значительную дань с купцов. В целях устранения этого препятствия русское правительство отменило право местных владельцев на взимание пошлин, взамен чего им ежегодно стало выдаваться денежное вознаграждение⁴. Этот акт имел большое зна-

¹ АКАК, т. XII, стр. 114—115.

² АКАК, т. IV, стр. 834—835.

³ Обозрение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях, ч. IV, СПб., 1836, стр. 184—185.

⁴ А. Неверовский. Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях, «Военный журнал», 1847. 5, стр. 64.

чение для экономического развития кумыков и способствовало росту товарно-денежных отношений и усилению торговых связей Кумыкии с внутренними районами России и соседними народами. Другим крупным препятствием на пути развития торговли, да и вообще экономики Дагестана были опустошительные кавказские войны того периода. Только прекращение военных действий создало условия для нормальной торговли.

Окончательное присоединение к России всего Дагестана, несмотря на установившийся здесь жестокий колониальный режим, объективно имело прогрессивное значение, способствовало развитию производительных сил края и включению его в русло общественно-экономического развития страны.

Большое значение для развития экономики Кумыкской равнины вообще и торговли в частности имело строительство в 90-х годах XIX в. железной дороги между Ростовом и Баку, в особенности же Петровской ветки Ростовско-Владикавказской железной дороги. Эта дорога, которая преследовала прежде всего стратегические цели, призвана была вместе с тем соединить множество местных рынков с общероссийским рынком. Она должна была, в частности, способствовать развитию горнодобывающей промышленности края. На вопрос командированного в 1883 г. Министерством финансов действительного статского советника Михайловского, «какое влияние может произвести Владикавказско-Петровская железная дорога на бакинскую нефтяную промышленность», комиссия по изысканию Владикавказско-Петровской ж. д. ответила, что «несмотря на существующий водный путь (на Астрахань) и железную дорогу, следует ожидать, что Петровской дорогой пойдет от 10 до 20 миллионов пудов, т. е. от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ того нефтяного груза, который идет теперь на Астрахань»¹. С наступлением зимы доступ в Астрахань морем становился невозможным, а это лишало Россию нефти и других осветительных продуктов в самое необходимое время.

Железная дорога проходила от самой границы Хасавюртовского округа до реки Самур (в пределах Дагестанской области). С открытием движения по Петровской ветке Ростово-Владикавказской железной дороги вывоз продуктов земледелия и других отраслей хозяйства Кумыкской равнины во внутренние губернии России — значительно вырос. Открылись новые рынки с большим спросом на свежие и консервированные фрукты. «Благодаря прекрасным качествам дагестанских фруктов и в особенности персиков, — сообщалось в «Обзоре состояния Дагестанской области за 1898 год», —

¹ Сборник статей «Терские ведомости» за 1883 г., стр. 292, (№№ 21, 26, 38).

заказы на консервы из них поступают из таких отдаленных окраин империи, как Финляндия, из Прибалтийского края (из гор. Риги), из Привислинского края (из Варшавы)»¹.

Первая половина XIX в. характеризуется основанием ряда городов на территории равнинного Дагестана. Так, в 1832 г. у бывшего сселения Темир-Хан-Шура был основан город Темир-Хан-Шура (ныне Буйнакск), как укрепленная штаб-квартира Кюринского пехотного полка. Город был основан в центре шамхальских и мехтулинских владений, на пересечении дорог, шедших в Кизляр, Внезапную, Миатли, Черкей, Дербент, к морю и в горы². С образованием Дагестанской области (1860 г.) Темир-Хан-Шура становится ее центром. С этого времени возрастает торгово-экономическое и культурное значение этого города. В 1846 г., в период военных действий против Шамиля, возникает укрепление Хасав-юрт³ (ныне гор. Хасавюрт). Это была укрепленная квартира Кабардинского егерского полка. После окончания военных действий в Дагестане Хасавюрт стал слободой, тесно связанной с Кизляром, Владикавказом, Ставрополем и Астраханью. Постепенно росло и Петровское укрепление. В 1857 г. Петровская крепость была переименована в портовый город Петровск. По положению в городе Петровске могли селиться преимущественно люди из «торгового и промышленного класса». Лицам, поселенным в этом городе, отводилась земля специально для строительства домов, торгово-промышленных и других заведений. Купцы, мещане и цеховые, переселившиеся сюда из внутренних губерний России, освобождались на 10 лет от гильдейских пошлин и государственных повинностей, от поставки рекрут и пр.

Рост населения городов возрастает особенно в пореформенный период, когда происходит, как отмечалось, развитие промышленности и торговли. Так, в Петровске в 1871 г. проживало 3.665 человек⁴, в 1874 г. — 3.890 чел.⁵, а в 1898 г. уже 11.594; из них дворян и беков 323 чел., духовенства 47 чел., купцов, торговцев, промышленников и других представителей городских сословий 4.749 чел., сельских сословий 3.321, военных 2.012⁶. В городе числилось 674 ремесленника⁷.

¹ Обзор состояния Дагестанской области за 1898 г., стр. 64.

² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6444, ч. I, л. 35.

³ К. Левый берег Кавказской линии в 1848 г., «Кавказский сборник» X, 1886, стр. 408.

⁴ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 79, л. 12.

⁵ Там же, д. 87, л. 6.

⁶ Обзор состояния Дагестанской области за 1898 г., стр. 43.

⁷ Там же, стр. 82—83.

Города становятся средоточием торговли и промышленности. Все же, хозяйственное развитие Кумыкии в целом шло в этот период довольно медленно. Роль городов как экономических, так и культурных центров была в то время все же незначительной.

Развитию товарообмена между плоскостью и горным Дагестаном, а также соседними областями сильно мешало отсутствие благоустроенных дорог, мостов и т. д. Однако основным тормозом на пути развития капиталистических отношений в Кумыкии были господствовавшие здесь феодально-крепостнические отношения и феодальная раздробленность. Царское правительство, осуществляя свою колониальную политику на Кавказе, не было заинтересовано в экономическом и культурном развитии его народов и старалось закрепить существовавшие здесь старые порядки. Вместе с тем втягивание Кумыкской равнины, как и всего Дагестана, в сферу народного хозяйства России, независимо от воли и желания царского правительства, способствовало ускоренному экономическому развитию Кумыкии. Идет сравнительно быстрый процесс складывания капиталистических отношений. Проникновение капитализма в Дагестан вызвало усиление купли и продажи земли, а также расщепления крестьянства. По мере усиления дифференциации крестьянства из него выделялась, с одной стороны, сельская буржуазия, с другой — беднота, источник формирования рабочего класса.

Не имея специальных исследований о расслоении кумыкского крестьянства и концентрации земли в руках сельской буржуазии, трудно указать, какой процент земельного фонда в пореформенный период переходит в руки этой зажиточной крестьянской прослойки. Достаточно сказать, однако, что к концу XIX в. у бывших владельцев земли на Кумыкской плоскости оставалось на правах собственности только 41,4 процента земли, а 58,6 процента было отчуждено путем продажи¹.

Положение крестьян еще более осложнялось в тех случаях, когда владельцы земли (мы имеем в виду районы, где не проводилось крестьянской реформы) отчуждали участки, на которые общества имели определенное сервитутное право. В частности, отдельные общества пользовались обычным правом пасти свой скот на бекских кутанах в течение известного периода года, чего они стали лишаться в пореформенный период. Таким образом, земля выступала в качестве товара, на который постоянно росла цена. Зажиточные крестьяне все более и более расширяли свои хозяйства и свою земельную собственность. Трудовое же крестьянство в состоянии было

¹ Н. П. Тульчинский, Поземельная собственность и общественное землепользование на Кумыкской плоскости, «Терский сборник», 6, 1903, стр. 24.

лишь арендовать землю. Имели распространение и субаренда земли. В таких случаях крестьянина эксплуатировал и непосредственный владелец земли и первый арендатор.

Ухудшала положение трудового крестьянина и все растущая колонизация края. Лучшие, самые плодородные земельные участки, а также леса отводились для колонистов. Отбирались прежде всего общественные земли, часто даже у самых остро нуждающихся в земле селений. Военный губернатор Дагестанской области князь Чавчавадзе вынужден был в 1889 г. доложить главноначальствующему на Кавказе, что «население области, особенно нагорной части, находится в безвыходном положении по малоземелью, средним числом на дым не приходится и $\frac{1}{2}$ десятины пахотной земли; при таком условии отвод земли постороннему элементу был бы новым нецелесообразным стеснением местных жителей и ухудшил бы их материальное положение»¹. Это признание губернатора было вызвано новой попыткой кавказской администрации захватить участки земли «Озень» в Темир-Хан-Шуринском округе в 2800 десятин, орошаемые Сулакским каналом, который был сооружен исключительно трудами местных жителей, по словам Чавчавадзе, «около 20 лет работавших над проведением этого огромного канала и ожидающих результатов своих долголетних трудов»².

Тяжелое положение кумыкских крестьян, стесняемых феодальным гнетом и колонизацией, усугублялось многочисленными подачками и повинностями казне. Крестьяне вносили подымную подать, земский сбор (хотя земских учреждений в рассматриваемый период в Дагестане не было), воинский налог, несли дорожную, подводную и квартирную повинности. К тому же феодально-зависимые отношения к владельцам в отдельных местах продолжали сохраняться вплоть до 1913 г.

Повсеместно наблюдалось глубокое имущественное расслоение крестьян. Общинная форма землепользования, существовавшая во многих обществах, не дает возможности полностью раскрыть картину имущественного расслоения и концентрации земли в руках зажиточной прослойки. Зато по распределению скота между группами хозяйств проследить данный процесс не трудно. Таркинское общество, например, насчитывало всего 796 хозяйств. Из них 434 хозяйства совершенно не имели рабочего скота, 262 хозяйства имели от 1 до 2 голов, 98 хозяйств имели от 3 до 4 голов и лишь 6 хозяйств

¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 231, оп. 1, д. 145, л. 2.

² Там же, лл. 2—3.

имели 5 и более голов рабочего скота¹. Та же самая картина наблюдается и по другим видам скота.

Тяжелое экономическое положение вынуждало кумыкских крестьян заниматься отхожими промыслами. «На отход» крестьяне шли обычно с осени, по окончании уборки урожая. Отправлялись они как в города Дагестана, так и в другие области и края. Баку, Астрахань, Ставрополь, Владикавказ, Кизляр и другие города привлекали большое число отходников из Дагестана. По данным 1898 г. только из Темир-Хан-Шурина округа на отхожие промыслы выехало 3330 человек².

Итак, с одной стороны — жестокая эксплуатация, с другой — острый недостаток скота, низкая техника земледелия, карликовые наделы, высокая арендная плата и т. д., все это вместе взятое говорит о том положении, в котором до Великой Октябрьской социалистической революции находился кумыкский крестьянин.

Недаром в кумыкской песне говорится:

Сабан да биз сурайдыкъ
Оракъ да биз орайдыкъ
Будай унгъа гъасирет
Дагъы да биз къалайдыкъ

(И пахали мы, и жали мы, но пшеничная мука все же оставалась нашей мечтой).

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась для народов Дагестана, как и для всех народов царской России, коренным поворотом в их исторических судьбах. Она положила начало радикальной перестройке экономики и культуры и вывела трудящиеся массы на светлый путь строительства социализма. Победа колхозного строя открыла широчайшие возможности для неуклонного подъема сельского хозяйства, промышленности и культурного уровня крестьянских масс.

Колхозный строй приобщил кумыкских крестьян к новой технике, неузнаваемо изменившей их труд. Благодаря значительным мероприятиям — освоению новых земель, осушке заболоченных участков, созданию широкой оросительной сети, в частности мощного канала имени Октябрьской революции — намного выросла площадь пахотных земель кумыков. В настоящее время завершается строительство Сулакской ГЭС, крупнейшего энергетического сооружения.

¹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 14, лл. 522—929.

² Обзор состояния Дагестанской области за 1898 г., стр. 81.

на Северном Кавказе. Создаваемое при ней водохранилище сыграет огромную роль в орошении и обводнении Прикаспийской низменности, в том числе Кумыкской равнины. Это в свою очередь позволит значительно расширить посевные площади, поднять урожайность полей и т. д.

Теперь сельское хозяйство кумыков развивается разносторонне. Большое внимание уделяется развитию садоводства, виноградарства, а также огородно-бахчевых культур. Ведущей отраслью полеводства почти во всех районах является, однако, возделывание зерновых культур и в первую очередь пшеницы. На базе садоводства, виноградарства и рыболовства быстро развивается консервная промышленность. Широко разрабатываются природные богатства Кумыкской равнины (нефть, газ, лес, соль, энергия рек и т. д.).

Коммунистическая партия и Советское правительство неустанно заботятся о максимальном удовлетворении постоянно растущих материальных и культурных потребностей трудящихся. Это вдохновляет кумыкское колхозное крестьянство на самоотверженный творческий труд, умножает их производственную активность и инициативу, их энергию и настойчивость в борьбе за высокую производительность труда, за новые успехи в развитии социалистического сельского хозяйства.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

І. ПОСЕЛЕНИЕ

Основным типом поселений кумыков издавна является селение, которое называется у северных кумыков «юрт» (Хасавюрт, Бабаюрт, Адиль-Янги-Юрт), Султан-Янги-Юрт), у южных кумыков «кент» или «гент» (Башликент, Каякент, Янгикент). Термин «юрт» не чужд и южным кумыкам, но употребляется чаще в значении жилища, наряду с равнозначущим термином «уьй» (дом). В связи с завершающейся в условиях советского строя консолидацией кумыков в одну социалистическую нацию и оформлением на этой основе единого литературного языка, термин «юрт» в значении селения стал широко распространяться и у этой группы кумыков. Однако собственно названия ряда селений, включающие термин «кент», продолжают сохраняться.

Можно предполагать, что термин «кент» или «гент» проник в диалект южных кумыков через Азербайджан, где селение называется «кенд», термин же «юрт», встречающийся у подавляющего

Рис. 5. Общины вид с. П. Казанище.

большинства кумыков, является более древним термином. По всей вероятности это слово кипчакского происхождения. Территориально границы употребления термина «кент» совпадают с границами распространения кайтагского диалекта (диалекта южных кумыков) и кончаются на территории Карабудахкентского района, где распространен диалект переходный от кайтагского к буйнакскому.

Следует отметить, что не всегда в качестве нарицательной части названия селения употребляется «кент» или «юрт». У северных кумыков нередко встречается еще и термин «аул»¹: Эндирей-аул, Кандаур-аул, Чонт-аул, Темир-аул, Муцал-аул (у засулакских кумыков), Халимбек-аул, Меселем-аул (ныне Сталин-аул), Агач-аул (у буйнакских кумыков). Селения с этим названием — главным образом позднего происхождения. Что касается древнейшего кумыкского селения Эндирей-аула (современный Андрей-аул), то оно прежде называлось просто Эндирей или Эндери. Именно это название встречается в литературе и архивных документах XVII—XIX вв.

¹ Аул (авул) — по-кумыкски означает «квартал».

Наряду с селениями, у кумыков в прошлом существовал и хуторской тип поселений, хотя он по сравнению с первым типом не играл особой роли, особенно у южных кумыков. Хуторской тип также имел два названия: «отар» у засулакских кумыков (хасавюртовский диалект) и «махи» — у всех остальных кумыков (буйнакский и кайтагский диалекты). Термин «махи», пожалуй, заимствован кумыками у своих соседей — даргинцев или аварцев. Что касается первого термина, то он, несомненно, местного происхождения. Нам думается, что слово «отар» образовалось от слова «от» (от — трава, ар — словообразующий суффикс), что значит «пастбищное место». В самом деле, «отары» или «махи» возникали в пастбищных местах, причем постройки в них первое время не были фундаментальными.

Численность населения этих хуторов постепенно росла, одновременно росли и сами хутора. Экономическое усиление хутора и увеличение численности его населения приводили к ликвидации зависимости его жителей от того селения, откуда переселились хуторяне. Хутора Чагар-отар, Адиль-отар, например, были образованы выходцами из сел. Аксай (Кумыкская плоскость). Как показывает само название, в Чагар-отаре первоначально жили крепостные (чагары) аксаевских князей. Впоследствии здесь поселились также выходцы из других мест, в том числе и с гор. В настоящее время эти отселки выросли настолько, что многие из них не отличаются от других селений ни числом жителей, ни размером, ни типом построек, ни культурным обликом, хотя они и продолжают носить старые названия «отар».

В этой связи следует отметить, что утверждение известного кумыкского исследователя первой половины XIX в. Девлет-Мурзы Шихалиева о том, что «все мелкие деревни на Кумыкской плоскости первоначально¹ были не что иное, как хутора княжеские или узденские, впоследствии времени обратившиеся в прочные деревни»², вполне заслуживает внимания.

С основанием каждого селения кумыки связывают различные предания. Например, основанию селения Башлы, разрушенного в 1877 г., посвящено следующее предание.

Когда-то предки башлынцев (жителей теперешних селений Башликент, Капкайкент и Джаванкент) жили в трех селениях, называвшихся тогда Батырша, Ордеги-Башлы, Хагуре-Ташлар, располагавшихся амфитеатром несколько выше этих современных селений. Возвышенное положение селений на склонах гор, на опреде-

¹ Имеется в виду послемонгольский период.

² Кумык (Д.-М. Шихалиев), Рассказ кумыка о кумыках, «Кавказ», 1848. 40.

ленным расстоянии друг от друга, позволяло жителям наблюдать за врагом и обороняться от попыток вражеского вторжения.

Так как в этих селениях не было воды, то жители их спускались за ней вниз, в долину Башлы-чай, к источнику. В селении Хагуре-Ташлар («Большие камни») жил некто Алибек. У него было 20 сыновей, а у 20 сыновей 40 друзей. Все они служили одному Алибеку. Ежедневно Алибек посылал то тех, то других из них к источнику, куда приходили с кувшинами на спине женщины из всех трех селений. Посланные Алибеком ежедневно похищали у источника одну из красивых женщин, независимо от ее семейного положения, и доставляли ее Алибеку. Проведя с ней ночь, он отпускал ее. Вернувшись домой, женщины ничего не говорили своим мужьям, опасаясь мести.

Однажды к Алибеку попала жена жителя селения Батырша. Вернувшись утром к мужу, она рассказала ему о случившемся и добавила: «Если можешь, береги меня как жену, если нет, то я уйду к Алибеку, который меня опозорил, и буду жить у него». После этого выяснились и другие гнусные дела Алибека. Возмущенное общество решило расправиться с ним.

Один мудрый старик предупредил, что Алибек очень силен и жесток и в случае победы будет страшно мстить. Вместе с тем, мудрец дал совет обратиться к известному своей храбростью жителю соседнего селения — Ордеги-Башлы. Этот человек действительно оказался бесстрашным и дал согласие возглавить борьбу против Алибека. Алибек, не подозревая о заговоре, гулял на террасе своего замка. Увидев людей, направлявшихся к его дому, он понял их намерения. Недолго думая, он вернулся в комнату и взял лук и стрелы. Заметив это, житель Ордеги-Башлы объявил наступавшим, что они не должны входить во двор до его сигнала. Желая замаскировать свои планы, он вошел во двор Алибека, взяв с собой нескольких человек. Обманувшись якобы мирными намерениями пришедших, Алибек оставил свое оружие и спустился вниз. Тут завязалась борьба, в результате которой были убиты как сам Алибек, так и все его сторонники. После победы общества селения Батырша над Алибеком, все три селения объединились и построили одно крупное селение Башлы в долине Башлы-чай.

О возникновении современного селения Алхаджикент у жителей его сохранилось следующее предание.

В трех километрах к югу от современного селения Алхаджикента, там, где ныне находится мельница «Таргьутирмен», когда-то находилось большое селение Таргу (Таргью). Доказательством этого являются сохранившиеся до сих пор развалины. Это селение было

настолько велико, что жители одного квартала не знали жителей других кварталов. Оно отличалось не только численностью населения, но и своим богатством. На лугах селения Таргу паслось одних только белых лошадей, причем слепых на правый глаз, 1000 голов. Его населению не раз приходилось воевать с врагами и отстаивать свою независимость.

Как-то раз враги решили во что бы то ни стало сломить сопротивление жителей Таргу. Для этого им нужно было узнать их людские силы, военную мощь и богатство. Один из посланных с этой целью лазутчиков постоянно находился поблизости от родника, куда ежедневно приходило за водой много женщин, которые беседовали на разные темы. Однажды рано утром женщины увидели у родника чучело с тремя ногами. На чучеле были надеты широкие женские штаны, сшитые на три ноги. Все, кто приходил, разумеется, выражали свое удивление.

Старики, которым рассказывала об этом случае молодежь, предсказывали беду. Беду предсказывала и одна немая девушка, по имени Угъланбеги. Это была грустная девушка, мать которой умерла сразу после ее рождения. Накануне нашествия врагов Угъланбеги впервые обрела дар речи. Она сказала, что будет большое несчастье для ее народа. Мачеха ударила ее за эти слова, заявив: «До сих пор ты не разговаривала, а начала говорить с плохого». Девушка обиделась. Она пошла к своей подруге и сказала, что больше жить не будет. «Я воткнула в одно место шест, — добавила она. — Как только наше селение будет разгромлено, переселяйтесь туда и стройте свои жилища». Произнеся это, она простилась с жизнью, превратившись в святую, для которой был потом сооружен «пир», существующий и поныне.

В этот же день пришла к роднику одинокая, старая, видевшая многое на своем веку женщина. Увидев штаны, она также высказала свое удивление и сказала, что за свою многолетнюю жизнь в этом ауле, где живет так много людей (она назвала число жителей), она не видела человека с тремя ногами, который мог бы носить такие штаны.

Получив нужные сведения о численности жителей селения, лазутчик вернулся к своим и сообщил об услышанном. Другие сведения, в частности, о количестве белых лошадей, слепых на правый глаз, сообщили остальные лазутчики. Мощь жителей Таргу была очевидна и врагам нужно было незаметно сосредоточить большую конницу вблизи селения, чтобы напасть внезапно. Это была весьма сложная задача, так как селение со всех сторон охранялось вооруженной стражей. Враги пошли на хитрость: подковали всех коней

необычным способом, повернув подковы в противоположную сторону. Поэтому таргунцы не могли определить направление конницы неприятеля. Поздно ночью, когда жители селения спали, враги сосредоточили свои силы, в том числе конницу, в одном из ущельев возле Таргу и ожидали наступления следующей ночи.

Утром стража заметила следы конницы. Так как подковы показывали обратное направление, стража решила, что конница вышла из Таргу, и не стала бить тревогу. Ночью враги напали на Таргу. Произошло кровопролитное сражение. Таргунцы, захваченные врасплох, не смогли отбросить врага и стали сдавать свои позиции. В этом бою участвовали и женщины. Одна женщина убила ножницами семь человек и, умирая, запела:

Не гюндеги къыз эдим,
Не гюм гелди башыма,
Уьч сагъ туз теге эдим,
Бир гюн этгем ашыма¹.

(Подумать только, кем я была и что со мной стало. Ведь было время, когда я три мерки соли в пищу клала).

В результате нападения, селение Таргу было до основания разрушено и большинство населения перебито. Оставшиеся в живых жители основали два селения: Алхаджикент — по имени *Алхаджан*, его первого основателя, где Угъланбеги воткнула шест, и современные Тарки — по имени разрушенного Таргу.

Тропинку, которая ведет к старому Таргу, жители сел. Алхаджикент и поныне называют Таргъу-сокъмакъ (таргинская тропинка). Как рассказывают жители селения, на надмогильных памятниках, сохранившихся до недавнего времени, сообщалось о численности населения Таргу, о датах и характере военных действий против врагов, изображались отдельные бытовые сцены и т. д.²

Версия о переселении из Таргу в ныне существующее селение Тарки, пожалуй, не выдерживает никакой критики. Поскольку оба эти селения были расположены в узком ущелье, они могли носить и одинаковые названия — Таргу (тар—узкий, кьол—ущелье). Известный армянский автор VIII в. Вардапет Гевонд прямо указывает на существование в начале VIII в. гуннского города Таргу за Дер-

¹ Жители Алхаджикента говорят, что текст песни был записан на одном из разрушенных надгробных памятников арабской графикой на кумыкском языке.

² Записано со слов колхозницы сел. Алхаджикент Каякентского района Папу Гаджиевой 5 мая 1956 г.

бентом¹. Трудно только установить, о каком из двух указанных Таргу говорит данный автор, хотя в примечании и указывается, что Таргу — это современные Тарки.

Как бы далеки ни были от действительности эти легенды, они содержат известную долю правды, а именно — они повествуют о древнем периоде истории народа, о межплеменных войнах, о коллективной обороне против внешних врагов, о состоянии военной техники и военного искусства, о борьбе народных масс против родовой знати и т. д. Для нас эти легенды ценны тем, что, являясь реальными историческими воспоминаниями народа, они свидетельствуют о многовековом пребывании кумыков на данной территории и о древнем возникновении на ней ряда ныне существующих селений. Эти предания совершенно исключают предположения о сравнительно позднем (XIII в.) проникновении сюда кумыков из других мест. Этим мы, однако, не отрицаем роли пришлых племен, в частности, кипчаков, в процессе формирования кумыкской народности, о чем свидетельствуют данные языка, материальной культуры и др.

Этнографические материалы о засулакских кумыках (бывшая Кумыкская плоскость) дают основание полагать, что на данной территории во время татаро-монгольского нашествия (XIII—XIV вв.) древние селения кумыков были до основания разрушены. Из-за трудности обороны на равнинной местности засулакских кумыков очевидно легко покорили монголы. Большая часть населения была истреблена, а оставшихся в живых оттеснили к горам.

Только в XV—XVI вв. происходит обратное заселение Кумыкской плоскости из Тарковского шамхальства и другими дагестанскими горами. Одним из неоспоримых свидетельств этого является сравнительно позднее происхождение всех ныне существующих селений засулакских кумыков. Здесь не сохранилось ни одного древнего памятника, ни одной старинной крепости, ни единой башни.

Народные предания засулакских кумыков указывают, что первыми обитателями Кумыкской плоскости были гуены и тюмены² и что первым селением, возникшим на этой территории, является селение Эндирей (ныне Андрей-аул). Рассмотрим одно из преданий, посвященных основанию Эндирея.

Первоначально в Эндирее жили тюмены и недалеко от них (на территории современного Казбековского района) — гусны. Эти племена постоянно враждовали между собой. Только у одного юноши

¹ История халифов Вардапета Гевонда, СПб. 1862 (пер с армянского), стр. 27—28, 108.

² Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа, СПб., 1895, стр. 236—239.

из племени тюменов — Индер-бай — был друг гуев. Каждый день после охоты они встречались и вместе проводили свободное время. Однажды Индер-бай присутствовал при обсуждении его соплеменниками-тюменами плана поголовного уничтожения гуев. Тюменский тамаза (старейшина) решил для этого пригласить гуев к себе и напоить отравленным напитком. На следующий день Индер-бай отправился к своему другу и предупредил его о грозящей гуенам опасности. Получив приглашение, предупрежденные гуены ответили, что принимают его с большой радостью, но просят подождать три дня, так как они якобы положили все свои луки в воду (в действительности они положили в воду не все луки, а только старые¹) и им неудобно идти без оружия. По возвращении домой, посланные тюменом сообщили, что гуены положили луки в воду. Видя в этом усовершенствование военной техники, тюмены решили проделать то же самое. Они положили в воду все свои луки, в том числе и новые.

Через три дня тюмены повторили свое приглашение и на этот раз все мужское население гуев, способное носить оружие, отправилось в гости. Их тамады расположились на почетных местах, а молодежь в боевом порядке стала за ними, заявив, что по обычаю племени молодые не смеют сидеть при старших. По числу гуев в бокалы был налит отравленный напиток и преподнесен гостям. Однако гуены, опять-таки сославшись на свой обычай, предложили сперва выпить напиток почетным тюменам. Не находя иного выхода, они выпили напиток и умерли от яда. Остальных тюменов гуены захватили в плен.

Земля племени тюменов очень понравилась гуенам и они основали здесь селение. В знак благодарности Индер-баю, которого гуены усыновили и окружили почетом, они дали этому селению его имя. Впоследствии оно изменилось в Эндирей².

По другой версии Эндирей прежде называлось Балкъ-шагьар³. Во времена монголов, опасаясь их нападений, жители Балкъ-шагьар убрали хлеб по ночам. Поэтому, гласит предание, селение стало называться Индир-ай (месяц молотбы)⁴. Можно допустить также, что название Эндирей произошло от слов эндир-бай (богатый обмолот). В самом деле селение Эндирей — древнее селение Кумыкской плоскости — отличалось развитым хлебопашеством. Жители

¹ Новый лук, сделанный из сырого дерева, будучи положен в воду, теряет свои боевые качества.

² Записано у кумыкского сказителя Аю Акавова в 1953 г. в г. Хасавюрте.

³ И. Бахтамов. Чирка, или аул Чиркей, «Кавказ», 1863, 29.

⁴ Записано у колхозника сел. Андрей-аул Забита Чураева.

сел. Эндирей снабжали своих соседей (ногайцев и др.) зерном. Так или иначе, по этой версии, название селения связано с основным занятием жителей — возделыванием зерновых культур. Аналогичные названия имеют и другие селения. Таково, например, название сел. Капчугай. Мы склонны считать, что Капчугай произошло от двух слов: «къапчыкъ» (къапчукъ) — мешок из целой овчины и «ай» — месяц, т. е. месяц сбора урожая.

Относительно названия Балкъ, или Балыкъ-шагъар следует заметить, что оно могло произойти от другого основного (в то время) занятия населения — рыболовства (балыкъ — рыба) и существовать параллельно с первым названием. Голландский путешественник XVII в. Адам Олеарий, посетивший сел. Эндирей, писал, что «жители здесь большею частью рыбаки; часто они находились на реке, так как она богата рыбой, и с помощью острых железных крючков, привязанных к длинным шестам и удерживаемых на дне, они ловили очень много осетров, а также другую породу рыбы, сходную с осетром»¹.

Что касается первого предания об образовании названия Эндирей, то в его основе, по-видимому, лежит исторический факт. Гуены и тюмены—племена, вероятно, тюркоязычные, действительно обитали на данной территории после монголо-татарского нашествия и были одними из основателей Эндирея, давшими свое название двум кварталам этого селения: Тюмень-аул и Гуен-аул².

Здесь уместно вспомнить предания кумыков о первом князе Кумыкской плоскости Султан-Муте, сыне шамхала Тарковского, которому отец в XVI в. уступил Кумыкскую плоскость, после чего началась интенсивная колонизация этой территории выходцами из шамхальства Тарковского, горцами Дагестана и даже кабардинцами³.

Многие считают, что все ныне существующие селения этой части, в том числе и сравнительно крупные: Аксай, Костек, Султаи-Янги-Юрт и другие, были основаны выходцами именно из селения Эндирей после XVI в. Ряд селений (Бабаюрт, Казиярт, Хасавюрт, Муцал-аул, Адиль-Янги-Юрт, Хамаматюрт и др.) действительно были основаны в конце XVIII или в первой половине XIX в.

Основание отдельных аулов еще помнят некоторые старожилы. Например, столетний колхозник сел. Хамаматюрт, Бабаюртовского района, Махмуд Бекболатов прекрасно помнит историю развития

¹ А. Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, СПб, 1906, стр. 509.

² Н. Семенов, указ. соч., стр. 237.

³ Шамхалы Тарковские, ССКГ, 1, 1868, стр. 58.

селений Бабаюрт и Хамаматюрт. «Бабаюрт вырос на наших глазах, — говорил он, — я помню, когда там было 3—4 хозяйства. Селение тогда называлось Магомед-къапу. Это был маленький отар». Бекболатов помнит и основание современного селения Хамаматюрт, которое прежде стояло на Тереке; после наводнения, затопившего селение, жители его обосновались в другом, более удобном месте, но свое новое селение они называли по-старому — Хамаматюрт. Это подтверждают и другие старейшие жители данного селения.

Таким образом, эти предания, как и памятники материальной культуры, указывают на сравнительно позднее происхождение ныне существующих селений засулакских кумыков, в том числе и их первого селения — Эндирей.

Следует ли думать, что отсутствие у засулакских кумыков памятников более раннего периода лишает возможности воссоздать древнюю историю кумыкского народа в целом? Безусловно, нет. Исследования советских археологов в различных районах, в которых издавна проживают кумыки (Каякентском, Карабудахкентском и др.), дают богатый материал по древнему периоду истории кумыкского народа. Поэтому одной из очередных задач дагестанских археологов являются широкие археологические раскопки на территории засулакских кумыков, что несомненно даст ценный материал, освещающий характер поселений и жилищ, технику земледелия древних обитателей Кумыкской плоскости и социально-экономические отношения.

Говоря о старых поселениях кумыков, следует указать, что многие из них в более позднее время сильно пострадали как от феодальных междоусобиц, так и от иранских захватчиков. Иранские завоеватели не раз подвергали уничтожению дагестанские аулы, в том числе кумыкские. В XVIII в., в период опустошительных походов на Дагестан Надиршаха, особенно сильно пострадали селения южных кумыков, входившие тогда во владение уцмийства Кайтагского.

Разрушения имели место и в процессе присоединения Дагестана к России (Утамыш, Башлы, Аксай, Эндирей и др.). Во время Персидского похода Петра I, в 1722 г., вся «деревня Эндери», как назывался Эндирей в русских источниках, была «разорена и превращена в пепел»¹. Получив от жителей сел. Эндирей присягу на верность российскому престолу, Петр I разрешил им вновь поселиться на старом месте, только «без укрепления»².

¹ П. Г. Бутков, Материалы по новой истории Кавказа, т. I, СПб., 1869, стр. 22.

² П. Г. Бутков, указ. соч., стр. 25.

Башлы считалось одним из самых крупных селений в уцмийстве Кайтагском. В нем, как указывают источники, насчитывалось более 2000 домов¹. С начала XIX в. оно не раз подвергалось разорению царскими войсками. Генерал-майор Пестель в своем рапорте генералу Ермолову от 20 ноября 1818 г. писал, что башлинцы свои семейства «скрыли в горы, но имущества всего забрать не успели в надежде защищаться, однако, предвидев то ненадежным, не решились... и спаслись бегством. После чего в городе той части, которая не была разорена прежде, дома преданы огню, запасы хлеба, скрытые в ямах, истреблены..., а остальное, имеющееся в большом количестве в хуторах, по дороге нашей предано будет огню»². Ермолов лично дал предписание об «истреблении Башлы» и других селений. Во время восстания 1877 г. Башлы было окончательно разрушено. Жители его были разбиты на три группы и им были выделены в трех различных местах участки для основания новых селений. С течением времени башлинцы с помощью жителей соседних кумыкских и даргинских аулов построили себе дома и основали нынешние селения Башликент³, Қапкайкент и Джаванкент.

Примерно в 1825 г. Ермоловым было разрушено до основания селение Аксай, которое находилось в 18 километрах от современного одноименного селения и которое, как рассказывается в народе, просуществовало со времени своего основания только 90 лет. Говорят, что оно находилось немного южнее бывшего укрепления Герзел-аул, на почтовой дороге из Грозного в Хасавюрт. В народе также говорится, что причиной разрушения селения Аксай было убийство царского офицера, прибывшего сюда для усмирения местных жителей, поднявшихся против феодального гнета и убивших местного бия М. Хасаева⁴. Жителям Аксая было разрешено поселиться рядом с небольшим населенным пунктом Ташгечив. С течением времени население обоих аулов значительно увеличилось, что привело к их слиянию и образованию одного большого селения под названием Аксай. Наряду с этим названием до недавнего времени

¹ Рапорт ген. Хатунцова ген. Ртищеву от 1 июля 1812 г., АКАК, т. V, стр. 616.

² АКАК, т. VI, ч. II, стр. 57.

³ Оно тогда называлось Александр-кент, по имени царя Александра II. После Октябрьской революции до 1937 г. оно называлось Джалал-кент, а в настоящее время называется Башликент.

⁴ Эти сведения сообщили нам житель сел. Аксай Исрапил Омаров, 1868 г. рожд. и житель сел. Хамаматюрт Махмуд Бекболатов, 1856 г. рожд., их данные вполне соответствуют сообщениям, имеющимся в литературе. Ср. М. Мохир, Аксай (или Ташкичу), СМОМПК, 16, 1893, стр. 30.

употреблялось и другое название— Ташгечив, по имени старой части селения.

Многие населенные пункты подвергались разрушению и в период движения мюридизма в Дагестане. Девлет-Мурза Шихалиев так характеризует разрушительные действия Кази-муллы и мюридов на Кумыкской плоскости. «Таких деревень¹ было много до 1831 года, с появлением Кази-муллы большая часть их была уничтожена; потом все они были восстановлены; но когда мюридизм в горах начал усиливаться и опасности для кумыков увеличались, то большая часть мелких деревень, в 1840 году, опять уничтожена. Теперь одни развалины их сохранили свои наименования, например, Лаклак-юрт, Генже-аул, Карлан-юрт, Гуен-отар, Сала-отар, Качкар-юрт, Хасав-юрт, Баммат-юрт, Бал-юрт, Бамматбек-юрт, Казак-Мурза-юрт, Имаи-Гул-юрт, Баба-юрт, Нуракай-юрт, Танай-юрт, Азамат-юрт, Умахан-юрт Нижний и пр.»².

Наряду с тем, следует указать на строительство крепостей в период присоединения Дагестана к России и кавказских войн, и на появление ряда русских населенных пунктов на территории, занятой кумыками. Это важно отметить прежде всего потому, что отдельные из этих укреплений в силу ряда экономических и политических причин развились до положения городов и стали местными центрами экономической и культурной жизни. Как известно, еще в XVI в. вблизи устья реки Терек была построена русская крепость, называвшаяся Терским городом, а в 1722 г. на берегу реки Сулак (недалеко от нынешнего сел. Кази-юрт) была основана крепость Св. Креста. Особенно важное значение имело основание в 1736 г. крепости Кизляр (ныне город Кизляр), которая впоследствии стала одним из основных экономических центров Северного Кавказа, сыгравшим большую роль в укреплении русско-дагестанских отношений.

Многие укрепления левого фланга Кавказской линии находились на территории, населенной кумыками. Так возникли крепость Внезапная, построенная Ермоловым в 1819 г. на левом берегу р. Акташ (напротив сел. Эндирей), крепость Бурная, построенная тем же Ермоловым в 1818—1821 гг. на Таргу-гау, Низовое укрепление, построенное в 1839 г. на берегу моря (северо-восточная часть нынешней Махачкалы), укрепление Чирюрт, построенное в

¹ Речь идет о мелких населенных пунктах.

² «Кавказ» 1848, 40. Многие из перечисленных здесь селений потом были восстановлены.

1846 г. и Петровское укрепление, основанное в 1844 г. в двух—трех верстах от Шизового укрепления. Здесь, по преданию, находился с 12 по 16 августа 1722 г. лагерь Петра I. В 1857 г. Петровская крепость была переименована в портовый город Петровск. В 1832 г. было основано и Темир-Хан-Шуринское укрепление, а в 1846 г. — укрепление Хасав-юрт.

Некоторые из этих укреплений и крепостей, благодаря своему удобному расположению на путях, соединяющих экономические центры края, быстро стали расти и с течением времени превратились в города (Хасавюрт, Темир-Хан-Шура, Порт-Петровск), что имело огромное историческое и культурно-экономическое значение. Большинство же этих укреплений было до основания разрушено в период кавказских войн и после их окончания.

После кавказских войн, особенно в пореформенный период, усиливается колонизация Северного Кавказа, в том числе и кумыкской равнины, русскими поселенцами. Возникают русские селения и хутора как на частновладельческих землях, так и на землях, принадлежавших казне. Так возникли ныне существующие селения Нечаевка, Багатыревка, Покровское, Кизилюрт и др. Вместе с возникновением новых населенных пунктов в местах, где перекрещивались главные дороги, связывавшие разные экономически важные районы, постепенно падает экономическое значение отдельных крупных для первой половины XIX в. центров. Такая участь постигла Тарки — в связи с возникновением рядом с ним г. Петровска, Эндирей и Аксай — в связи с ростом г. Хасавюрта, Дженгутай — в связи с развитием г. Темир-Хан-Шуры и др.

Как известно, на Кумыкской равнине с начала XVIII в. проживают и ногайцы. Они делились на три группы: таркинских, проживавших на р. Сулак, подвластных Тарковским шамхалам, аксаевских, подвластных аксаевским князьям, кочевавших у берегов Терека, и костековских, подвластных костековским князьям, обитавших между двумя первыми группами. По современному административному делению ногайские селения вошли главным образом в Бабаюртовский район (Тамаза-тюбе, Геме-тюбе, Мужукай, Аркагечен и др.).

До недавнего времени ногайцы вели кочевой образ жизни. Жили они в кибитках, называемых «тельме». Группа, примерно в 40—60 кибиток, составляла селение, которое называлось «куп» или «аул». Семенов так описывает ногайские селения конца XIX в.: «Куп состоит из нескольких групп кибиток, расположенных одна от другой на расстоянии от версты до двух. В каждой группе насчитывается от 40 до 60 кибиток, поставленных таким образом: половина киби-

ток занимает окружность круга, настолько обширного, чтобы внутри его мог поместиться весь скот группы или юрта, а другая половина, состоящая из кибиток меньшего размера, размещается за чертою внутри круга»¹.

По сообщению того же Семенова, ногайцы выбирали для своих юртов возвышенные места и предпочитали «располагаться около курганов» (тюбе). Недаром термин «тюбе» составляет нарицательную часть названия отдельных ногайских аулов (Тамаза-тюбе, Геме-тюбе, Кара-тюбе). Интересно отметить, что ногайцы свои кладбища также строили только на возвышенностях (тюбе) и в поисках такого места в условиях равнинной территории нередко возили умерших на расстояние 10—15 километров от своей стоянки. «Тюбе» почиталось ногайцами и в домашнем быту. Одним из признаков зажиточности у них было количество золы и кизяков. Эта зола ссыпалась вблизи домов. Чем больше ее было, тем богаче считалась семья. Ногайская поговорка гласит «Опу кулю тюбе болмай» (он из тех, которые свою золу не могут собрать в кучу, т. е. он принадлежит к бедноте).

Кумыкские ногайцы в течение года меняли место стоянки один—два раза: осенью, когда они передвигались к кишлакам (зимние кутаны с камышевыми крытыми дворами для скота), и весной, когда они передвигались к летним пастбищам. Так как земли у ногайцев было мало, то многим из них приходилось кочевать севернее реки Новый Терек на земли, принадлежавшие русским казачьим станицам.

Во второй половине XIX в., с проведением земельной реформы и с созданием новой оросительной сети, ногайцы стали постепенно переходить к оседлой жизни. Этот процесс особенно усилился после Октябрьской революции, когда ногайский народ, в прошлом наиболее угнетенный и отсталый, получил все возможности для общественно-экономического и культурного развития. В настоящее время все ногайцы ведут оседлый образ жизни.

В результате длительного и интенсивного процесса естественной ассимиляции ногайцев в кумыкской среде, мы наблюдаем у них чрезвычайно много общего с материальной культурой кумыков, в частности в типе поселений. Во многих селениях ногайцы теперь проживают вместе с кумыками (Бабаюрт, Люксембург и др.). В связи с укрупнением колхозов, жители отдельных мелких аулов (Узун-аул, Аулу-отеген-аул, Хум-аул и др.) были переселены в более крупные населенные пункты (Главный Кут, Лопатин и др.).

¹ Н. Семенов, указ. соч., стр. 366—367.

Помимо кумыков на культуру ногойцев большое влияние оказывает русское население, проживающее вместе с ними в районе рыбных промыслов (Лопатиц, Сулак, Главный Кут и др.).

Не следует, однако, на основании сказанного думать, что ногойцы совершенно утратили национальные особенности своей культуры. Эти особенности сохраняются во внутреннем убранстве жилища, в пище и других видах материальной культуры.

Пристального внимания исследователей требует вопрос о возникновении и продолжающемся сейчас процессе развития поселений горцев на Кумыкской равнине. Этот вопрос, к сожалению, совершенно не изучен. Между тем он имеет большое значение в определении исторических и экономических связей, а также культурной общности народа Дагестана. Ввиду того, что эта тема должна явиться предметом специального исследования, мы коснемся здесь лишь вопроса об основании отдельных населенных пунктов, возникших в результате переселения горцев на плоскость.

Многочисленные предания кумыков о князе Султан-Муте, сыне шамхала, получившем в удел засулакскую равнину (Кумыкская плоскость), и о заселении ее после нашествия монголов, указывают на тесные связи кумыкских (засулакских) владетелей XVI—XVII вв. с горцами аварской группы народностей. Как свидетельствуют предания, «союзниками» Султан-Мута в его борьбе с отцом и братьями за свой удел были кабардинцы и горцы из аварской группы народностей (салатавцы), ныне жители Казбековского района.

Потомки Султан-Мута широко привлекали горцев в свои дружины. Дружинники-горцы щедро награждались землей, оружием, верховыми лошадьми и т. д. Такие горцы нередко переселялись на плоскость на постоянное жительство, составляя опору кумыкских владетелей в их феодальных междоусобицах. Награждению землей отдельных горцев способствовал и развитый среди кумыкской феодальной знати институт аталычества. Кумыкские феодалы отдавали своих детей на воспитание не только местным узденям, но и горцам. Воспитанный в доме горца сын кумыкского князя на всю жизнь сохранял уважение к своему воспитателю и оказывал ему всевозможные услуги.

На Кумыкскую равнину спускались не только состоятельные горцы (аталыки, нукеры и др.), но и беднота, которая из-за малоземелья в горах вынуждена была устраиваться на землях кумыкских феодалов, неся бремя тяжелой феодальной ренты. С развитием товарных отношений часть горцев стала приобретать земельные участки на плоскости и путем покупки.

Большое значение в деле освоения горцами новых земель на плоскости имел отгонный характер животноводства в Дагестане. Имея немало отрицательных сторон, отгонное животноводство сыграло огромную роль в развитии культурно-экономических связей кумыков и горцев Дагестана. Находясь на плоскости 5—6 месяцев в году и эксплуатируя, как правило, один и тот же участок феодальной земли, горцы-барановоды делали здесь некоторые капиталовложения, воздвигали не только временные хозяйственные помещения, но и жилые строения, которые периодически обновлялись.

В силу указанных и ряда других исторических причин на Кумыкской равнине возникло значительное число поселений аварцев, а также даргинцев. Так, на наш взгляд, была заселена аварцами значительная часть современного Казбековского района. Это подтверждается данными топоимики района. Названия многих местных населенных пунктов, родников, гор, отдельных земельных участков имеют кумыкское происхождение. Возьмем, к примеру, названия двух аварских селений: Козтала и Гертма. «Къозтала» по-кумыкски значит *ореховая поляна*. В самом деле, это место и в настоящее время отличается обилием ореховых деревьев. Название Гертма, по-кумыкски «Гертме», т. е. лесная груша, также связано с характером местности — там и сейчас много таких деревьев.

И. Бахтамов считал, что название аварского сел. Миатли, или Миятли, происходит от слияния двух кумыкских слов «минг атлы» (тысячеконные) и что это селение называлось так потому, что оно выставляло против неприятелей конницу из тысячи человек¹. Нам думается, что автор не точен в определении значения этого селения в прошлом. Одно селение Миатли вряд ли могло выставлять такое ополчение. Вероятнее всего, что сел. Миатли, расположенное на реке Сулак, на удобном месте, в силу ряда причин играло важную военно-стратегическую роль и было более известно, чем другие селения салатавцев. Поэтому общая военная сила салатавцев могла быть приписана одному этому селению.

По данным того же автора, аварское сел. Чиркей современного Буйнакского района имеет всего лишь 250-летнюю историю. «Эти горцы, — писал он об обществе сел. Чиркей в 1863 г., — 160 лет тому назад вышли из разных мест Аварии, избрали место на левой стороне реки Сулак и поселились на земле, принадлежавшей некогда андреевским князьям, коим платили произведениями из посевов и садов своих, впоследствии приобрели это место покупкою»². Не делая попыток расшифровать название аула Чиркей, мы, одна-

¹ И. Бахтамов, указ. соч., «Кавказ», 1863, 29.

² Там же.

ко, склонны считать, что оно кумыкского происхождения. Для этого мы имеем следующие основания. Старожилы аварского селения Чириурт (Чир — по-кумыкски забор, юрт — селение) рассказывают, что они — выходцы из разных районов Аварии. В селении сохранилось три тухумных названия: Буртунайтухум — переселенцы из сел. Буртунай, Казбекского района, Багулалтухум — выходцы из западной Аварии, Лагтухум (бывшие рабы)¹. Нам думается, что названия Чириурт и Чиркей имеют одинаковый корень — чир (забор). Трудно объяснимый словообразующий аффикс «кей» встречается и в других названиях, например, в названии селения Берикей.

Так постепенно возникли на плоскости селения Нижний и Верхний Каранай, Верхний Дженгутай (на территории современного Буйнакского района), Нижний Чириурт, Бавтугай (последнее название произошло из слияния двух кумыкских слов («бав» — сад и «тогай» — кривая долина и местность, богатая садами), Какаяурт (на территории Кизилюртовского района) и др. Одни из этих селений возникли в более ранний период, другие — сравнительно недавно.

Процесс переселения горцев на плоскость продолжается и сейчас. Так, в 1944 г. из переселенцев — лакцев — был образован Новолакский район. В Хасавюртовском районе за последнее пятилетие возникло крупное селение Куруш, основателями которого являются переселенцы из высокогорного лезгинского аула Куруш.

Говоря о передвижении горцев на плоскость, нельзя обойти вопроса об их индивидуальном переселении в собственно кумыкские аулы. На пограничной полосе соприкосновения аварцев и даргинцев, с одной стороны, и кумыков — с другой, существует множество кумыкских населенных пунктов, в которые издавна переселяются отдельные семьи или группы семей горцев. Они постепенно ассимилируются среди кумыков, накладывая, однако, диалектный отпечаток на язык этих кумыков. Это доказано дагестанскими диалектологами Ш. И. Микайловым, М. С. Саидовым и И. А. Керимовым. В качестве примеров можно назвать такие селения, как Алхаджикент, Каранай-аул (Каякентского района), Нижний Дженгутай, Верхнее и Нижнее Казанище, Эрпели, Ишкарты (Буйнакского района), Дургели, Какашура, Параул (Карабудахкентского района) и др.

¹ Записано со слов 72-летнего колхозника Гасана Айдемпрова из сел. Чириурт Кизилюртовского района в 1954 г.

Таким образом, систематическое переселение горцев на плоскость привело не только к образованию самостоятельных населенных пунктов горцев, но и к пополнению существовавших издавна кумыкских селений. Все это способствовало ослаблению национальной ограниченности, развитию чувства единства народов Дагестана и взаимному обмену как материальными, так и духовными ценностями.

Селения, основанные горцами на территории Кумыкии, по своей планировке и внешнему облику очень похожи на кумыкские селения. Вместе с тем, продолжают сохраняться и некоторые особенности национальной культуры горцев. Это проявляется более всего во внутреннем убранстве жилых помещений, в пище и др.

Селения кумыков в большинстве случаев расположены на возвышенности, но с горизонтальной планировкой. Исключение составляют селения засулакских кумыков, расположенные на равнине, а также селения, созданные в более позднее время. Некоторые селения, например Тарки, Кяхулай, Алхаджикент, Тумеллер, расположены на весьма значительной высоте.

Расположение многих селений в сравнительно трудно-доступных местах при наличии рядом более удобной низменности было вероятно вызвано потребностями обороны. Примечательно, что в стенах отдельных домов, примыкающих к обрывам, когда-то имелись, как об этом рассказывают старики, бойницы, которые потом были заложены камнями. Кроме того, в селениях имелись башни и другие оборонительные и наблюдательные пункты. Об укреплении домов бойницами свидетельствует П. Пржецлавский, состоявший в начале 60-х годов XIX в. помощником военного начальника Среднего Дагестана. Он пишет: «Все селения (юртлар) построены сжато, конечно, для удобнейшей при нападениях неприятеля обороны, так, что одно строение прилеплено к другому; улицы узкие, едва дающие возможность разехаться двум арбам... В примыкающей к улице стене, около дверей и окошек, делаются бойницы так, что кажлая комната в военном отношении имеет характер оборонительный. Бойницы эти, когда в них нет надобности, закрываются камнями»¹.

О существовании в прошлом оборонительных сооружений свидетельствуют и более ранние источники. Так, в своем «Описании Кавказской губернии и соседних горских областей» 1812 г. А. М. Буцковский отмечает, что в Эндирее «почти все княжеские дома

¹ П. Пржецлавский, Нравы и обычаи в Дагестане, «Военный сборник», 1860, 4, стр. 274—276.

окружены каменными оградами и оборонительными башнями»¹ То же самое пишет он и о селении Аксай. После разрушения Эндирея во время Персидского похода Петра I жителям, как говорилось выше, было разрешено вернуться в селение, но только «без укрепления»².

Селения обычно расположены на южных и юго-восточных склонах, что несомненно имело оборонительное значение.

Несмотря на трудности, связанные с условиями рельефа, многие селения имели хорошо устроенную для того времени систему орошения и каналы, снабжавшие их ключевой водой. Участник похода Петра I в Дагестан, Гербер, писал о селении Тарки: «Пред прочим примечания достойны там капалы, которыми вода из находящихся на верхних горах ключей сперва в шамхалов дворец, а оттуда во все дворы и конюшни протекает и наполняет некоторые пруды во дворе и в покоях кади»³.

Планировка старых селений в большинстве случаев бессистемна. Все же в каждом селении можно проследить главную улицу, правда, не всегда прямую, от которой во все стороны расходятся переулки, перекрещивающиеся с другими, более отдаленными от центра улицами. «Весь город раскинулся амфитеатром, — писал И. Н. Березин в середине XIX в. о Тарках, — прямо перед глазами можно видеть даже внутренние подробности домов, и однако же, несмотря на все это, приезшему нельзя проникнуть без туземного проводника внутрь этих извилистых, жалко-узких улиц, нередко оканчивающихся ни с того, ни с сего стеной»⁴. Далее автор отмечал, что в Тарки вела крутая и узкая дорога, что «две арбы, не без крика и ссоры хозяев, могут разъехаться на ней», что дома «разбросаны без всякого порядка»⁵.

Главная улица селения была центром местной общественной и экономической жизни. Здесь, как правило, стояла джума-мечеть с высоким минаретом, возле которой решались вопросы хозяйствен-

¹ А. М. Буцковский, «Описание Кавказской губернии и соседних горских областей», 1812 года (выдержки), «Сборник архивных материалов по истории, географии и этнографии Дагестана», под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева, рукопись, Рук. фонд ИИЯЛ, д. 2177, л. 461-462.

² П. Г. Бутков, указ. соч., стр. 24, 34.

³ И.-Г. Гербер, Известие о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и об их состоянии в 1728 г., «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», 1760, стр. 35.

⁴ И. Н. Березин, Путешествие по Дагестану и Закавказью, 1 изд., ч. 1, Казань, 1849, стр. 57.

⁵ Там же, стр. 55.

Рис. 6. Одна из улиц с. Н. Казанище.

ного и правового порядка. Существенные перемены в экономическом и общественном положении наиболее влиятельных жителей того или иного квартала иногда приводили к перенесению центра общественной жизни с одной улицы на другую. Однако такого рода явления наблюдались редко, так как цементирующим звеном неизменно служила главная мечеть — самое монументальное здание, которое почти всегда сооружалось в середине селения. Главная улица селения называется «уллу орам» у северных кумыков, «уллу эльчи» — у южных кумыков¹. Она обычно шире, чем остальные улицы («орам», «эльчи») и застроена, как правило, лучшими домами, хотя самое лучшее здание — замок феодала (бий кьаласы) стояло особняком в стороне от остальных зданий. Бессистемность планировки старых селений сочетается с общей скученностью заселения, в связи с чем дворы, как таковые, мало развиты, т. е. зани-

¹ Уллу — большая, эльчи или орам — улица.

мают незначительную площадь. В селениях нередко встречаются тупики (Каякент, Тарки и др.).

Одной из характерных особенностей старых кумыкских селений является односторонняя застройка улицы жилыми домами, причем надворные постройки и весь двор находятся на значительном расстоянии от самой улицы. Что же касается другой стороны (ряда) улицы, то здесь мы наблюдаем обратную картину: жилые постройки стоят вглубь от красной линии улицы, зато на первый план выходят забор, ворота и надворные хозяйственные постройки. Однако этот порядок иногда нарушался. В настоящее время при планировке новых усадеб наблюдается тенденция строить жилые постройки по обе стороны улицы. Такой порядок имеет ряд преимуществ перед старой планировкой улицы, хотя и вызывает некоторые неудобства для домовладельцев одного ряда.

Селения делятся на кварталы — «авул»¹, имеющие каждый свое название. Названия «авулов» указывают, главным образом, на географическое положение данного квартала. В сел. Капкайкент Каякентского района, например, есть три авула-квартала: Бетавул, занимающий возвышенную часть селения, Чокълаавул, расположенный в его котловинной части, и Тёбенавул, занимающий нижнюю по отношению к Бетавулу часть селения.

Наряду с географическим положением, названия кварталов нередко указывают на социальное положение или происхождение жителей квартала. Так, сел. Андрей-аул делится на 8 авулов: Борагъ-анавул, Тюмень-чагъар, Айдемир-чагъар, Адиль-герей-чагъар, Темир-чагъар, Салавул, Мухавул. Прежде это селение имело и ряд других кварталов, которые в результате образования новых селений и переселения жителей на новое местожительство, постепенно исчезли. Такими были Эсгиюрт, Барагъан-тогъай, Ал-беравул (Ари-беравул)², Тюмень-баш, Гичийлангъан, Уллуай-лангъан, Уллучумлу, Гуенсызакъ, Умахан ер.

Как видно из многочисленных названий кварталов, Андрей-аул (Эндирей) был самым крупным селением на Кумыкской плоскости. Оно сыграло важную роль в процессе образования и развития многих ныне существующих населенных пунктов. Некоторые названия

¹ Слово «авул» в литературе известно как «аул»: «Андрей-аул», «Каранай-аул» и т. д. Это, несомненно, является искажением.

² Некоторые старейшие жители этого селения считают, что правильно говорить «Ари-беравул», т. е. квартал так назван потому, что жители его дважды переходили с места на место, сперва они жили за Акташем, потом Казимулла разрушил селение и они перешли на новое местожительство: другие считают правильным названием «Ал-беравул» — торговый аул.

Рис. 7. Один из старых кварталов
с. Андрей-аул

как ныне существующих, так и исчезнувших кварталов этого селения указывают на крепостное состояние их жителей в феодальную эпоху (например, кварталы: Тюмень-чагъар, Айдемир-чагъар, Темир-чагъар, Адиль-герей-чагъар), названия кварталов Тюмень-баи, Гуен-сызакъ указывают на племенную принадлежность (племена тюмень и гуен) и т. д.

Семенов пишет, что в этом селении был еще квартал, заселенный теркеменцами. Как свидетельствуют письменные источники XVIII в., около 200 семейств теркеменцев, бывших крепостных кайтагских феодалов, действительно были переселены на Кумыкскую плоскость из Кайтагского уцмийства, с участка «Теркеме». Название «Теркеме» указывает как на сословную, так и на национальную принадлежность¹. Один из кварталов селения Алхаджикент до сих

¹ Существует предположение, что теркеменцы происходят от туркмен, которые в XVI в. были поселены Кайтагским уцмием на землях, ранее принадлежавших обществам Баилы и Уржамил.

пор называется Сиргъаавул. Предание говорит, что первыми основателями этого квартала были выходцы из даргинского селения Сиргъа. В селениях Тарки, Андрей-аул, Башликент и др. имеются кварталы, называемые «чагъаравул». Они заселены потомками бывших рабов, посаженных феодалами на землю на правах крепостных крестьян. Кварталы иногда назывались и по имени их первых основателей: Урусханавул, Аликейавул, Сабанайавул (сел. Аксай), Барагъанавул (сел. Андрей-аул) и др. Внутри кварталов средоточием общественной жизни были авульные мечети, куда ежедневно собиравлось на молитву взрослое мужское население. Мужчины собирались также на «очарах» (специальные места для отдыха, бесед и т. д.).

Говоря о бессистемности планировки и скученности старых кумыкских селений, следует отметить, что на эти селения наложили определенный отпечаток различные эпохи общественного развития: родовой строй с его тухумной организацией и большой семьей, рабовладельческий уклад, феодализм и капитализм.

Как известно, родовые организации у кумыков стали исчезать сравнительно рано и для исследуемого периода, т. е. XVIII—XIX вв. был характерен феодальный строй, хотя родовые пережитки продолжали сохраняться еще очень долго. Установление и развитие феодальных отношений привели к исчезновению тухумного принципа расселения кумыков по кварталам. Образование каждой новой хозяйственной ячейки влекло за собой ее переселение на имевшееся свободное место, независимо от того, на каком расстоянии оно находилось от дома — общего очага бывшей семьи.

Нередко члены близкородственной группы предпочитали жить вместе, недалеко друг от друга. Для этого они до минимума сокращали приусадебные участки или дворы, терпели всякие неудобства, а когда это удавалось, то нарушали планировку целого участка, чтобы устроиться поудобнее. Особенно это заметно в селениях Каякент, Тарки, Ахаджикент, где многие дома совершенно не имели своих дворов.

80-летний колхозник сел. Башликент Каякентского района Абдусалам Казыбайматов рассказывал нам, что его соседи, ныне покойные братья Магомед и Гамза, по прозвищу «*Тагур*», три раза разбирали саманный забор, отделяющий их дворы, из-за вершка земли. Им все казалось, что забор занимает место за счет двора одного из них, но построить дом в другом месте, уступив участок брату, ни один из них не хотел, хотя оба были довольно состоятельными людьми.

Квартал Къалаавул сел. Алхаджикент был заселен так густо, что его 20—30 домов можно было обойти по крышам. В этом селении до сих пор сохранились дома, которые имеют общие ворота на 2—3 дома.

В феодальную эпоху селения были в целях обороны укреплены со всех сторон и люди предпочитали жить близко друг от друга, чтобы легче было защищаться от врага. С ростом численности жителей и малых семей росла потребность в увеличении усадебной площади. Этого нельзя было осуществить без уплотнения существовавшей площади в пределах укрепленных границ. К тому же в условиях феодализма земля становилась собственностью отдельных лиц. Ввиду недостатка и дороговизны земли, каждая семья старалась при отделении женатых сыновей ограничиться находившейся в ее распоряжении приусадебной землей.

Своей бедностью и низкими одноэтажными постройками выделялся в селении квартал, заселенный чагарами — бывшими рабами кумыкских владетелей, который назывался «чагаравул». Рядом с ним стояла огромная усадьба самого феодала — целый комплекс жилых и хозяйственных построек, обнесенный крепостными стенами.

Развитие капитализма внесло существенные изменения в планировку селения. Вместо старых домов с глухими стенами на улице появляются новые двухэтажные дома с большими окнами, балконами и остекленными галереями. Кумыкская буржуазия была тесно связана с русской буржуазией. Разъезжая по промышленным и торговым центрам России, кумыки-купцы воспринимали русскую городскую культуру, в частности строили свои жилые дома и торговые заведения на русский городской лад. В связи с этим появляются совершенно новые кварталы. Например, в селениях Тарки и Эндирей были особые торговые кварталы: в первом Базаравул, во втором Алберавул. П. Малоновский в своей статье «Из деревни Аксай» еще в 1871 г. писал: «Число торговцев растет с каждым днем, постройка новых лавок и переделка старых на новый лад идет безостановочно... Капиталисты наши проснулись от долгой спячки и стараются захватить во что бы то ни стало прилегающие к центру торговли места и застроить их лавками»¹. По сведениям старожилов-кумыков, в предреволюционные годы в Аксае насчитывалось около 150 лавок.

Все это говорит о том, что постепенно, по мере изменения способа производства и общественно-экономических отношений, облик

¹ «Терские ведомости», 1871, 7.

кумыкских селений менялся, шла перепланировка старых селений. Необходимо в связи с этим отметить, что селения позднего происхождения, как например Башликент, Ленинкент, Аксай и др., отличаются более правильной планировкой. Улицы здесь прямые, параллельные друг другу. Параллельно расположены и переулки, соединяющие улицы. Таким образом, территория селений позднего происхождения разбита на правильные кварталы. В таких селениях дома, как правило, имеют обширные дворы, частично занятые огородом или садом.

Советский строй внес крупные изменения в характер сельского строительства. Зажиточная колхозная жизнь позволяет кумыкам строить удобные, благоустроенные дома, иметь озелененные приусадебные участки, что меняет облик села в целом. Наблюдается процесс постепенного переселения жителей из менее удобных в более удобные в экономическом отношении кварталы (Капкайкент, Башликент, Алхаджикент, Қаякент, Тарки и др.). Переселение части хозяйств из густонаселенных кварталов в новые места в свою очередь способствует расширению приусадебных участков для жителей, оставшихся на старом месте. В селениях появились новые кварталы. Центр общественной жизни теперь переместился в те кварталы, где сосредоточены административные и культурно-просветительные учреждения: клуб, библиотека, школа, правление колхоза, сельсовет, радиоузел, телефонная станция и т. д. С каждым годом растет благоустройство селений, создаются колхозные электростанции, расширяется оросительная сеть, позволяющая озеленить дворы и улицы.

Особенно отличаются своим благоустройством Маджалис, Муцал-аул, Аксай, Верхн. и Нижн. Казанище, Нечаевка, Халимбек-аул, Эрпели и другие селения, неузнаваемо выросшие за годы социалистического строительства.

Сел. Маджалис — центр Қайтагского района — по рельефу местности разделяется на две части. Верхний Маджалис расположен на возвышенности, куда ведет довольно крутой подъем. Это самая старая часть селения. В котловине, вдоль реки Уллу-чай, расположен Нижний Маджалис, в основном созданный за годы Советской власти. Главная улица Нижнего Маджалиса тянется с севера на юг. Особенно живописен въезд в сел. Маджалис со стороны железнодорожной станции Мамед-кала. Отсюда начинается большая шоссе-ная дорога, уходящая в горы. По обе стороны главной улицы находятся государственные и культурно-просветительные учреждения. Райисполком с его отделами занимает здания бывшей царской крепости, построенные в середине прошлого столетия и являющие-

ся, на наш взгляд, первыми по времени строительства зданиями, вокруг которых вырос весь этот квартал. Крепость обнесена каменной стеной, целиком сохранившейся и по сегодня. С восточной стороны обширной площади, у самой реки Уллу-чай, около крепости расположено несколько больших зданий. Это маджалисская средняя школа и дома учителей. В стороне от селения стоит маджалисский фруктово-консервный завод — один из крупных заводов дагестанской консервной промышленности. Возле моста через реку Уллу-чай расположены электростанция, мельница, баня.

Большое будущее принадлежит поселку Сулакской ГЭС у сел. Бавтугай. Этот поселок был основан всего лишь четыре года назад, в 1954 г., но в нем уже около 300 благоустроенных домов. Сейчас строительные работы здесь ведутся в больших масштабах.

Однако в отдельных селениях сохраняется прежняя скученность, не подведена питьевая вода и т. д. Большие задачи в деле благоустройства стоят, например, перед районным центром Каякентского района — селением Каякент. В Каякенте за последнее время построен ряд крупных зданий: средней школы, детских яслей, правления колхоза, Дом культуры и т. д. Возникли также два новых жилых квартала — один в восточной, другой в западной части селения. Однако сел. Каякент остается скученным и неблагоустроенным. На улицах и во дворах редко увидишь дерево или другое растение. Только на окраинах селения проходят оросительные каналы, а следовательно, имеются озелененные дворы. Питьевую воду жители носят из речки, протекающей на довольно далеком от селения расстоянии. Поскольку многие дома не имеют дворов, сточные воды выливаются прямо на улицы, что усугубляет антисанитарное состояние селения.

Огромную помощь в благоустройстве кумыкских селений, их электрификации, орошении и т. д. окажет строящаяся в настоящее время Сулакская ГЭС — одна из крупнейших гидроэлектростанций на Северном Кавказе.

instituteofhistory.ru

II. ЖИЛИЩЕ

Исследуя кумыкское жилище, мы ставим себе задачу проследить, по мере возможности, его историческое развитие и выяснить изменения, происшедшие и продолжающие происходить в типах и характере построек, в строительной технике, в материалах, применяемых в строительстве,

а также во внутреннем убранстве жилых помещений.

На характер кумыкского жилища значительное влияние оказывали местные природные условия: климат, топография, наличие леса, строительного камня, песка и глины, уровень производства строительных материалов. Развитие кумыкского жилища от простейшего однокамерного помещения до современного дома теснейшим образом связано с изменением и развитием самого общества, экономических и общественных отношений кумыков.

Исследования, проведенные нами в различных районах, дают основание утверждать, что жилища кумыков на основной части их территории однотипны. Это относится к Буйнакскому, Карабудахкентскому, Каякентскому и Кайтагскому районам, а также к окрестностям г. Махачкалы, т. е. к территории распространения буйнакского и кайтагского диалектов. Исключение составляют засулакские кумыки (Кизилюртовский, Хасавюртовский и Бабаюртовский районы), жилища которых имеют свои отличительные особенности.

Земля засулакских кумыков (Кумыкская плоскость) является самой равнинной частью кумыкской территории. Здесь очень мало строительного камня и в прошлом он почти не использовался. Основным строительным материалом служил здесь саманный кирпич из глины и соломы. Мало было также строевого леса, особенно ценных его пород — дуба, ясени, клена. В несколько лучших условиях находилось селение Эндирей, сравнительно лучше обеспеченное лесным материалом и имевшее некоторые запасы строительного камня. В этом селении имеется ряд монументальных зданий, построенных с применением тесаного камня и ценных пород строевого леса. Некоторые монументальные здания (мечети, бывшие купеческие дома, административные здания) сохранились и в других крупных селениях Кумыкской плоскости, в частности, в Аксае и Костеке, но эти здания строились из привозного материала.

Недостача долговечного строительного материала и трудность его доставки наложили несомненно определенный отпечаток на жилище засулакских кумыков. Определенное влияние на характер жилища этой группы кумыков оказали и их соседи — ногайцы, русские, чеченцы. С выделением Кумыкской плоскости в удел Султан-Муту (XVI в.) засулакские кумыки были в значительной мере оторваны от основной части кумыков, проживавших в Тарковском шамхальстве. Вместе с тем усилились связи засулакских кумыков с русскими и другими соседями.

Жилище остальных кумыков, т. е. кумыков, живущих на территории распространения буйнакского и кайтагского диалектов¹ (Буйнакский, Карабудахкентский, Каякентский, Кайтагский районы и окрестности г. Махачкалы) более монументально. На жилище этих кумыков значительное влияние оказывало жилище их соседей — даргинцев и аварцев. Наряду с саманом здесь широко применяется тесаный и рваный камень, а также ценные породы строительного леса, являющиеся местными материалами. Известный автор сере-

¹ Эти кумыки до образования в 1860 г. Дагестанской области входили в феодальные образования: Тарковское шамхальство, Мехтулинское ханство и Кайтагское уцмийство.

дины XVII в. Эвлия Челеби указывал на широкое применение камня жителями сел. Тарки. Он писал: «Они (т. е. дома, — С. Г.) построены из камней на каменном основании. Здесь имеются такие прекрасные здания, как дворец Шамхал-Шаха-Вифи, ханский дворец, дворец Хурхурбека, дворец Улубека, дворец Касумбая, дворец Али бая¹.

Однако и здесь трудно найти памятники старины, ибо в местном строительстве первостепенную роль играл все же саманный кирпич. В связи с этим, только путем сравнительного анализа жилища всех кумыков, с учетом их локальных особенностей возможно правильно подойти к изучению данного вопроса.

Отсутствие древних сооружений крайне осложняет задачи установления ранних форм жилища кумыков. Лишь в устном творчестве народа сохранились воспоминания о пещерном жилище (анак или иникь) — месте обитания дивов (девлер), куда по преданиям иногда попадали и похищенные люди, особенно женщины.

Данные археологии все же дают возможность проследить за некоторыми этапами развития жилища обитателей Кумыкской равнины. Характеристику одного из ранних памятников человеческого жилища на территории, заселенной кумыками, дает, например, поселение близ сел. Каякент (эпоха энеолита)².

Поселение это было расположено на сравнительно ровной площадке высокого холма и сильно укреплено. Здесь жили в небольших легких плетеных постройках, обмазанных глиной. Наряду с этими постройками имелись и более сложные сооружения на каменном фундаменте с конической или горизонтальной крышей. В Джимикентском поселении (вторая половина II тыс. до н. э.)³ обнаружено существование длинных родовых домов, состоявших из нескольких отделений с очагом в каждом, вероятно, предназначенных для отдельных семей. Для сообщения между отделениями имелись небольшие переходы. Стены жилища сооружались обычно из тростника или рогоза и обмазывались глиной с примесью листьев осоки и других болотных растений⁴.

¹ Орывки из «Путешествия Эвлия Челеби». Рук. фонд. ин-та ИЯЛ Даг. ФЛН СССР, д. 1157, л. 89.

² А. П. Круглов, Археологические работы на Северном Кавказе, КС ИИМК, V, 1940, стр. 66; его же, Северо-Восточный Кавказ во II-I тыс. н. э., КС ИИМК, XIII, 1946, стр. 131; Р. М. Мунчаев, Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита, «Советская археология», XII, 1955, стр. 5—20.

³ А. П. Круглов, Северо-Восточный Кавказ во II-I тыс. до н. э., стр. 131.

⁴ В. А. Петров, Некоторые приемы исследования растительных остатков с мест археологических находок, КС ИИМК, VII, 1940, стр. 43.

Археологические памятники, относящиеся к тому же периоду (вторая половина II тыс. до н. э.), свидетельствуют об умении обитателей данной территории изготавливать сырьевой кирпич. Сырьевые кирпичи были, в частности, обнаружены в катакомбных могилах под курганными насыпями у р. Манаса. Такими кирпичами был выложен пол и частично стены могил¹. Потолки и стены при этом иногда белились.

В деле определения ранних форм жилища кумыков, как и других тюркских народов, большой интерес представляют существовавшие у кумыков до недавнего времени хозяйственные постройки под названием «алачыкъ» или «алачукъ». «Алачыкъ» — это большое, довольно массивное, цилиндрической формы сооружение, плотно сплетенное из прутьев с конической крышей, сделанной из жердей или прутьев и покрытой соломой. В верхней части конуса изнутри укреплялось колесо, надетое на высокую жердь, поставленную посередине помещения. Сверху на колесо опирались жерди конуса. «Алачыкъ» имел небольшую дверь и оконное отверстие, что вполне соответствует названию («алачыкъ» — от двух тюркских слов «алды» и «ачыкъ» — что дословно означает «открытое спереди»). По своей форме это сооружение очень напоминало юрту кочевника, хотя оно было не войлочным, а плетеным. Наряду с плетеными, кумыки делали «алачыкъ» из саманных кирпичей, четырехугольный в плане, с обычной для кумыкского дома крышей. Это была уже дальнейшая эволюция данной формы постройки. Исследование этого типа сооружений у кумыков, имеет большое значение для решения проблемы этногенеза кумыкской народности.

Как свидетельствуют исторические источники, половцы («кипчаки») стали проникать на кумыкскую равнину из предкавказских степей еще в раннем средневековье. В отличие от азербайджанцев и некоторых других тюркоязычных народов, которым «алачыкъ» известен как войлочное жилое помещение, кумыки в XIX и в начале XX вв. знали это сооружение уже только как хозяйственное. Однако в кумыкском фольклоре содержатся данные, позволяющие предполагать, что «алачыкъ» у предков кумыков когда-то служил жилищем, наряду с другими его ранними формами.

Не менее важное значение для суждения о ранних формах кумыкского жилища имеет старинный однокамерный дом — «тавчуьй» («тавча уьй») — комната, построенная по-горски, горская комната).

¹ К. Ф. Смирнов, Археологические исследования в Дагестане в 1943—50 гг., КС ИИМК. 45, 1952, стр. 86—88; его же, Отчет об археологической экспедиции в Дагестане за 1951 г., рукопись, Архив Дагестанского краеведческого музея.

Рис. 8. Соломохранилище—алачкь.

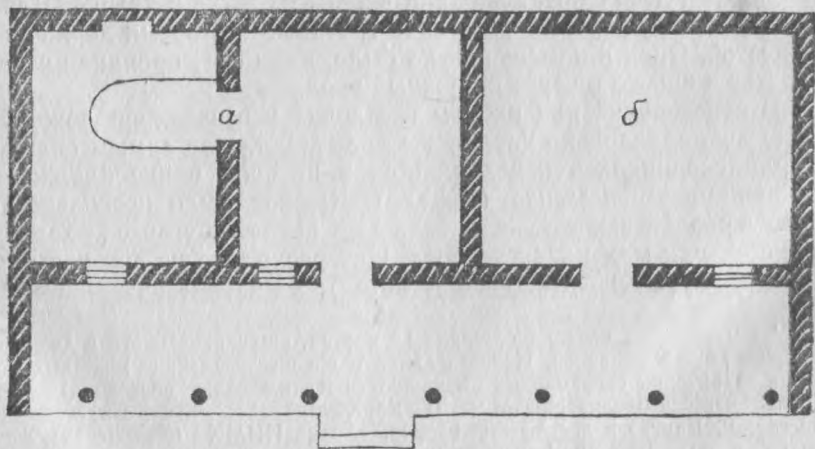

Рис. 9. План тавчу уй с пристройкой: а—план тавчу уй; б—план пристройки.

Такой дом состоял из одной большой комнаты, которая тонкой перегородкой была разделена на две части: «тавчу» и «тавчу тышаны» (т. е. наружная сторона «тавчу»). Перегородка шла до потолка. Ее обычно делали из хвороста и обмазывали глиной¹. В перегородке устраивали прямоугольное отверстие высотой примерно 80 см и шириной около одного метра, которое служило входом (вернее лазейкой) в «тавчу». Перед самым входом в «тавчу», на небольшой полукруглой площадке, находившейся на одном уровне с полом «тавчу тышаны», раскладывали огонь. Это был отстоящий от стены очаг-костер без правильного дымохода. По обеим сторонам его можно было сидеть и лежать.

Говорят, что в старину над костром, под отверстием в крыше, ставили на ночь большой медный таз, наполненный водой. Таз укреплялся на специальных жердочках. Это делалось из опасения поджога жилища и для обеспечения безопасности его обитателей на случай, если кто-либо пытался бы подбросить в дом горящую головню, налить с крыши нефть или внезапно проникнуть в дом.

Перегородка, разделяющая комнату, кроме сохранения тепла в зимних условиях, имела, по словам стариков, и оборонное значение, так как прикрывала сидящих у окна и защищала их от внезапного нападения. Над входом в перегородке было второе маленькое отверстие, куда ставили освещавший обе половины комнаты «натчыракъ» (светильник), сделанный из глины. Вместо фитиля в нем горела тряпка, смоченная неочищенной нефтью. Копоть от светильника и дым очага выходили через отверстие в крыше. Для лучшей тяги наружную дверь «тавчу тышаны» все время держали открытой. Окон в помещении не было, днем свет проникал через отверстие в крыше и через наружный вход.

В перегородке над входом в «тавчу» и в противоположной стене были параллельно укреплены две жерди. Над самым очагом эти жерди соединялись переладиной, к которой прикреплялась цепь с крюками — «ильгич» (вешало). Крюков было несколько: один был укреплен выше — для большого котла, другой соответственно ниже — для маленьких котлов. Интересно, что до сих пор кумыки говорят «къазан аса» (вешает котел), хотя «ильгич» давно вышел

¹ Перегородка нередко состояла из плетня, оштукатуренного с двух сторон, с последующей обмазкой. Использование в древности легких плетеных построек на территории современных кумыков (в Каякентском поселении) зафиксировано известным археологом А. П. Кругловым (См. А. П. Круглов, Северо-Восточный Кавказ в доскифский период, Архив ИИМК (Ленинград), фонд 45, № 69 л. 14). Для нужд хозяйства кумыки и в настоящее время применяют плетеные легкие постройки.

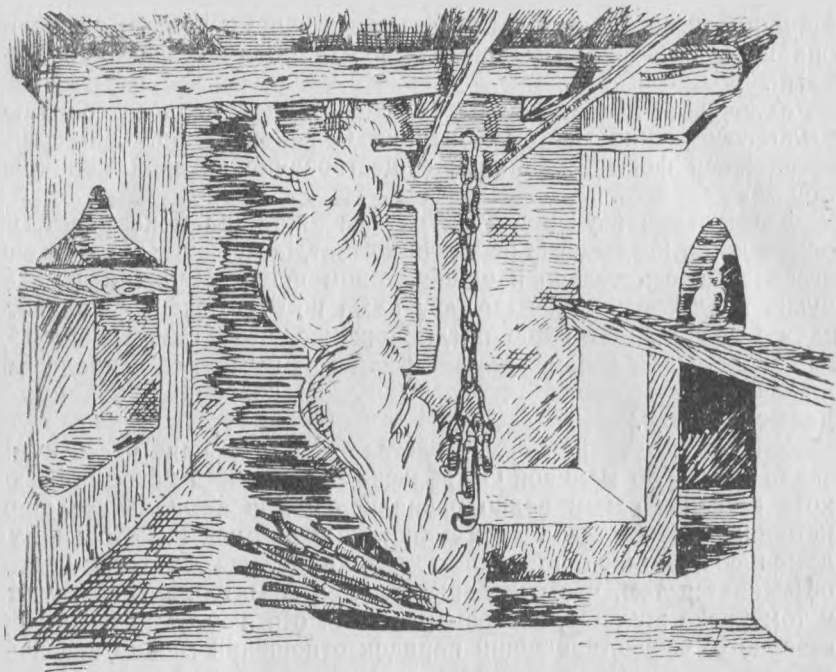

Рис. 10. Интерьер тавчу.

из употребления и все пользуются плитами, на которые ставятся кастрюли. В котлах готовили пищу для большой семьи. Перекладину над очагом использовали также для сушки мяса и сала. Дрова в очаг закладывали в большом количестве и в нераспиленном виде. Они горели постоянно, постоянно накапливалась и зола. В этой горячей золе и выпекали хлеб.

Стены «тавчу» от дыма и копоти становились черными. Снизу от пола, на метр или более, их время от времени покрывали слоем серой глины («шире»), а верхняя часть так и оставалась черной. «Тавчу тышаны» была значительно чище — здесь все стены снизу доверху обмазывали белой глиной. В обеих частях жилища было множество ниш, куда помещали всякую утварь.

Как видно из самого названия, «тавчуй» связывает кумыкское жилище с жилищем горцев — аварцев, даргинцев и лакцев. Засулакские кумыки совершенно не знают такого типа сооружения и в их диалекте нет термина «тавчуй». По мере углубления в горы

данная форма жилища встречалась все чаще и чаще. Больше всего она просуществовала у южных кумыков, граничащих с даргинцами.

«Тавчуьй», как старинное большое однокамерное сооружение, было несомненно местом обитания большой семьи. Оно являлось простейшей формой жилища, существование которой можно неоспоримо доказать.

Тщательное изучение этой формы жилища показывает, что в одном доме, независимо от числа комнат, помещение типа «тавчуьй» всегда имелось только в единственном числе. Наличие двух «тавчуьй» в одном жилище ни разу нами не было зафиксировано. Это также подкрепляет наше предположение, что «тавчуьй» было жилищем большой семьи, жилищем характерным для периода разложения первобытно-общинного строя, но сохранившимся и в феодальную эпоху.

Жилище подобного устройства значительная часть кумыков знала вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, хотя большие семьи давно распались и для феодального периода истории кумыков была характерна малая семья. Некоторые из этих домов сохранились до коллективизации сельского хозяйства. Это объясняется тем, что отдельные элементы материальной культуры, в том числе жилище, в своем развитии отстают от развития общественного. Существовавший порядок отношений между отдельными членами семьи (во время еды, отдыха, при приеме гостей) в свою очередь прямо указывают на следы патриархального уклада.

Данная форма постройки в своем развитии претерпела ряд изменений, которые выражались в увеличении числа внутренних перегородок и в пристройке новых комнат с пристенным очагом по мере того, как взрослые сыновья обзаводились семьей и выделялись в особую хозяйственную ячейку. Еще и теперь в некоторых домах отдельные пристройки сильно отличаются друг от друга по высоте, а также по ширине оконных проемов. Это свидетельствует о том, что они построены в разное время.

Закономерно возникает вопрос, почему же такая сравнительно древняя форма жилища у кумыков называется «домом по-горски», «горским домом»? Первоначально мы полагали, что это название («тав» — гора, «уьй» — комната, дом) объяснялось некоторыми особенностями данного жилища и прежде всего устройством пола, который в очаговой половине комнаты был на 20—25 см выше, чем в остальной части дома. После всестороннего изучения этого типа жилища и сравнения его с жилищем той же формулы у других народов Дагестана, мы решили отказаться от прежней точки зрения

на этот вопрос и сейчас полагаем, что название «тавчу́й» («тавча-у́й») указывает на его заимствование у горцев, на его горское происхождение.

Как известно, начиная с V—VI вв. в плоскостной Дагестан в первую очередь на Кумыкскую равнину, как с севера, так и с юга проникали тюркоязычные племена (гунны, хазары, кипчаки и др.). Здесь создавались крупные политические объединения тюркских племен. В силу ряда причин пришлым племенам удалось подчинить себе местные племена, ассимилировать их и навязать им тюркский язык. Вероятнее всего также, что эти пришлые кочевые племена, находясь на более низком уровне развития, чем оседлые аборигены, в значительной степени восприняли местную культуру. По сравнению с войлочной юртой кочевника жилище коренных жителей данной территории, которых степные кочевники очевидно называли горцами, было гораздо удобнее, прочнее. Поэтому оно могло быть заимствовано пришлыми племенами и названо «домом по-горски» («тавча у́й»). Что же касается местных племен, то они могли забыть прежнее название данного жилища, так как в языковом отношении были ассимилированы в тюркской среде.

Возникает другой вопрос: почему сами горцы, в частности даргинцы, соседи кумыков, тоже называют это помещение «домом по-горски». Даргинцы, например, «тачву́й» называют «тавла хъали». Вероятнее всего, что здесь имеет место обратное заимствование. Такие заимствования у южных кумыков, граничащих с даргинцами, например, в топонимике и сельскохозяйственной терминологии встречаются нередко.

Описанное выше старинное жилище кумыков — «тавчу́й» по своему типу и некоторым другим особенностям сходно с жилищем, характерным в прошлом и для других народов Дагестана — для даргинцев, аварцев, лакцев и др. Это свидетельствует об общности материальной культуры народов Дагестана, живших в тесном соседстве и находившихся в постоянном общении на протяжении всей своей истории.

Жилище кумыков можно разделить на три основных типа:

1) одноэтажное сооружение — «биркъат у́й» (у северных кумыков), «алаша у́й» или «ерден у́й» (у южных кумыков) — на очень низком фундаменте, в связи с чем пол находится почти на уровне земли;

2) полутораэтажное сооружение — «курси у́й» или «гётеринки у́й» — на высоком каменном фундаменте, причем пол значительно приподнят над уровнем земли; в последнее время такие дома стро-

Рис. 11. Квартал селения. На переднем плане биркзатуьй.

ятся также с большим подвальным помещением для хозяйственных целей;

3) двухэтажное сооружение — «бийич уьй» (у южных кумыков) или «эки кзат уьй» (у северных кумыков).

У засулакских кумыков все эти три типа чаще всего известны просто под названием «уьй» (дом) и термин, «кюрси уьй» у них вообще отсутствует. Это несомненно имеет свое основание. На территории засулакских кумыков двухэтажные и полтораэтажные дома встречаются гораздо реже, чем на территории прочих кумыков. Недостаток годного строительного материала (каменя, леса) и наличие должного количества земли под усадьбу способствовали развитию здесь одноэтажного жилища. У кумыков же, проживающих в предгорной полосе, мы наблюдаем несколько иное явление. Здесь как уже было отмечено выше, в строительстве применялись камень и строевой лес лучшего качества, необходимые для сооружения более монументального здания, каким является двухэтажный дом. Кроме того, распространению двухэтажных построек способствовало малоземелье в предгорной полосе. Построив двухэтажный дом,

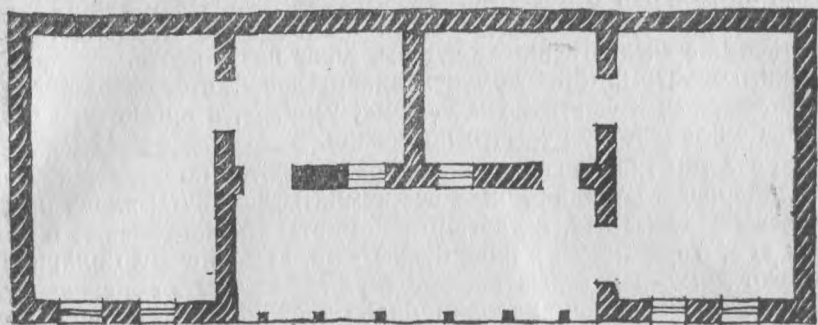
житель предгорной полосы мог значительно сократить участок, занятый под различными надворными постройками и разместить в первом этаже хозяйственные службы, даже часть скота.

Таким образом, типы домов в значительной степени определялись размерами и формой участка под усадьбу, а кроме того были связаны с планировкой самого поселения.

Все эти три типа в свою очередь различаются по своей внутренней планировке. В одних домах все комнаты вытянуты вдоль и расположены в один ряд, в других — комнаты расположены в виде буквы «Г», в третьих — в виде буквы «П». «Г»-образную планировку имеют дома, в которых больше двух комнат, «П»-образная планировка возможна при наличии более трех комнат. В последнем случае основу дома составляют две и больше смежных комнат, к которым под прямым углом пристраивают по обеим сторонам дру-

Рис. 12. Двухэтажное жилище—бийик уй

a

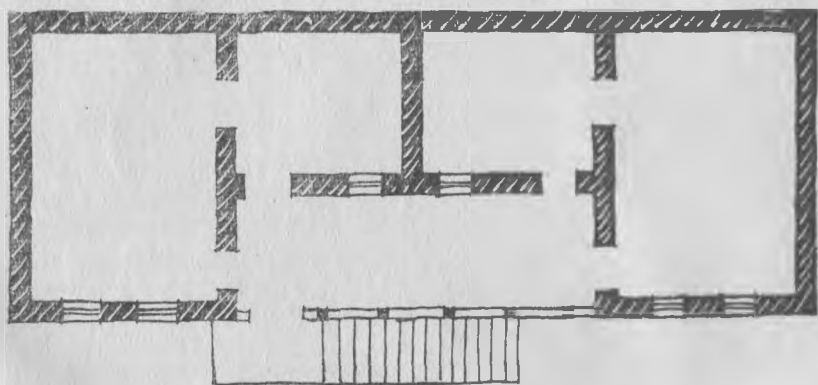

Рис. 13. План двухэтажного „п“-образного дома: а—план нижнего этажа; б—план верхнего этажа.

гие комнаты. Все эти комнаты объединяются идущей вдоль главного фасада галереями «догъа», «пурха». Исключение в этом отношении составляет тесно застроенное селение Каякент, в котором нередко встречаются дома с планировкой, напоминающей дома азербайджанцев, табасаранцев, лезгин. Например, во многих домах комнаты располагаются по обе стороны галерей, в одном конце которой устраивается балкон, в другом — лестничная клетка. Галерея — «догъа» — в таком случае напоминает русские сени. У засулакских кумыков наряду с «догъа» нередко встречаются и сени,

которые называются здесь «*гбарве*». Если дом состоял из 5—6 комнат, соответственно увеличивалось число сеней.

Учитель Костековского училища М. Афанасьев в 90-х годах XIX в. правильно описал жилище этой группы кумыков. «Дома, — писал он, — строят одни с сенями, другие без сеней, ...комнат бывает почти всегда две через сени, а затем, если еще нужны комнаты, то таковые располагаются, хотя и под одной крышей, но с другим отдельным ходом и сенями. В сенях внутри дома оставляют отверстия несквозные, а вроде шкапов, в которых располагается посуда и др. вещи, отверстия эти зашиваются, смотря по состоянию, ситцевыми или шелковыми занавесами»¹ Нам думается, что наличие сеней у этой группы кумыков объясняется влиянием соседей, в первую очередь русских. Тот же Афанасьев писал, что «вращаясь между русскими, кумыки видят преимущество русских домов перед своими и стараются уже подражать русским строениям»².

Заслуживает внимания и внутреннее устройство старинного кумыкского жилища. Вдоль потолка комнат, в частности — второй половины «тавчуьй» (в «тавчу тышаны»), подпотолочными балками, перпендикулярно к ним, проходил поддерживающий их прогон из толстого отделанного дерева. Погон поддерживался очень толстым вертикальным деревянным столбом — «*орта багъана*» (серединный столб), стоящим в центре комнаты. «*Орта багъана*» обычно имел сверху деревянную массивную подбалку с декоративным убранством в виде львиных голов, выполненным резьбой. Подбалка служила как бы подушкой, на которую опирался прогон. Иногда вместо подбалки устанавливали боковые подпорки.

Дома, как и сейчас, строились из камня и саманного кирпича, но потолки их были значительно ниже, чем потолки в современных домах. Двери представляли собой массивные дубовые доски, причем каждая дверь делалась из целой доски. На дверях имелись выступы, которыми они входили в отверстия притолок. Изнутри вместо запора закладывали деревянным брусом. Двери были настолько низки, что входивший человек обязательно должен был нагибаться. Еще уже и ниже были лазейки для сообщения между комнатами. Вместо окон комнат обычно делали небольшие отверстия — «*тешиклер*», которые позднее постепенно стали увеличиваться и закрываться деревянными одностворчатыми ставнями,

¹ М. Афанасьев, Селение Костек Хасав-Юртовского округа, Терской области. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», 16, 1893, стр. 93.

² Указ, соч., стр. 97.

устроенными по тому же принципу, что и двери. Позже стали применять и двустворчатые ставни. Крыши домов были повсеместно плоские, глинобитные. В старых домах отдельные деревянные детали и брусья применяли ~~обычно колотые~~ а не пиленые. В начале XIX в. железо почти не употреблялось в строительстве домов. Железные крыши, металлические ручки у дверей и окон, задвижки, петли, оконное стекло — все это появилось у кумыков после присоединения их территории к России, да и то только у зажиточных слоев общества.

К кумыкскому дому прошлого века применима характеристика, которую дает Пржецлавский дагестанскому дому того времени. Он указывает, что в домах «вместо окошек — маленькие отверстия, а двери до того низки, что непривыкшему к поклонам и обиванию порогов человеку приходится часто носить на лбу шишки»¹.

«Комнаты освещаются, — писал Березин, — преимущественно дверями, в крайности прибегают и к окнам или лучше к отверстиям без рам и стекол, по большей части закрытыми деревянными ставнями»². Окна делали на высоте не более 0,25 м от пола. Это объясняется тем, что в старину кумыки не пользовались столами и стульями, а отдыхали и принимали пищу прямо на полу, на разноцветных коврах или паласах. При такой специфике быта целесообразнее было устраивать низкие окна.

Постройке жилого дома кумыки придавали большое значение. Это отражено и в народных пословицах. Кумыки говорили: «тавну байы кьой этер, тюзню байы уьй этер» (богатый горец стремится иметь побольше овец, богатый житель равнины — лучше дом). Сооружение многокомнатного дома было доступно только богатым.

В доме состоятельного кумыка каждая комната имела свое значение. Под кухню («аш уьй») отводилось самое просторное помещение. Здесь в основном жили женщины и дети и сюда обычно не заходили мужчины. Говорят, что провинившиеся дети, боявшиеся наказания отца и старших братьев, могли найти убежище в «аш уьй». У засулакских кумыков роль кухни и хозяйственного помещения частично выполняла и «гьарве» (сени). Имелась специальная комната для гостей — «кьонакь уьй» (кунацкая), куда не должны были заходить женщины. Князья и сала-уздени строили для гостей отдельное помещение во дворе. Одна комната отводилась для хранения продуктов. Она называлась «иччери уьй» (у северных кумы-

¹ П. Пржецлавский, Дагестан, его нравы и обычаи, «Вестник Европы», 1863, 3, стр. 142.

² Н. Березин, указ. соч., стр. 60.

ков) или «артуьй» (у южных кумыков) и по своему назначению напоминала русский чулан. Как показывает название, это было самое глухое и темное помещение в доме, в него можно было проникнуть через невысокий проход. Остальные комнаты выполняли роль спален старших членов семьи.

Если проанализировать как назначение комнат, так и их названия, можно убедиться в том, что самой древней является «аш уьй» (кухня). Это то самое однокамерное помещение («тавчуьй»), о котором мы говорили выше. Появление остальных комнат связано с эволюцией дома, с развитием общественно-экономических отношений. Что касается названия кухни «аш уьй», то оно, несомненно, позднего происхождения. Оно возникло вместе с возникновением названий других комнат, т. е. вместе с развитием дома.

Мы охарактеризовали дом состоятельного кумыка.

Бедняк до победы колхозного строя не мог, конечно, иметь дом из нескольких комнат. Рядом с многокомнатными, нередко двухэтажными, домами с балконами, принадлежавшими кумыкским баям, имевшим, как правило, обнесенную саманным или каменным забором усадьбу с хозяйственными постройками, стояли убогие домики бедноты. Баи называли их в насмешку «демеклер» (курятники). Прав был Амиров, когда писал: «У большей части горцев существует только одна комната, ...которая служит для горца всем, от гостиной до кухни»¹.

Все галереи, окна и двери в старых домах обращены на юго-восток или на юг. Поднявшись на горку, легко можно было наблюдать, что делалось в каждом доме, особенно на галереях и во дворах. Ориентация домов на юго-восток связана с рядом причин. Такой порядок застройки можно объяснить прежде всего тем, что дом, обращенный фасадом на юго-восток и юг и глухой стороной на север и запад, в значительной мере защищал от холода, особенно в те времена, когда не было оконного стекла, и дверь в «тавчуьй» приходилось держать приоткрытой для освещения и тяги. Такой дом получал много солнечного тепла, что в зимних условиях имело большое значение. Кроме того, дом, обращенный на юг или юго-восток, хорошо защищал террасы от дождя. Исключение в этом отношении составляет опять-таки селение Каякент, где редкие дома имеют южную и юго-восточную ориентацию. Это, как уже отмечалось выше, объясняется острым недостатком земли у этого селения и стремлением как можно рациональнее использовать каждый ее клочок.

¹ Г. М. Амиров, Среди горцев Северного Дагестана, ССКГ, 7, 1873, стр. 78—79.

Важной стороной кумыкского дома является его система отопления, которая с развитием жилища подвергалась значительным изменениям. Характеризуя старинное однокамерное сооружение, мы отмечаем примитивность его отопления. На смену очагу-костру пришел пристенный очаг с дымоходом, напоминающий камин, — «отбаш» или «тавхана». Из этих двух терминов наиболее древним является несомненно «отбаш» (от — огонь, баш — глава, т. е. место огня, очаг). Термин «тавхана» является поздним заимствованием (тав — гора, хана — по-персидски — комната). Интересно заметить, что у разных народов термин «тавхана» имеет разное содержание. Так, даргинцы, говорящие на урахинском диалекте, лезгинь и лакцы словом «тавхана» называют лучшую комнату в доме, южные кумыки — пристенный очаг в виде камина, северные кумыки — полочку, которая делается у надкаминной стены. В данной

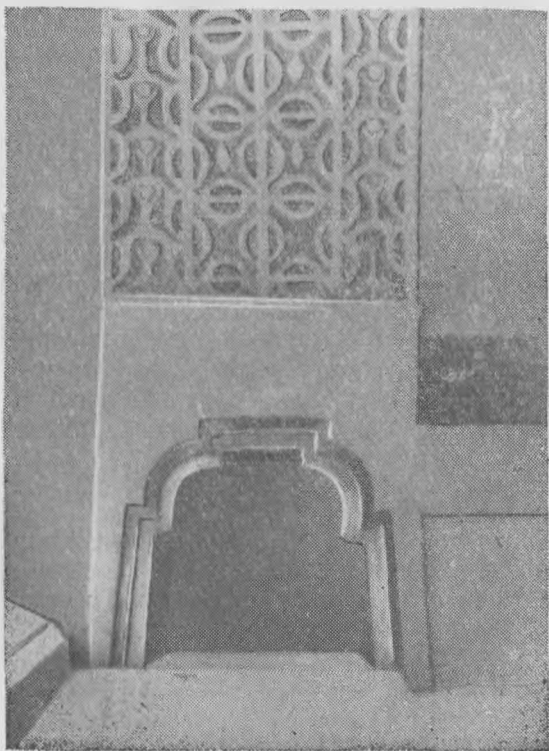

Рис. 14. Пристенный очаг—отбаш

работе слово «тавхана» употребляется в значении камина.

Анализ старого отопительного устройства дает основание полагать, что «тавхана» первоначально был угловым. Для урегулирования дымохода такого очага необходима была голько третья дополнительная тонкая стенка, закрывающая угол двух стен до потолка, в то время, как для устройства камина, пришедшего ему на смену, требовалось гораздо больше труда и навыков. Характерно, что угловые пристенные очаги встречаются в наиболее старых постройках — в жилых помещениях, на галереях, а также на мельницах под навесами и т. д., т. е. в помещениях наиболее архаич-

ческого типа. Дрова в «тавхана» помещали стоймя и пока камин горел, в комнате было тепло и светло. В полу перед камином имелось полукруглое углубление, куда выгребали уголь и золу. На углях выпекали хлеб. Внутри камина ставили треножник — «очакъ». Такой камин, по сравнению с прежним отопительным устройством в «тавчуьй», был для кумыков большим шагом вперед. Но камин не мог удовлетворить потребности семьи в тепле и приготовлении пищи, кроме того, на него шло много дров. Все это вызывало необходимость дальнейшего усовершенствования отопительного устройства, о чем будет сказано несколько ниже.

Большое место в художественном оформлении домов старого типа занимал резной орнамент. Орнаментации подвергались прежде всего деревянные части дома, балки, столбы, особенно «ортабагъана», стенные шкафы, двери, ставни, обрамление окон, ворот. Резьба по камню для украшения жилища применялась значительно реже. Небольшие каменные плиты, покрытые традиционным резным орнаментом и надписями, содержащими некоторые семейные хронологические данные, вставлялись в саманные стены галерей, в ворота, а также в стену дома, обращенную к улице.

Широко применялась и лепка по глине. Многие кумычки, особенно кайтагские, были подлинными мастерицами этого дела. Они искусно изображали разные геометрические фигуры (квадраты, треугольники), точно проводили перпендикулярные линии. Безукоризненное владение такими навыками в первую очередь требовалось при оформлении ниш, проемов дверей, окон. Нередко с топором в руках мастерицы исправляли ошибки, допущенные строителями, и выравнивали на глаз все формы. Для расстановки фарфоровой, фаянсовой и другой посуды женщины лепили на расстоянии примерно 0,5 от потолка во всю длину стены карниз, украшенный желобчатыми параллельными линиями. Лепным орнаментом украшались не все части стенной поверхности, а только ниши, карнизы и в особенности надкаминная часть стены. В распределении архитектурно-декоративных элементов на поверхности стен и в интерьере в целом кумычка-мастерица исходила из традиционных приемов, основанных на специфическом понимании декоративного ритма.

Орнаментальные узоры довольно разнообразны по мотивам, но распределение их всегда подчинялось законам симметрии, а общая схема расположения декоративных элементов на архитектурных плоскостях всегда четко геометрична. В декоративное оформление стенной поверхности входит, кроме геометрического, и растительный орнамент. Кроме того, женщины искусно изображали пятиконечную звезду и некоторые предметы домашней утвари. Особенно

кропотливой работы требовало оформление каминного отверстия, которое имело вид продолговатой арки с забранными в виде выпуклых или вогнутых полукружий верхними углами. Над оформлением камина и надкаминной части стены мастерицы работали совершенно так же, как скульптор над своим произведением.

Дворы ограждали забором, который сооружался из камня или самана, но чаще плетнем.

На территории двора возводились разные хозяйственные постройки: летние и зимние конюшни (атаран), курятник (демек, тавукъ уй), скотный двор (туварчалы, бузавчалы), отделенный от основного двора плетеным забором, и вышеописанное нами самано-хранилище «алачыкъ». Во дворе располагались и помещения для хранения зерна. Это были плетеные из орешника и обмазанные с трех сторон «бежены», имеющие форму усеченного конуса. Они ставились углом вниз, где оставлялось небольшое отверстие. Такое расположение позволяло высыпать зерно без особого труда.

Во многих домах вместо «бежена», особенно для муки, употреблялись большие, во всю длину комнаты деревянные, на ножках, сундуки — «загъур», покрытые резьбой. Они нередко имели посе-

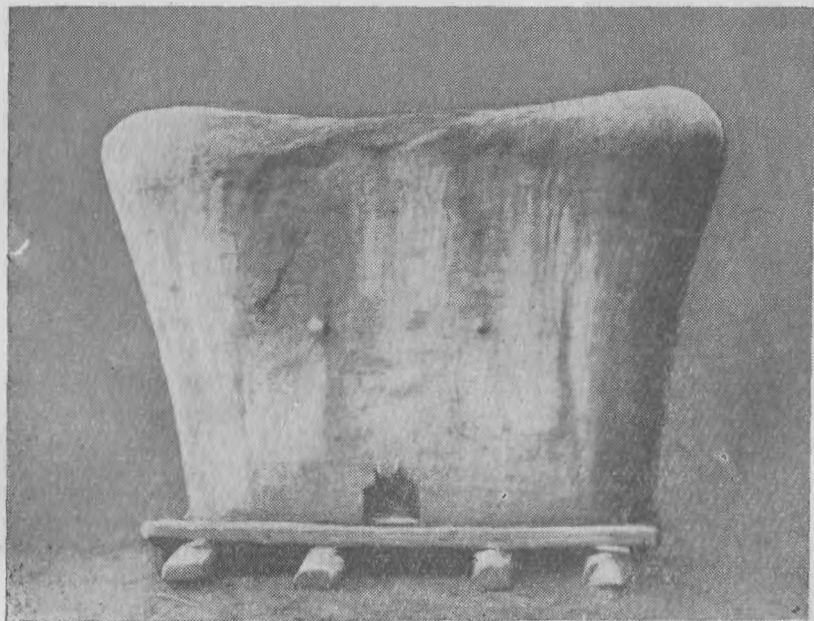

Рис. 15. Плетеное зернохранилище—бежен

редине специальное отделение, вроде шкафчика, для хранения масла, мяса, хлеба и пр. «Бежены» помещались как в комнате, так и во дворе под навесом.

Другим помещением для хранения зерна служили специально вырытые круглые глубокие ямы — «кур», по стенкам которых для предохранения зерна от сырости устанавливали ряд кукурузных стеблей. Наполнив яму зерном, ее плотно закрывали дубовыми досками. Богатство кумыка определялось, в частности, числом наполненных зерном «беженов» и «куров».

Мы до сих пор говорили о старом жилище. В настоящее время в строительстве жилища кумыков произошли радикальные изменения, связанные прежде всего с изменением условий материальной жизни общества. Благодаря победе колхозного строя, кумыки получили возможность жить в благоустроенных светлых, многокомнатных домах.

В условиях Советской власти кумыкская народная архитектура жилища развивается под благотворным влиянием передовой русской архитектуры и архитектуры других братских народов. Вместе с тем в ней продолжают сохраняться наиболее рациональные традиционные приемы, выработанные народом в результате многовекового опыта.

Одним из крупных изменений, происшедших в домостроении, является широкое использование железа и черепицы для покрытия крыши, а также привозного леса для покрытия полов. Применение железа, черепицы и леса для указанных целей имеет огромное значение. Помимо дальнейшего развития архитектурных приемов, оно значительно облегчило труд женщин по поддержанию в порядке крыш и полов, которые в прошлом обмазывались исключительно глиной, что способствовало появлению сырости, быстрому разрушению полов и крыш и т. д. По степени применения черепицы и железа первое место занимают селения северных кумыков, особенно кумыков Хасавюртовского, Бабаюртовского и Буйнакского районов, расположенные вблизи городов.

Под влиянием города изменилась и планировка жилища. Нередко встречаются дома, построенные по типу городских, с закрытыми застекленными верандами. Увеличилось число жилых комнат, значительно сократилась площадь под всевозможными хозяйственными помещениями. Под кухню стали отводить отдельное помещение, которое, как правило, ставится во дворе рядом с жилым домом. Почти исчезли низкие одноэтажные дома — «алаша уй», которые в прошлом имели широкое распространение у южных кумыков. В планировке и устройстве комнат сохраняются лучшие народные тради-

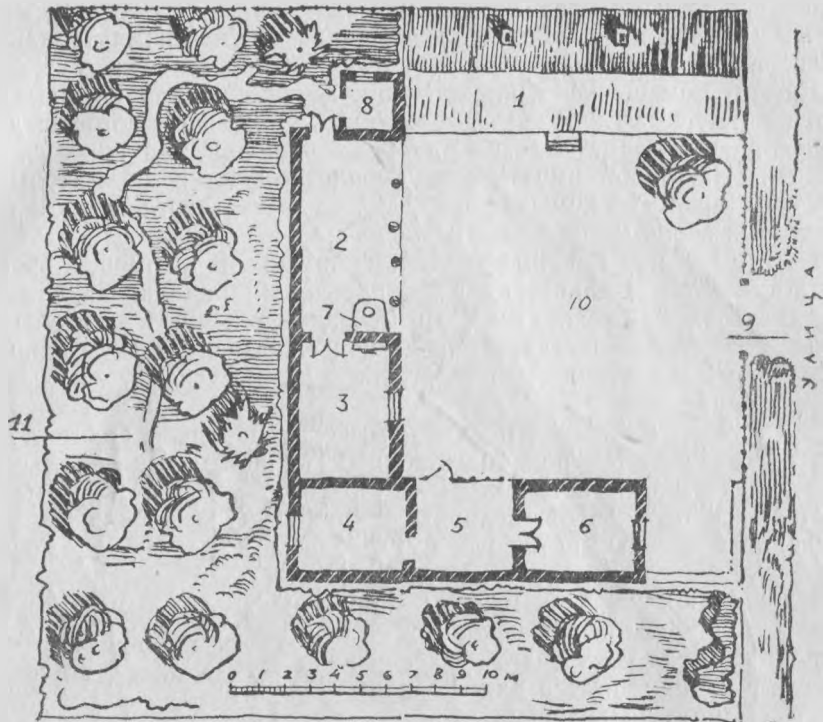

Рис. 16. План новой усадьбы: 1—жилой дом; 2—летний хозяйственный навес; 3—летняя кухня; 4—помещение для скота; 5—навес для скота; 6—помещение для скота; 7—печь 8—курятник; 9—ворота; 10—двор; 11—сад.

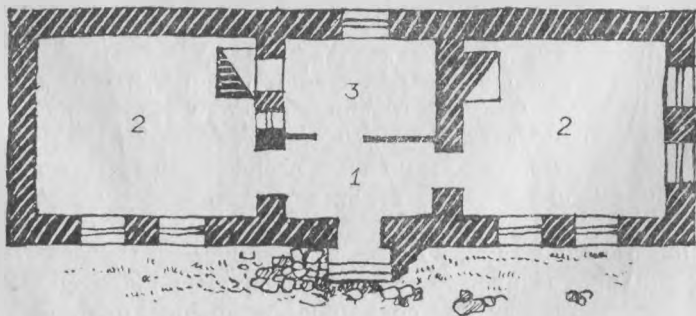

Рис. 17. План нового дома: 1—сени; 2—комнаты жилья; 3—спальня.

цин, а ненужные, архаические черты устраняются. Новые дома колхозников имеют, как и прежде, южную и юго-восточную ориентацию. Однако, в отличие от старых, окна обращены не только в одну сторону, т. е. во внутренний двор усадьбы, но и на улицу. Вместо маленьких окошек в новых домах делаются большие застекленные окна в 80—90 см шириной и 1,3 м высотой. В стенах между комнатами устапавливают двери, в то время как прежде оставались маленькие отверстия. Как двери, так и окна строго соразмерны. Двери ставятся двустворчатые, с филенками. Верхняя часть оконной рамы во многих домах делается неподвижной, а обе нижние половины — двустворчатые, раскрывающиеся. Двустворчатыми делаются и ставни для защиты от холода зимой и от солнечной жары летом.

В современных домах окна располагают на высоте более 0,5 м (60—70 см) от пола. Такое расположение связано с широким внедрением в быт столов и стульев фабричного производства. Поднять высоту окон и дверей, увеличить их размер позволяет и увеличение общей высоты жилых помещений. В новых домах уменьшилось число всевозможных ниш. Постоянно исчезают глиняные пристенные полки для утвари. Все это заменяется шкафами, шифоньерами, комодами, этажерками.

Постройка дома у кумыков начинается с закладки каменного фундамента во всю длину и толщину внутренних и внешних стен дома. В прошлом, как рассказывают старики, у кумыков существовал обычай при основании дома закладывать в фундамент зерно, позднее — золото или серебро, что по-видимому было пережитком древних верований (жертвоприношение духу — покровителю домашнего очага).

Как уже отмечалось выше, стены дома возводят главным образом из крупного сырцового кирпича, приготовленного весной из смеси глины с мякиной и высушенного на солнце. Зачастую стены из такого кирпича возводятся на высоком каменном цоколе. Высокий цоколь делается для прочности дома, сохранения стен от влаги и т. д. В отличие от других кумыков, засулакские кумыки, как правило, строят цоколь из мелкого речного камня без всякой обработки, но с особой укладкой. Толщина стен составляет 1½ сырцового кирпича. При возведении стен саманные кирпичи скрепляют разведенной глиной. Большая толщина стен даже одноэтажных зданий не только обусловлена характером каменной или саманной кладки, но и необходима для защиты от солнечного перегрева в жаркое лето. Окна во многих местах по традиции делают сравнительно невысоко с таким расчетом, чтобы они удобно освещали не только

стол, но и поверхность пола. Это обусловлено тем, что кумыки привыкли выполнять отдельные виды домашних работ на полу, сидя на паласах или коврах.

Очень много домов за последние годы построено из камня. В таких домах стену, обращенную к улице, как правило, сооружают из крупных тесаных каменных плит, на которых зачастую выбивают орнамент или надписи (дату закладки дома, имя хозяина, пятиконечную звезду и пр.). Остальные стены обычно возводят из нетесаных камней или просто из кирпича-сырца. В нижнем этаже делают проемы для дверей, а если дом одноэтажный, то и для окон. В двухэтажном доме нижний этаж по-прежнему в большинстве случаев используют как помещение для скота, а также для разных хозяйственных нужд. Поэтому там вместо окон делают небольшие квадратные отверстия для света и вентиляции.

Над проемами окон и дверей кладут перемычки из толстых досок. Когда сложат стены, настилают потолочные балки на расстоянии 0,5 м одна от другой и даже чаще. Поверх балок кладут одинарный слой камыша. При этом стебли очищенного камыша искусно перевязывают и скрепляют, образуя своего рода циновку. В нижнем этаже, предназначенном не для жилья, вместо камыша потолок застилают жердями, распиленными вдоль и разрубленными затем на более короткие блоки, укладывая их ровной стороной книзу. Применение в нежилом помещении настила из жердей объясняется стремлением кумыков соорудить более прочное потолочное перекрытие, так как камышовый настил быстро разрушается и требует периодической замены. Засулакские кумыки наряду с камышом для этой цели применяют тонкий, гибкий орешник — «*чертлевукъ-чубукъ*», который легко поддается штукатурке. За последние годы, в связи с завозом стройматериалов, вместо камыша и настила из жердей стали частично применять широкие ровные доски, что несомненно придает больше красоты интерьеру. Встречаются и такие дома, в которых потолок из мелких жердей и камышового настила покрывается штукатуркой с последующей побелкой.

Потолочные балки первого этажа опираются на массивные столбы из прочного дуба. Столбы ставят в один ряд в виде колоннады под той частью крыши, которая выступает над верандой нижнего этажа. Менее массивные деревянные колонны ставятся у наружного края веранды верхнего этажа.

В центре жилого помещения, почти в каждой комнате, как отмечалось выше, в прошлом ставили массивный столб, который считался «почетным». В настоящее время этот столб, как излишний в современном жилище, совершенно исчез. Но прежнее место уста-

новки столба все еще в какой-те мере почитается. При трауре на это место, которое по-прежнему называется «орта багъана» («срединный столб»), сажают самую близкую к умершему старшую из родственников женщину. Вероятно, этот столб в прошлом был связан с культом предков.

Потолочные балки, перекрытие камышом или жердями, настилают сверху соломой, а затем засыпают сухой глиной. Если нижний этаж используется как жилое помещение, то потолок изнутри смазывают слоем глины, смешанной с соломой, чтобы сухая глина и солома не сыпались с потолка в комнаты.

В потолке оставляют место для дымохода. Сверху крышу утрамбовывают катком и обмазывают глиной, смешанной с соломой. Таким же способом покрывают и крышу второго этажа. Однако крыша второго этажа покрывается значительно более толстым слоем глины, чем верх первого этажа, который выполняет роль с одной стороны потолка, а с другой пола. На эту деталь строители дома обращают серьезное внимание, так как перекрытия дома нецелесообразно излишне утяжелять. В то же время глина должна быть засыпана в достаточном количестве. Недостаток глины для пола второго этажа может вызвать образование ямок и быструю порчу пола второго и потолка первой этажей. Это отразится также на сохранении тепла в жилых помещениях второго этажа в зимних условиях. Что касается крыши, то из-за недостатка глины она будет протекать.

По форме крыша почти совершенно плоская с небольшим уклоном для стока воды. Исключение в этом отношении составляют дома засулакских кумыков. В отличие от других кумыков они делают крыши домов почти двускатными и значительно более легкими. Причины этого явления трудно объяснить. Нам думается, что основной причиной, обусловившей создание такой формы крыши, является опять-таки нехватка полноценного строительного леса, в результате чего население вынуждено было использовать недоброкачественный лес и соответственно менять форму крыши для лучшего стока воды, а также делать ее более легкой.

В появлении двускатной крыши у засулакских кумыков, пожалуй, можно видеть и влияние архитектурных приемов русских, ближайших соседей этой группы кумыков. В домах с крышей такой формы, за исключением новых сооружений городского типа, отсутствует чердак. Поэтому двускатная крыша своей внутренней стороной служит потолком для комнат, а следовательно делает потолок также двускатным, в отличие от плоских потолков жилища с плоской крышей.

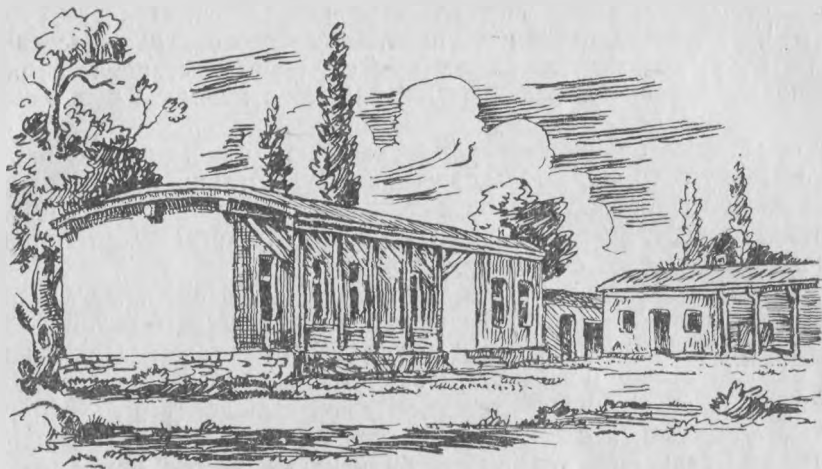

Рис. 18. Тип дома засулакских кумыков с овальной крышей.

Плоская крыша, характерная для жилища основной группы кумыков, требует заботливого ухода. Домохозяева тщательно сметают с нее снег, осматривают после дождей и принимают меры против протекания. Почти каждый год капитально ремонтируется крыша, причем иногда весь камыш на потолке заменяют новым. Время от времени на крышу насыпают золу. Пржецлавский писал о крышах дагестанских домов следующее: «Крыши плоские, убитые и смазанные глиной, с примесью самана и гуана, вообще не удерживают течи. Для предупреждения этого неудобства считается лучшим средством засыпать щели, образующиеся от жары в крышах, золою. По совершении этой операции крыша убивается вальками, укатывается каменным катком и составляет сплошную твердую массу»¹. Такая крыша представляет огромную тяжесть, так как в ее состав входит слой глины толщиной до 50 см и более. После длительных дождей тяжесть намокшей крыши увеличивается во много раз. Учитывая это, для подпорных столбов и горизонтальных балок выбирают особенно прочные породы деревьев, в частности дуб. Вообще для столбов, балок и прочих деревянных частей жилого помещения

¹ П. Пржецлавский, Нравы и обычаи в Дагестане, «Военный сборник», 1860, 4, стр. 277.

тщательно выбирают ровные деревья, которые предварительно обрабатываются специалистами-плотниками.

Как в старых, так и новых двухэтажных домах встречаются балконы общекавказского типа, устроенные на выносных консольных балках с разными балюстрадами. Особенно много балконов в селениях Утамыш, Маджалис, Башликент, Каякент, Верхнее и Нижнее Казанище, Карабудахкент и т. д. Балконы устраивают с легкой деревянной крышей или же в виде открытой площадки. В кумыкском доме балконы, выходящие главным образом на улицу, считаются второстепенной частью дома, тогда как «догъа» (галерея, веранда), выходящая всегда во внутренний двор, является совершенно необходимой. Она проходит по всей длине фасада и достигает ширины 3 м. По существу «догъа» это часть дома, преимущественно летнее помещение. П. Ф. Свидерский, называющий «догъа» балконом, пишет: «Это место сакли служит любимым местопребыванием туземцев и особенно туземок. В течение теплого кавказского дня, в тени навеса, они здесь ткут полотна, вышивают ковры, шьют одежду, варят пищу, на особо устроенном балконе же, у стены сакли, очаге («тавхана» — С. Г.) и отдыхают»¹.

Таким образом, «догъа» составляет традиционную особенность кумыкского дома и связана со спецификой семейного быта. Широкая и длинная галерея верхнего этажа служит крышей для части двора, составляя как бы продолжение крыши нижнего этажа. Пол галереи верхнего этажа часто расширяют, создавая «алды къалкъзы», (т. е. переднюю крышу). «Алды къалкъзы» используется как добавочное хозяйственное помещение, где сушат зерно, тыкву, фрукты, моют посуду и хранят часть сена для скота. В то же время оно служит навесом над частью двора, под которым нередко ночует скот, куда ставится хозяйственный инвентарь и т. д. «Догъа» не всегда проходит во всю длину дома. Если дом имеет «П»-образную планировку, то «догъа» устраивают только вдоль средней части дома, т. е. между его боковыми выступами.

В последнее время в новых домах «алды къалкъзы» делают реже. Это связано с особенностями нового хозяйственного быта колхозной семьи. Поскольку основной сельскохозяйственный инвентарь и рабочий скот отошли в общественный сектор, колхозники могут без всякого ущерба сократить в жилище навесы и хозяйственные пристройки.

¹ П. Ф. Свидерский, Кумыки. Материалы для антропологии Кавказа, СПб., 1898, стр. 30.

В условиях недостатка железа и черепицы большие и длинные «алды кьалкы» и другие навесы требовали, так же как и крыши, частой починки, что ложилось дополнительной тяжелой обязанностью на плечи женщины-кумычки. Введение железа и черепицы в строительное дело значительно облегчило труд женщины по ремонту дома.

Если дом двухэтажный или на высоком фундаменте («курсууы»), то сооружают каменную или саманную, в последнее время чаще деревянную лестницу. Над лестницей иногда делают деревянный люк, когорый закрывают на ночь.

Особого внимания заслуживает взаимопомощь кумыков, оказываемая друг другу при строительстве дома. Жилой дом обычно строят наемные мастера («усталар»), проживающие в том же селении или приглашенные из соседних селений. Надо кстати заметить, что издавна в качестве мастеров-строителей выступают даргинцы или аварцы, а не кумыки. Почему это так — трудно объяснить. Этот интересный вопрос требует специального исследования. Пока же можно предложить следующие две гипотезы.

1. Кумыки могли прибегать к найму мастеров из соседних горских селений в связи с издавна существовавшим территориальным разделением труда между горцами и жителями равнины. Труд горца, находившегося в значительно более трудных экономических условиях, мог обходиться гораздо дешевле, чем труд односельчанина или другого жителя плоскости. Для сравнения можно взять гончарный промысел. Производство гончарных изделий давно потеряло у кумыков свое значение. Уже в XIX в. кумыки пользовались главным образом привозными гончарными изделиями горцев. Обмен хлеба на гончарные изделия горцев был для кумыка гораздо выгоднее, чем производство их на месте.

2. Кумыки могли пользоваться приглашенными мастерами, потому, что сами не имели достаточных навыков в строительной технике. Как уже отмечалось, одна из форм жилища кумыков была заимствована у горцев, а что касается собственно кумыкского жилища, то оно по-видимому вначале было несколько иным.

Из этих двух предположений несомненно более приемлемо первое, ибо оно может быть доказано на сравнительном материале.

Итак, дом строят наемные мастера. Строительный материал заготавливает и доставляет на место сам хозяин. Оплата строителей прежде производилась зерном, теперь — зерном и деньгами. Большое участие в сооружении дома принимает общество. По старинному обычаю, соседи, близкие друзья, товарищи по работе, родственники хозяина дома приносят по очереди угощения мастерам, строя-

ним дом. Следуя тому же обычаю, на месте стройки укрепляют высокий шест, на который близкие дому семьи навязывают куски шелковой или хлопчатобумажной материи, полотенца, платки и т. д. Все эти подарки идут в пользу мастеров, которые делят их между собой.

Штукатурка и обмазка дома обходится хозяину почти бесплатно. При обмазке стен, крыши, пола обычно устраивают — «булкѣа», (собирают людей для помощи). Эту работу в большинстве селений выполняют исключительно женщины. Назначив подходящий день, хозяйка дома приглашает девушек и женщин из числа родственников, соседей, знакомых. Приглашенные работают почти целый день.

Кумычки тщательно выбирают глины для обмазки, пользуясь ее запасами в тех местах, где она опытом признана наилучшей. Глина должна быть пластичной, крепкой после высыхания и водонепроницаемой. Эти требования имеют большое значение в условиях сельской местности, где крыши в большинстве случаев глинобитные. Такую глину кумыки называют «саз балчыкѣ» (желтая глина). За день до начала обмазки глину смачивают, чтобы не осталось кусков и комочков. Наутро в сырую глину насыпают соломенную резку и месят ее ногами, собирая время от времени в кучу руками или лопатой и подливая воды, если глина крутая. Эту часть работы выполняют девушки. Они же носят воду в кувшинах для смачивания глины и подносят готовую глину к месту стройки. Исключение составляют только некоторые селения, где в порядке помощи женщинам месят глину мужчины (Каякент) и подают готовую глину на вилах на место работы (Каранай-аул и др.).

На «булкѣа», как и при всех других видах коллективной работы, проводится строгое разделение труда. Утром к месту работы раньше всех должны явиться девушки, чтобы приготовить глину для обмазки. Если работа производится на втором этаже, то девушки, работающие во дворе, небольшими порциями передают глину вверх при помощи двух—трех девушек, сидящих на деревянной узкой лестнице. Обмазка карнизов и стен с каминными поручающими самими лучшими мастерицами, которые тут же аккуратно делают из глины выступы и полочки для мелких вещей, выводят всевозможные узоры и рисунки. Они же производят обмазку проемов для окон и дверей, т. е. выполняют всю наиболее трудную и ответственную часть работы. Мажут мастерицы глину руками, иногда применяя особую дощечку для выравнивания поверхности. Как отмечалось выше, южные кумычки отличаются своим умением штукатурить стены, обмазывать крыши, делать карнизы и т. д. Среди них первое место по праву занимают женщины из сел. Янгикент Кайтагского

района, безукоризненно выполняющие все виды работ, связанных с глиной.

Окончательную отделку женщины производят во время вторичной обмазки. Для вторичной обмазки, которая производится после того, как высохнет штукатурка, берут глину того же сорта. Ее просеивают через редкое решето и прибавляют к ней свежий конский навоз в определенном соотношении, чтобы предохранить глину от растрескивания после высыхания. В отличие от первой штукатурки получается ровная, гладкая обмазка. Эта работа выполняется не в один день, а постепенно. Для выполнения ее не устраивается «булкѣа», так как она требует особенно тщательной работы умелых женщин, каждая из которых полностью производит вторичную обмазку, хотя бы одной комнаты.

Когда обмазка окончательно просыхает, хозяйка производит побелку. Белят белой глиной — «акѣ палчыкѣ». Известь, а тем более мел совершенно не допускаются при побелке. Только в районных центрах иногда белят известью. Внутренние жилые помещения и галерею белят очень часто. Пржецлавский говорит: «Побелка домов и смазка глиною полов возобновляется хозяйками почти еженедельно»¹. Наружные стены здания белят реже — обычно два раза в год: весной и осенью. В настоящее время побелка наружных частей здания приурочивают к 1 мая и 7 ноября. В белую глину обычно добавляют синьку. Кайму над отверстием камина и каминную полочку, как правило, украшают черной краской, которая готовится из глины с добавлением сажи. При побелке стен строго следят за тем, чтобы не было никаких полос. Белят мохнатой стороной куска белой овчины. Щетки употребляют очень редко.

Пол мажут серой глиной также куском овчины, но только темной. При обмазке пола стараются не задеть стену, чтобы не нарушить ровной линии. У отдельных хозяек белой глиной покрывается и пол на ширину 2—3 см от стенки. Это довольно трудная работа, требующая особой аккуратности. При частой обмазке, которой требуют глиняные полы, трудно не нарушить искусно проведенных линий вокруг стен с острыми прямыми углами. Производя обмазку полов, хозяйка, наряду с полом, часто слегка обновляет и побелку нижней части стен, чтобы очистить от пыли, пятен и пр.

В настоящее время каминны перестали выполнять роль основного вида отопительной системы. Правда, каминны, как и прежде, делаются почти в каждом помещении, часто даже в хозяйственном, но они имеют скорее декоративное назначение. К каминам обычно

¹ П. Пржецлавский, указ. соч., стр. 174.

пристраивают печи с плитой, которые дают больше тепла и более удобны для приготовления пищи. У кумыков существуют два вида комнатных печей, точнее, у северных кумыков широкое распространение имеет один вид, а у южных кумыков — другой. Печи обоих этих видов складываются из обожженного кирпича с чугуниной плитой сверху.

Законно возникает вопрос — откуда появилась печь у кумыков, не заимствована ли она у русских? Заимствование, несомненно, имело место.

«Вращаясь между русскими, — писал в конце XIX в. Афанасьев, — кумыки видят преимущество русских домов пред своими и стараются уже подражать русским строениям: так делают печи, окна створчатые, чтобы на летнее время не вынимать рам, потолки, полы и др. приспособления, для сохранения тепла в зимнее время»¹. Анализ всех деталей печей южных кумыков действительно показывает, что эти печи полностью заимствованы у русских и что этого типа печи стали появляться здесь лишь с конца XIX в. В более раннее время, как рассказывают старейшие кумыки, кое-где появлялись железные печи. Применение их по сравнению с существовавшей тогда системой отопления было несомненно прогрессивным явлением.

Южные кумыки складывают печь из обожженного кирпича. Размер печи — примерно 69—98 см. Подобно русской печи она имеет внутри несколько оборотов дымохода, а также духовку, в которой зимой нередко пекут хлеб. Как и русская печь городского типа, она имеет чугунную плиту, дверцу, задвижку, а духовка закрывается обитой железом дощечкой.

Однако при кладке такой печи южные кумыки используют и свои традиционные навыки. В частности, своеобразна духовка. Как известно, в русских печах духовка имеет форму квадратной коробки. Предварительно приготовленная железная коробка — духовка — ставится в печь во время ее кладки. Духовка же кумыкских печей не представляет собой квадратной коробки и не делается полностью из железа. Поставив один ряд кирпичей стенки с оставлением оборотов для дымохода, кумычка по традиции ставит, как и в надворную печь, особый тонкий и плоский камень, который называется «эне». Этот камень образует низ духовки. По краям его кладут второй ряд кирпичей, оставляя с одной стороны небольшую дверцу. На эти кирпичи ставится лист железа, который образует верх духовки. Высота духовки, т. е. расстояние от плоского камня до листа железа,

¹ М. Афанасьев, указ. соч., стр. 97.

не должна превышать 15—18 см, что связано с особенностями печения тонкого кумыжского чурека. Поверх железного листа, вернее по краям его, кладут полтора ряда кирпичей, на которые ставится чугунная плита для приготовления пищи. Духовка греется как сверху, так и снизу благодаря оборотам дымохода. В ней можно печь одновременно только два чурека. Хлеб, выпеченный в духовке, по своим вкусовым качествам несколько уступает хлебу, выпеченному в надворных печках или же в комнатных печах другого образца.

Печь южных кумыков отличается от русской городской печи и некоторыми деталями внешнего оформления. Как и во всякой другой работе, кумычка при выборе места для печи, при ее кладке и обмазке руководствуется традиционными приемами.

Несколько иначе обстоит дело с новой отопительной системой у северных кумыков, в том числе засулакских. Комнатные печи северных кумыков по своей конструкции имеют много общего с печами, издавна сооружаемыми во дворе или на галерее нижнего этажа

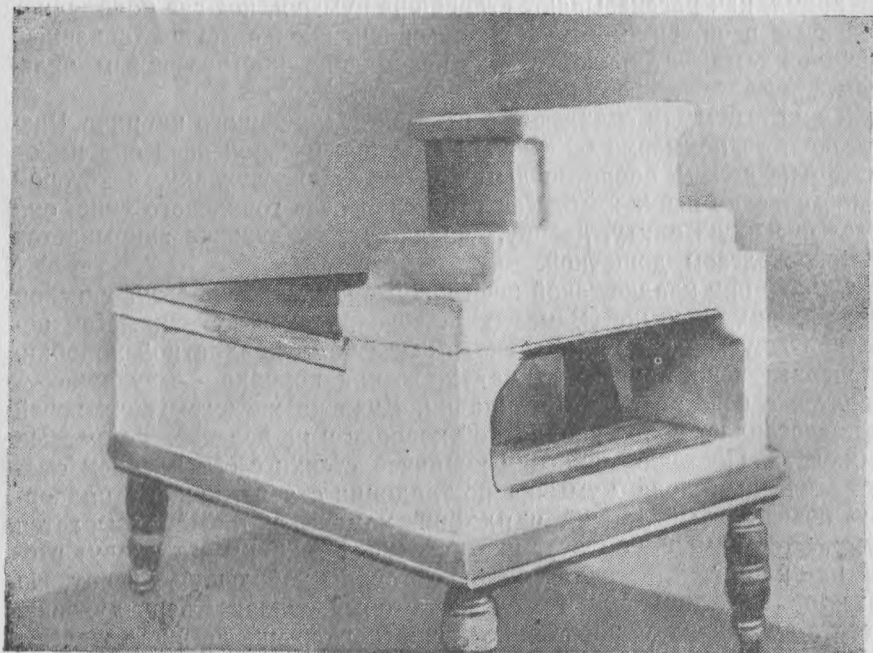

Рис. 19. Современная комнатная печь северных кумыков

для выпечки хлеба. Чтобы яснее представить эту преемственность, дадим краткое описание такой печи.

Эта печь («кёрюк») складывалась и складывается у всех кумыков из сырцового кирпича. Чтобы удобнее было печь хлеб, ее ставят на фундаменте или постаменте, высотой примерно 40—50 см над уровнем пола. На большую часть этого основания ставят тонкую каменную плиту «эне», которая считается лучшей плитой для выпечки хлеба. С правой стороны основание печи ничем не покрывается и остается в качестве отделения для топки. Над основанием возводятся стены печи, т. е. ее сводчатый верх и особый дымоход. В правой, меньшей и узкой части печи зажигается сильный огонь, который нагревает и каменную плиту, хотя туда не попадают зола и уголь. Во второй половине, имеющей внизу каменную плиту, пекут хлеб, предварительно подогрев и очистив ее веником. В такой печи хлеб можно печь только в виде плоских лепешек (чурек) и только в то время, когда горят дрова и пламя охватывает весь свод. Высота свода печи и сила пламени должны быть точно рассчитаны при строительстве печи, иначе, при чрезмерно низком своде, хлеб будет гореть, а при высоком — сохнуть, но не пропекаться.

«Кёрюк», как и камин, сооружают исключительно женщины, которые и здесь используют народные традиции архитектурно - декоративного оформления. Из всех частей такой печи наиболее трудно сделать сводчатый верх и дымоход довольно сложной конструкции.

Многие хозяйки, не совсем закрывая свод, оставляют небольшое круглое отверстие, в которое, когда это необходимо, ставят кувшин с водой для нужд хозяйства, кипятят чай и т. д., а в другое время просто прикрывают чем-нибудь.

Какие же детали занимали северные кумыки при кладке комнатной печи? Можно сказать, что

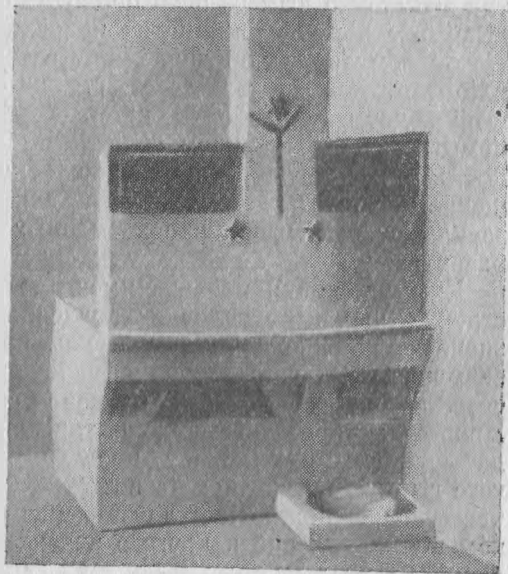

Рис. 20. Кумыкская надвornая печь—кёрюк

комнатные печи отличаются от надворных в основном малыми размерами и некоторыми более совершенными деталями.

Отмечая усовершенствования, следует сказать, что комнатные печи теперь строятся из обожженного кирпича без массивного постаменты или основания. Вместо такого основания делается деревянная подставка на четырех ножках, на которой строится собственно печь. С прекращением отопительного сезона такую печь можно вынести из жилого помещения.

Нередко встречаются и печи, сделанные без деревянной подставки, но обязательно на ножках. Вместо прежнего сводчатого верха из глины для комнатных печей употребляется чугунная плита, которая используется для приготовления пищи. Встречаются и железные плиты. Вместо «эне» в настоящее время кумычки нередко применяют квадратные чугунные плитки. Они разогреваются быстрее, требуют мало топлива.

Как мы уже отмечали, железные печи, проникшие из центральных областей России в более ранний период, в настоящее время совершенно вышли из употребления. Их кумычки не любят, считая, что они непрактичны: требуют много топлива, от них быстро желтеют стены, портятся занавески и развешанные на стенах ковры. Женщины не всегда соглашались ставить к печи железную трубу, так что порою дым из печи проходит по дымоходу камина.

Летом в жилых комнатах никогда не топят печи. Этим сберегается обмазка и побелка. Пищу в теплое время готовят в печках или «тавхана», сделанных на «догъа» — галерее, где семья обедает и проводит свое свободное время, особенно вечером. У засулакских кумыков еще в прошлом году летом пищу готовили в специально построенном во дворе помещении «аш уйи» (кухня). В этом помещении нередко находилась и печь для выпечки хлеба. Эта традиция засулакских кумыков в современных условиях получила широкое развитие.

Кумыки, как и прежде, имеют хозяйственные надворные постройки. Однако в условиях колхозного строя число этих построек значительно сократилось, так как рабочий скот, арбы, основные сельскохозяйственные орудия перешли в колхоз. Совершенно исчезло со двора огромного размера соломохранилище «алачыкъ». Двор стал просторнее и чище, так как не стало надобности ограждать отдельный участок в пределах двора для содержания рабочего и продуктивного скота в летних условиях («тувар чалы»). Сократились и помещения для зимнего содержания скота, лишнее помещение для арб и другого инвентаря, перешедшего в обобществленный сектор.

Для скота, находящегося в личной собственности, в настоящее время на дворе сохраняется сарай — «аран», летний навес. Крыша навеса обычно используется для хранения сена, которое ставится в виде скирды. Помещением для домашней птицы летом служит особая плетенка вроде циновки, высоко подвешанная под общим навесом. Зимой птица содержится в «тавукъ уьй» (у северных кумыков) или «демек» (у южных кумыков). «Демек» (птичник) — специально построенное, крытое со всех сторон помещение, в котором на определенной высоте от пола уложено несколько горизонтальных жердей, куда птица усаживается на ночь. Из других надворных построек можно отметить печь («кёрюк») для выпечки хлеба у помещения под кухню.

У засулакских кумыков, у которых дом и надворные постройки расположены более свободно, жилые и хозяйственные помещения совершенно изолированы от помещения для скота.

Освобождение двора от лишних хозяйственных построек способствовало использованию его в другом направлении. На приусадебном участке теперь выращиваются фруктовые деревья и огородно-бахчевые культуры. Одной из характерных особенностей новостроек является то, что при выборе участка строители исходят из наличия условий для создания огорода и садика. Эти условия больше соблюдаются в новых селениях, выросших в годы социалистического строительства (Аджи-Дака, Нечаевка, Ленинкент, Кизилюрт, Нижний Маджалис).

Как и прежде, кумыки ограждают свой двор забором («чыр», «барув»), который устраивают из камня, самана, плетеного орешника («чалы»). На плетень часто накладывают колючки («тегек»), чтобы посторонний не мог проникнуть во двор.

Дворы за малым исключением имеют ворота, которые на ночь закрывают. Ворота, как правило, имеют крытый проход. Створки ворот делаются деревянные, а стены и крыша прохода — так же, как перекрытие и стены жилого дома. В прошлом все деревянные части ворот делались из дубового дерева и покрывались резьбой. В настоящее время для этой цели используется главным образом привозной лес из более мягких пород, и резьба по дереву почти совершенно исчезла.

Итак, современное кумыкское жилище носит на себе отпечаток лучших национальных традиций архитектурного искусства народов Дагестана, но вместе с тем, на нем сказались и влияние русской, советской архитектуры. Осуществлялась вековая мечта кумыков — иметь просторный приусадебный участок, жить в светлых, чистых, благоустроенных домах.

Однако, вместе с исчезновением архаических форм жилища и отдельных, потерявших свое значение, предметов материальной культуры, исчезли и некоторые ценные детали архитектурно-декоративного оформления жилища. Исчезли, например, лепные украшения надкаминной стены, полки, художественная резьба по дереву и камню.

При проектировании современного типового жилого дома колхозника-кумыка следовало бы учитывать традиции художественных украшений старого жилища. Для этого дагестанские архитекторы, строители и этнографы должны систематически изучать памятники старины, широко популяризировать прогрессивные традиции строительного искусства прошлого, творчески применять эти традиции в практической работе.

ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО ЖИЛИЩА

Описывая самую старую форму жилища — «тавчубый», мы указывали, что оно разделялось перегородкой на две половины: «тавчу» и «тавчу тышаны».

Очаговая половина, т. е. «тавчу», не отличалась особым убранством. По обеим сторонам очага пол застилался паласами, в частности войлочными, и коврами, на которых местами лежали подушки, набитые шерстью. Стенные ниши, имевшиеся в этой половине в большом числе, наполнялись разной хозяйственной посудой, первое место среди которой занимали гончарные изделия. Другая половина, т. е. «тавчу тышаны», отличалась от первой своим убранством. Убранство этой половины сходно с убранством комнат без «тавчу», т. е. комнат, пришедших на смену «тавчубый». Поэтому во избежание повторения мы попытаемся дать общую характеристику их убранства.

Самая большая, глухая стена, расположенная обычно против входной двери, убиралась постельными принадлежностями. Вдоль этой стены на расстоянии 130—140 см от пола проходила длинная деревянная полка — «зухтахта». Снизу параллельно ей над полом тянулся выступ из глины — «хасы», 25—30 см высоты и примерно такой же ширины. Деревянная полка в одном—двух местах опиралась на глиняные столбики, которые соединялись с глиняным выступом. Таким образом на стене получалась своеобразная этажерка.

Полку — «зухтахта» до самого пола (во всю длину и ширину) покрывал безворсовый тонкий ковер — «дум» — изделие кумыкских мастериц. На полке в строгом порядке помещалась постель

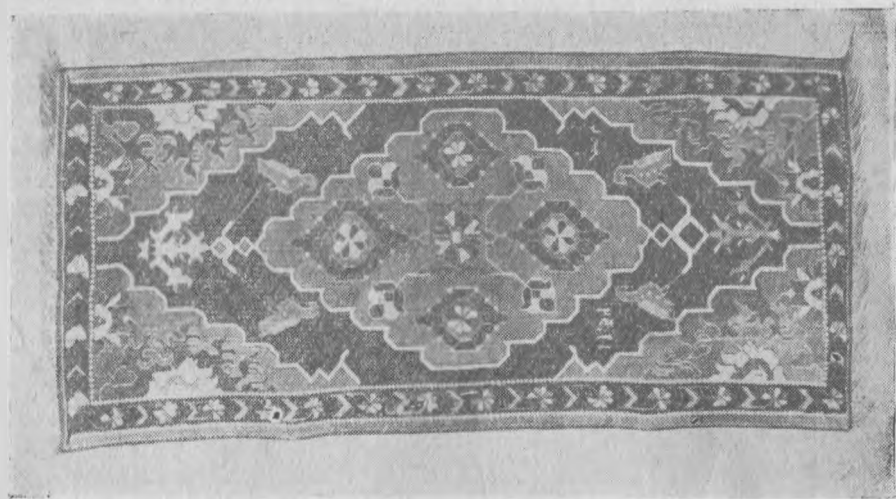

Рис. 21. Безворсовый ковер — дум.

семьи: сначала матрацы — *«тёшеклер»*, искусно свернутые особым образом, на них стеганные шерстяные одеяла — *«ювургъанлар»*, тоже сложенные по традиции, затем большие подушки — *«назбарии»*. В результате, сложенная постель достигала потолка. На полку укладывалась парадная постель. Старые же постельные принадлежности убирали под полку — *«зух туп»*, за ковер (в бедных семьях ковер заменял занавес из дешевых тканей).

Уборка постели была одним из сложных занятий женщин, требовавших не только усилий, но и умения. Каждый матрац весил 25—30 кг, так как в него набивали много *«ябагъы»* (у северных кумыков) или *«хунца»* (у южных кумыков), которые особым образом приготавливали из отходов шерсти. На ночь эту шерсть в чехле нужно было расположить равномерно. Утром же следовало убрать матрац на полку, туго забив шерсть в оба конца чехла.

Стену слева от входа, сверху донизу, убирали медной посудой. Каждая вещь имела здесь свое место. Внизу вдоль этой стены делалось возвышение, куда ставили большие медные или глиняные кувшины и умывальные приборы (маленький медный таз и кувшинчик); дальше ставился сундук и т. д. В самом верху стены имелись две одинаковой формы квадратные ниши, находившиеся на одинаковом расстоянии одна от другой. Сюда ставились высокие медные

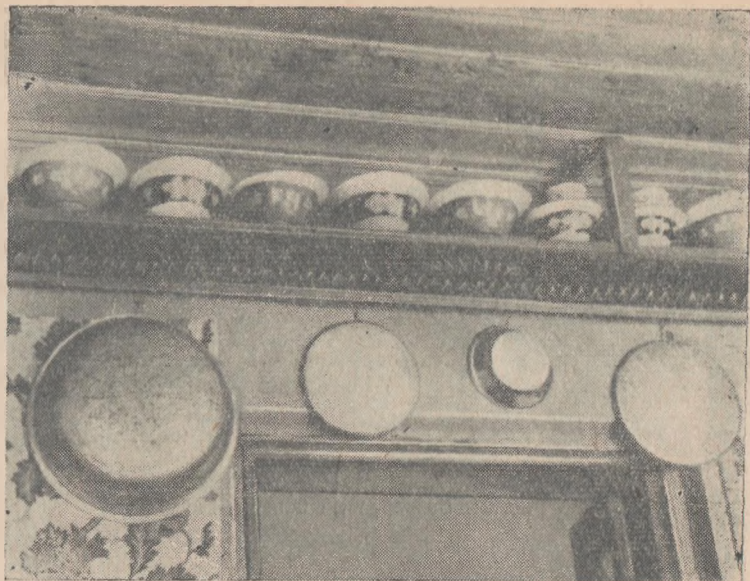

Рис. 22. Карниз с фарфоровой и фаянсовой посудой.

сосуды и вазы. Остальная часть стены покрывалась плоской медной посудой самых разнообразных размеров.

Богатство семьи определялось, между прочим, числом и весом медной посуды. Не случайно Афанасьев писал, что по количеству медной посуды «судят о богатстве невесты»¹. Богатые невесты при выходе замуж везли с собой одну—две подводы только с посудой.

У стены, справа от двери, как мы указывали при описании жилища, на расстоянии 0,5 м от потолка, лепили карниз «*такъча*» (у южных кумыков) или «*ираб*» (у северных кумыков). На него ставилась вся фарфоровая и фаянсовая посуда.

Нередко стены дома украшались оружием, в состоятельных домах — двумя одинаковыми зеркалами, большими сундуками русского заводского изделия и т. д. Комнаты устилались коврами, паласами. Коврами украшались часто и стены комнат, особенно гостиной. У засулакских кумыков для предотвращения сырости пол ковер вешалась плетеная из камыша циновка — «*чипта*».

¹ М. Афанасьев. Указ. соч., стр. 98.

Один из видов безворсовых ковров — каякент палас.

Под влиянием русской культуры кумыская знать в XIX в. начала употреблять кровати, столы, стулья и другие предметы домашней обстановки.

Бедные семьи, хотя и соблюдали традиционные порядки, однако убранство их жилых помещений резко отличалось по своему содержанию. Место медной посуды занимала гончарная, место ковров — простые паласы и т. д.

В состоятельных домах одна из комнат убиралась специально для гостей — «*кэонакэ уй*» (кунацкая). В убранстве этой комнаты также соблюдались традиционные особенности, но основное место занимали ковры и постельные принадлежности.

Комната, в которой проживала сама семья и в которой готовилась в зимних условиях пища, убиралась менее тщательно и более простыми предметами обстановки и утвари.

Убранство жилого помещения кумыков за годы социалистического строительства подверглось большим изменениям. Одна из комнат, в которой колхозники принимают гостей, считается парадной. Эта комната отличается лучшим убранством и лучшей обстановкой.

Как мы уже отмечали, во внутреннем убранстве жилых помещений существенную роль играли ковры — «*хали*». Эта традиция кумыков не только сохранилась в условиях колхозного строя, но и получила еще большее развитие. Коврами по-прежнему украшают стены и пол. Самые лучшие ковры расстилаются на почетном месте — «*тор ян*», куда сажают гостей (почетным местом в кумыкском жилище считается наиболее обособленная часть комнаты, по которой меньше ходят). «*Тор ян*» обычно обставляют лучшей мебелью. Кроме ковров и паласов местного производства, в домах кумыков встречается много приобретенных на рынках, особенно в Дербенте, изделий мастериц-ковровщиц южного Дагестана. Попадают, правда реже, и лучшие образцы среднеазиатских, в том числе хорасанских ковров («*хорасан хали*»). Широкое проникновение изделий других народов обогащает художественно-декоративные качества кумыкских ковров. Техника художественного ковроткачества используется кумычками также при выделке шерстяных мешков для хранения зерна — «*кэап*» и переметных сум — «*хуржун*», которые богато украшаются орнаментом. У северных кумыков применяются и войлочные паласы — «*арба баш*». Они также имеют художественно-декоративные достоинства.

Южные кумыки, помимо ковров, широко пользуются изготовляемыми в сел. Каякент «*каякентскими паласами*», а также шерстяными паласами — «*юн чанка*» (изделиями соседних даргинских

Рис. 23. Ворсовый ковер—халича:

районов). «Юн чанка» намного уступает по своему качеству и художественному оформлению, «каякентским паласам». Южные кумыки покупают у тех же даргинцев и паласы из кендыря — «кендир чанка». В прошлом паласы из кендыря были основным украшением в доме бедняка, в настоящее же время они используются для разных хозяйственных нужд. Поскольку полы на веранде земляные, здесь часто расстилают такие паласы. «Кендир чанка» расстилается и у печки — «кёрюк», в которой пекут хлеб, во дворе во время сушки зерна и т. д.

Кумыки полностью сохранили и даже развили существовавшую издавна традицию завешивания стен. В отличие от прошлого стены украшаются не медной посудой, а занавесками — «яювлар». Окна завешиваются тюлевыми занавесками — «перде», а стены — цветными шелковыми и хлопчатобумажными тканями и коврами. Вместо тканей иногда употребляют обои.

Трудно выяснить, как возник обычай завешивать стены. Кумыки говорят, что в комнате благодаря этому зимой теплее и уютнее. И действительно, на лето часть занавесок и ковров они снимают.

Медная посуда, игравшая в прошлом существенную роль в убранстве комнат, в настоящее время перешла в хозяйственные помещения. Только в некоторых домах еще можно увидеть выставленные в нишах под потолком или на полочке всевозможные сосуды из меди или висящие на стене подносы.

Весьма существенную часть обстановки современных кумыков составляют кровати, появление которых значительно изменило обстановку комнат кумыков. Навсегда исчезла шедшая во всю длину стены полка — *«зухтахта»*, на которую складывали постель. В настоящее время постель убирается на кровати и в специальные пристенные ниши, которые завешивают марлей или цветной тканью. Матрацы теперь делают меньше и легче, по размеру кровати. Кумычки делают также легкие матрацы из хорошей чесаной шерсти — *«юн орнулукъ»*.

У северных кумыков наряду с кроватями продолжают сохраняться нары — *«тахтамек»*, которые занимают почти половину комнаты. *«Тахтамек»* выполняет не только роль кровати. На нем кумыки нередко принимают пищу. Однако этот предмет обстановки постепенно выходит из употребления. Он чаще встречается в старых домах, у более пожилых людей. *«Тахтамек»* совершенно не употреблялся южными кумыками. Роль его здесь выполняли возвышения — *«тавчу»*. Трудно сказать откуда появился *«тахтамек»* у северных кумыков. Отсутствие его у южных кумыков заставляет однако задуматься над тем, не заимствован ли он у соседей. Нам думается, что кумыки восприняли данный вид материальной культуры у своих соседей-ногайцев, у которых *«тахтамек»* имеет широкое распространение, как, впрочем, и у многих других тюркоязычных народов.

Характерная для кумыков опрятность, строгое соблюдение чистоты и порядка получили в условиях советского строя еще более широкое развитие. Каждая вещь в кумыкском доме имеет определенное место. Кровать ставят у стены. Убирают ее по-городскому, но, сохраняя национальные традиции, на кровать кладут два, иногда три матраца, поверх — два—три шерстяных стеганых одеяла. Строгие правила, существовавшие при уборке постели на полку, сохраняются у кумыков и при уборке постели на кровати. Кумычка старается убрать постель безукоризненно, чтобы подушки лежали строго симметрично. Если на кровати не больше четырех подушек, то их часто покрывают тюлевыми накидками. Нередко нарядными белыми накидками обтягивают и спинки кровати. Для полноты убранства на стене у самой кровати вешают ковер. Если в доме несколько кроватей, то все-таки одну из них по национальной тради-

Войлочный ковер арбаши

ции убирают лучше остальных. Такая кровать, как правило, стоит в парадной комнате и предназначена для гостей.

Существенную часть современной обстановки кумыкского дома составляют столы и стулья. Стол в комнате не всегда ставят посередине, обычно он занимает место у стены. Такое расположение стола встречается чаще у южных кумыков. У северных же кумыков, особенно засулакских, которые больше общаются с русским населением и живут ближе к городам, мы нередко видим и столы, стоящие посередине комнаты.

Стремление поставить стол у стены объясняется, на наш взгляд, сохранившейся традицией выполнять отдельные виды работ на полу, для чего кумыки оставляют на нем свободное пространство. Это, пожалуй, нужно и для того, чтобы при большом собрании гостей можно было по обычаю расположиться для приема пищи на полу, на коврах.

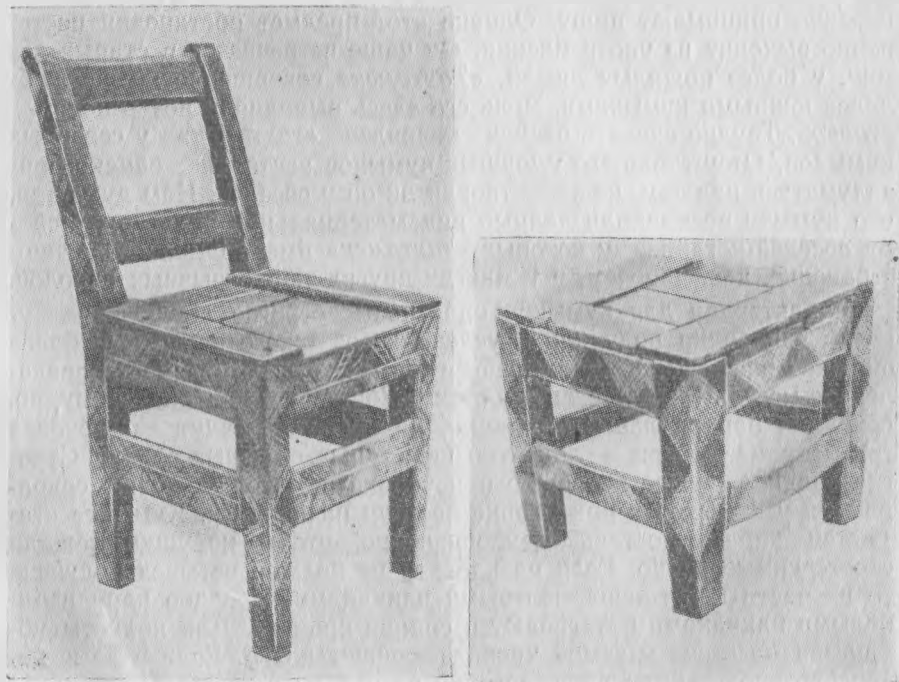

Рис. 24. Типы традиционной резной мебели

Как национальная особенность во многих домах наряду с кроватью имеется разостланный на ковре (обычно около кровати) шерстяной матрац в чехле — «орнулукъ», с подушкой. На такой постели отдыхают члены семьи. Кроме того нередко хозяева дома, принимая гостя с должным почетом, предлагают ему сесть именно здесь, на постели, хотя в комнате имеются стол и стулья.

Сидя на матрацах или подушках, гости принимают пищу на полу. У северных кумыков кушание издавна подавалось на подносе, к которому приделывались три ножки. С такого подноса кумыки могли принять пищу, сидя на маленьких низких табуретках или стульях, которые до появления фабричной мебели имели широкое распространение. Стулья эти производились на месте, покрывались резьбой, как и другие деревянные предметы. С усилением экономических связей между отдельными частями Дагестана кумыки приобретали стулья путем обмена на свой хлеб у горцев. Во многих семьях в настоящее время и гости, и хозяева принимают пищу за столом.

У кумыков нередко можно увидеть также шифоньеры, швейные машины, музыкальные инструменты, радиоприемники, патефоны и т. д. Убранство многих сельских домов трудно отличить от убранства городских квартир. Это особенно заметно в селениях Хасавюртовского района.

Таким образом, современное жилище кумыков и его внутреннее убранство развиваются, сохраняя и совершенствуя лучшие национальные традиции и воспринимая наиболее подходящие в местных условиях элементы городского домостроения и убранства.

Большому изменению по сравнению с самим жилищем подверглось убранство комнат, на которое значительное влияние оказала городская культура. Эти изменения стали возможны только благодаря росту материального благосостояния народа, который в условиях социалистического строя получил возможность удовлетворять свои постоянно растущие культурные потребности.

instituteofhistory.ru

III. ОДЕЖДА

Из всех элементов материальной культуры кумыков менее всего исследована народная одежда. До сего времени нет ни одной работы, посвященной этому вопросу. Особенно мало сведений, характеризующих одежду кумыков в более ранний период — XV—XVII вв. Археологические данные, в которых представлены многочисленные и разнообразные предметы украшения и вооружения, содержат однако мало материала, характеризующего одежду древнего населения, рассматриваемой нами территории. Таким образом, более ранние этапы развития народной одежды остаются не освещенными.

Встречающиеся в литературе XVII—XVIII вв. скудные этнографические сведения носят в основном общий характер, недостаточно освещают вопросы материальной культуры, в частности — одежды. Очень важные сведения об одежде, а также о вооружении и пище

кумыков, относящиеся к XVII в., сообщает Олеарий¹. К этому же времени относится и описание другого путешественника — Я. Я. Стрейса², в котором автор характеризует вооружение и обувь кумыков. В работах других авторов XVII, а также XVIII вв. сведения о народном костюме кумыков очень беглы и носят общий характер. Более полные и точные сведения о национальной одежде кумыков, о технике изготовления сукна и пр. содержатся в работах авторов XIX в. Наконец, в исследованиях советских ученых также мало уделено внимания национальной одежде народов Дагестана, в том числе кумыков. В результате совместной пятилетней работы коллектива сотрудников Института этнографии Академии наук СССР и Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук в 1955 г. вышел сборник «Народы Дагестана», в котором имеется кой-какой материал и по народной одежде.

Наряду с литературными источниками, для разработки данной темы автором широко использованы полевые материалы, собранные в течение шести лет. Привлечены и этнографические коллекции, а также иллюстративные фонды Дагестанского краеведческого музея и Этнографического музея СССР в Ленинграде. И все же при написании данной главы своей работы автор столкнулся с рядом трудностей. Основные затруднения состояли в том, что орудия производства тканей, а также многие предметы старинной одежды уже давно вышли из употребления и не сохранились. Эта сторона дела, к сожалению, не была своевременно учтена. Ставшие редкостью предметы одежды не собраны в Краеведческом музее и не подвергнуты всестороннему изучению. Забыта и прежняя техника изготовления пряжи и тканей. Поэтому автору пришлось пользоваться, наряду с другими, также ретроспективным методом и воспоминаниями старого поколения.

МАТЕРИАЛ И ЕГО ИЗГОТОВЛЕНИЕ

Вплоть до XIX в., в связи с господством натурального хозяйства, у кумыков в изготовлении одежды первостепенное значение имели ткани местного производства. Ткани эти изготовлялись из хлопка, шерсти и частично из шелка.

¹ Олеарий, указ. соч.

² Я. Я. Стрейс, Тря путешествия, М., 1935.

Гербер писал о жителях главного селения Тарковского шамхальства, что они «собирают много хлопчатой бумаги, которая там растет в великом множестве»¹. Несомненно, что в первой четверти XVIII в. хлопок таркнищев производился главным образом для нужд местного производства. Из хлопка кумыки изготовляли ткань, известную под названием «пача», из шерсти — сукна, именуемые «чепкенлик».

Как свидетельствуют археологические данные, ткачество является весьма древним занятием обитателей Кумыкской равнины. На современной территории южных кумыков были найдены относящиеся к первой половине II тысячелетия до н. э. отпечатки грубой ткани из растительного волокна²; а ко второй половине II тыс. до н. э. относится найденное в катакомбах близ ст. Манас деревянное веретено с пряслицей³, а также колки от примитивного ткацкого станка, посредством которых закрепляли основы⁴.

Техника изготовления шерстяных и хлопчатобумажных тканей была в основном одинакова. Однако процесс обработки шерстяных тканей был более трудоемким.

После стрижки овец хозяйка сортировала шерсть, смотря по ее назначению. Лучшая, самая длинная, мягкая шерсть шла на изготовление сукна, похуже — на войлочные ковры. Самая некачественная шерсть и отходы после ее расчесывания для пряжи шли для набивки тюфяков. Кумычки изготовляли сукно и из верблюжьей шерсти, но реже. Чтобы изготовить кусок сукна, предварительно вымытая, чистая шерсть, примерно 10—11 фунт., перебиралась и расчесывалась. Для расчесывания существовал специальный железный гребень на деревянной стойке. Пряли вручную веретеном «урчукъ», а в некоторых селениях и на специальной прялке («чыгъыр», «жегъре»). Мастерца выбирала более тщательнее шерсть (длинные волокна) для пряжи, идущей на основу — «боюн», чем для пряжи, идущей на уток — «аркъав».

Многие хозяйки для ускорения работы заготавливали по 9—10 веретен, наполнение пряжей которых, было необходимо для одного куска сукна (одного отреза), почему они часто оставляли эту пряжу на всех веретенах до начала ткацья. Для разматывания с вере-

¹ Гербер, указ. соч., стр. 33.

² А. П. Круглов, Северо-восточный Кавказ во II-I тыс. до н. э. КС ИИМК, XIII, 1946, стр. 31—32; В. А. Петров, Некоторые приемы исследования растительных остатков с мест археологических раскопок, КС ИИМК, VII, 1940, стр. 43.

³ Очерки истории Дагестана, т. I, 1957, стр. 13.

⁴ Там же.

Рис. 25. Женщина за прялкой—чгыгьр

тен пряжи, предназначенной для основы, в землиц вбивали два небольших шеста на расстоянии примерно 15—18 аршин один от другого. Это расстояние должно было соответствовать длине куска ткани, т. е. сукна. Обходя оба эти шеста, хозяйка аккуратно разматывала пряжу. Нередко хозяйка, оставив пряжу на 9—10 веретенах, собирала соседок по числу веретен. Все женщины, одна за другой, с веретенами в руках, обходили оба шеста, разматывая нитки правильными рядами. Закончив разматывание пряжи, хозяйка снимала ее с одного шеста и собирала в особые петли, которые легко спускались при тканье с учетом размера ткацкого станка. По мере тканья аккуратно опускались новые петли.

Ткацкий станок кумыков — «чепкен агъачлар» не отличался особой сложностью. Он напоминал, с одной стороны, ткацкий станок, известный в литературе под названием «дагестанского ткацкого станка»¹, с другой — осетинский ткацкий станок².

¹ См. О. В. Маргграф, Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882, стр. 86.

² Там же, стр. 83.

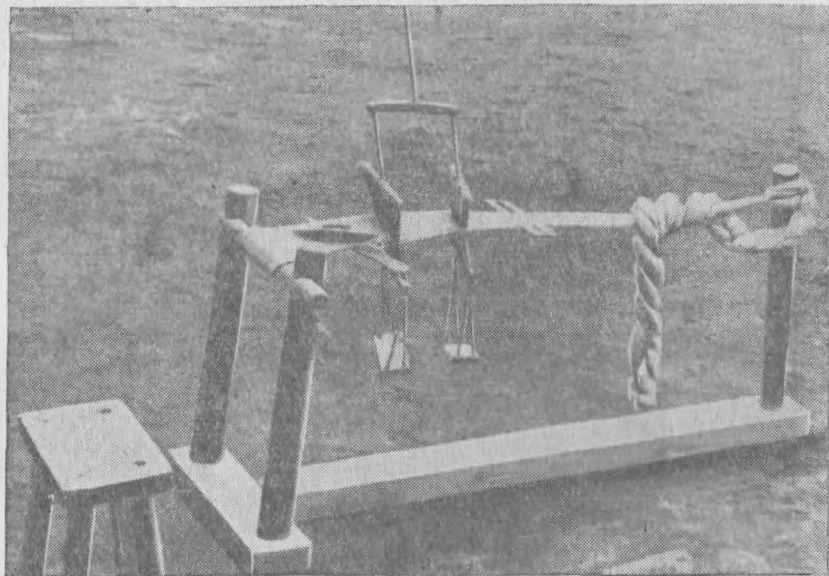

Рис. 26. Модель ткацкого станка—чепкен аг'ач'лар.

Станок имел прежде всего массивное деревянное основание длиной примерно 2,5 м, шириной 18—20 см. В один конец этого основания вбивался штатив высотой в 1 м. На него надевалась первая запасная петля приготовленной для тканья пряжи. Противоположный конец, т. е. передняя часть станка, был более сложного устройства. На этот конец насаживался перпендикулярно к основанию деревянный брусок длиной 80 см. На обоих концах этого бруска просверливали отверстия, куда вставлялись штативы указанного выше размера (как в другом конце). В средней части обоих штативов делались выемки, в которые вставляли в горизонтальном положении валеки. К вальку аккуратно прикреплялись нитки основы ткани, а затем, по мере выполнения работы, на него наматывалась сама ткань.

Другой сложной частью станка был деревянный гребень — «таракъ», примерно 60—70 см длины. Гребень имел множество отверстий, расположенных двумя параллельными рядами. Каждая нитка проходила через отдельное его отверстие. На концах гребня делались специальные выступы для управления руками во время работы; для управления же ногами к гребню приделывались спе-

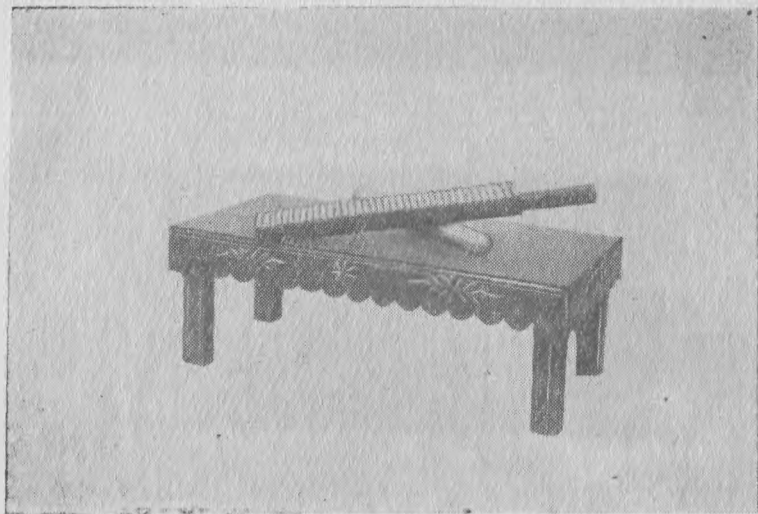

Рис. 27. Приспособления для выкатывания ткани—пелек такъта

циальные стремяна из деревянных пластинок, подвешенных на толстые шнуры. Как только мастерица нажимала на стремяна, вверх поднималась одна половина нитей основы, образуя отверстие для пропускания челнока утка. Опустив стремяна, она поднимала другой ряд нитей основы. Так чередовались оба ряда основы. Движение ногами облегчало труд ткачихи. Гребень кроме того необходим был и для прибивания утка. Нужно заметить, что станок у кумыков не прикреплялся к земле. Массивность придавала ему достаточную устойчивость. К станку не прикреплялось и кресло ткачихи. В любое время, когда требовали обстоятельства, хозяйка могла перенести станок с места на место.

Сукно, снятое со станка, опускали на несколько минут в котел с кипящей водой, а потом приступали к уваливанию. Подливая время от времени теплую воду, ткачихи целый день топтали сукно ногами, отчего оно становилось мягче. Потом его мыли с мылом. После этого сукно в мокром виде наматывали на каталку и раскатывали на ровном месте, чтобы сукно хорошо разгладилось. На той же каталке оно должно было постепенно высохнуть. До окончательного уваливания многие мастерицы красили сукно, чаще всего черной краской. Для этого они широко пользовались естественными красителями. На черкески для кумыкской знати изготовлялось

сукно из белой, выщипанной с овцы, шерсти. Такая шерсть считалась высшего качества и ценилась дороже. Засулакские кумыки изготовляли сукно и из верблюжьей шерсти. «Кумыки, — писал капитан Забудский, — большие мастера готовить хорошее сукно из овечьей и верблюжьей шерсти»¹.

Следует указать, что у кумыков, особенно северных, изготовление шерстяных тканей продолжало существовать значительно дольше, чем изготовление хлопчатобумажных, вытесненных раньше привозными изделиями русских фабрик.

Сукно — «чепкенлик» шло на изготовление, главным образом, верхней одежды мужчин («чепкен», «башлыкъ», «къаптал», «долазъ»), в то время как из хлопчатобумажной ткани — «пача» шили рубашки и штаны как для мужчин, так и для женщин. Сукно шло частично и на мужские штаны.

Большое значение для изготовления одежды имели шкуры животных. Из овчин кумыки изготовляли шапки («папах», «бёрк»), шубы («тон»). Из кожи крупного рогатого скота и коз шилась обувь («чарыкълар», «масилер», «мачийлер»).

Чтобы изготовлять одежду из овчины, ее предварительно подвергали тщательной обработке. 7—10 дней овчину держали в квасе («эрик»), приготовленном особым образом из просяной или ячменной муки или отрубей, соли, уксуса, из сыворотки, в большом глиняном сосуде («кумес»). По истечении установленного срока овчину промывали и сушили на солнце. Затем она снова подвергалась квашению, а гладкую сторону мазали жидкой кашицей из муки и уксуса и оставляли на 2—3 дня, завернув аккуратно. После вторичного квашения овчину промывали окончательно и, в несколько сыроватом виде, приступали к ее мягчению. Мягчение («ийлев») производилось либо руками, либо при помощи специального инструмента — «талкъын», который существовал в нескольких видах. Более усовершенствованный вид этого инструмента представлял собой длинные деревянные щипцы с тупыми зубьями. Обхватывая овчину этим инструментом и обжимая его зубьями, кумычка достигала мягкости и эластичности овчины. Чтобы удобнее было выполнять эту работу, овчина часто привязывалась при помощи веревки одним концом к потолку. В таких случаях инструмент плавными движениями рук стягивался по овчине сверху вниз². Другие виды «талкъын» напоминали орудие в виде железного серпа или кривой косы. Вторым способом мягчения овчины была работа руками, без инструмента. Для этого овчина особым образом закручивалась дву-

¹ Забудский, указ. соч., стр. 150.

² Ср. О. В. Маргграф, указ. соч., стр. 150.

мя сидящими друг против друга людьми и сильно натягивалась. Для мягчения овчины кумыки устраивали «булкѣа» (помочь), собрав для этого девушек и юношей. Сидя на полу один против другого (обычно пару составляла девушка и юноша), молодые люди весь вечер закручивали и натягивали овчины, пока они не становились мягкими.

После мягчения шел процесс беления — «акѣ этмек». Для этого пользовались или деревянным гребнем или железной косой. Поставив мягкую, готовую для выделки одежды овчину на удобное возвышенное место и время от времени обсыпая ее ячменной мукой, кумычка очищала овчину этим орудием. Чем белее и мягче была овчина, тем она ценилась дороже.

Несколько сложнее был процесс обработки кожи крупного скота и коз для изготовления обуви. Начальным процессом считалось квашение кожи таким же составом, что и квашение овчины. После этого с кожи снимали шерсть при помощи описанного выше скребка в виде косы или просто ножом. Мягчение кожи происходило в полувлажном виде при помощи особой деревянной колотушки — киялки («токѣмакѣ») или при помощи описанного выше «талкѣын». Такая кожа¹ шла на обувь, называемую «гончарыкѣ» (обувь из сыромятной кожи).

Существовал и другой способ обработки кожи для верхней обуви, применявшийся татами, жившими издавна в кумыкских селениях (Янгикент, Маджалис, Тарки, Яксай и др.). По этому способу сырую шкуру² опускали в посуду с известняковым раствором и держали там от 3 до 10 дней, время от времени переворачивая её. После этого с кожи очищали шерсть таким же способом, как указывалось выше. Очищенная от шерсти кожа, снова опускалась сперва в известковый раствор (на 2 суток), потом в хлебный квас (тоже на 2 дня), затем промывалась и подвергалась очищению с другой стороны.

Следующий процесс составляла окраска. Красили естественными красителями, которые назывались «залгѣар» (особый вид растения) и «эмен кѣавукѣ» (корки дубового дерева). Из этих красителей составляли раствор, в который шкура опускалась на два дня. Затем она расстилалась на земле, обсыпалась солью и сушилась на солнце. Такая шкура намного отличалась качеством от кожи

¹ Имеется в виду кожа крупного скота.

² Если кожа была сухая, ее основательно размачивали.

первого вида обработки. Таким же способом обрабатывали козью шкуру для сафьяна, которую в отличие от шкуры крупного скота, обрабатывали в неразрезанном виде, в виде бурдюка. Красили ее, влив краску вовнутрь. Сафьян красили в черную, красную и желтую краски, в зависимости от желаяния заказчика.

В то время как обработкой кожи для одежды, в частности шубы и головного убора занимались почти исключительно женщины, обработка кожи для обуви была делом мужчин.

У кумыков были развиты тканье и плетение всевозможных поясов, тесем, шнуров, галунов. Уже названный Забудский отмечает, что кумычки ткали «прекрасные галуны, тесьмы и шнурки, известные на всем Кавказе»¹. Золотое шитье было больше развито у засулакских кумыков.

Большое значение в изготовлении одежды имело шелководство. Из шелка кумычки ткали платки, пояса и пр. Шелковые нитки широко применялись для шитья одежды. Занятие кумыков шелководством отмечали многие авторы XIX в. «Некоторые жители, — писал в середине XIX в. И. Н. Березин, посетив сел. Тарки, — занимаются дома выделкою шелка и содержат для этого шелковичных червей»². «В Чечне и Кумыкской плоскости, — писал О. В. Марграф, — шелководством занимается до половины населения, получая 3—5 фунтов коконов на семью. В плоскостной Чечне ежегодно производят шелку около 830 пудов, а на Кумыкской плоскости — до 875 пудов»³. Главный сбыт здесь на местных рынках Хасавюрта и Грозного»⁴.

Коконь делились на два сорта: «чилле» — чистый шелк и «кежи» — шелк худшего качества.

Высушив на солнце коконы первого сорта, кумычки опускали их в котел с кипящей водой, а затем, размешивая палочкой, находили начала волокна, которое аккуратно наматывалось на мотовило («гелеп такъта»). После этого шелк промывали с мылом в теплой воде, а если нитки шли на тканье платка, то после окончания работы мыли в теплой воде платок. Нитки для шитья шнурков, петель, поясов и т. д. изготовляли из шелковых волокон путем прядения. Техника прядения шелковых ниток была та же самая, что и шерстяной пряжи. В зависимости от желаяния красили в красный, синий, зеленый цвета. Неширокая шелковая тесьма часто приплета-

¹ Забудский, указ. соч., стр. 151.

² И. Н. Березин, указ. соч., стр. 69—70.

³ Речь идет только о кумыках б. Хасавюртовского округа.

⁴ О. В. Марграф, указ. соч., стр. 201—202.

лась прозрачной серебряной или золотой канителью (проволочкой) и шла для оторочки одежды, башлыков и т. д.

Для тканья таких тесем или шнурков кумыки пользовались легкими и очень простого устройства инструментами — «чалыв такъта» и «шираз». «Чалыв такъта» состояла из нескольких (4—8, в зависимости от ширины тесьмы) квадратных дощечек с 6—8 параллельно расположенными с двух сторон дырочками («алты гез», «сегиз гъз такъта»), через которые проходила основа плетения или тканья. Уток мог состоять из серебряной или золотой канители. Лучшим сочетанием признавалась основа из черных шелковых ниток и серебряного или золотого утка. Из канители делали и основания, и уток. Порой делали и то, и другое из шелковых ниток.

Для прибавания «чалыв такъта» имела специальный ножик с кривым концом. Рукоятка ножа состояла из оленьей кости, а у знатных женщин — из слоновой кости. Таким же образом кумычки изготовляли и более дорогие широкие галуны, служившие для нашивки как на мужскую, так и на женскую одежду. Тесьма и галуны нередко покрывались сверху вышивкой из золотой, серебряной канители или разноцветных ниток. Во всем этом кумычка пользовалась традиционным национальным орнаментом. Наиболее распространенным орнаментом был растительный, а среди его видов — «гюль» (цветок), «терек» (ветка), «япракъ» (лист). Широко применялся орнамент в виде спирали — «обгюз сийдик», «чыгъан тиш». Самым сложным считался орнамент «гюлевете», который складывался из отдельных, совершенно разных рисунков. Он применялся при вышивании на ткани верхов для башмаков, манжетов платьев, башлыков и т. д. Для вышивания таких сложных вещей на ткани кумычки пользовались квадратной рамой — «герги». Существовало тканье и на руках. Надев один конец пряжи на палец ноги, кумычка искусно плела на 5—6—7 пальцах руки как шелковые, так и шерстяные и хлопчатобумажные шнурки — «шайтан чалыв» (хитрое плетение). Для прибавания плетения она пользовалась пальцем другой ноги. Благодаря большому умению и опыту разноцветные нитки сочетались при плетении аккуратно, ложились ровно.

Таким образом, большое место в изготовлении одежды занимала обработка местных материалов (шерсти, кожи, шелка, хлопок и пр.). Обработкой сырья, за исключением кожи, занимались преимущественно женщины. Уметь вязать, ткать, вышивать¹ и шить предметы мужского и женского костюма должна была каждая хозяй-

¹ Это занятие было более развито у северных кумыков.

ка или женщина. Она же должна была изготавливать и нитки шерстяные, шелковые, конопляные, хлопчатобумажные.

В каждом селении были женщины, особо отличившиеся своим мастерством. К ним приходили советоваться и даже отдавали им шить некоторые наиболее сложные части костюма, каковыми считались мужские шубы, кафтаны и черкески. Однако специального портняжного ремесла в прошлом у кумыков не существовало.

Мы говорили до сих пор об изготовлении местных материалов для одежды. Кумыки в значительной степени пользовались и не местным материалом. Привозные ткани появились у кумыков очень давно. Находясь на территории, через которую проходили торговые пути из Европы в страны Востока, кумыки были очень рано втянуты в торговые отношения с другими народами. Как известно из русских документов XVI—XVII вв., кумыкская знать одевалась в дорогие меха и редкие ткани, которые она получала от русских государей в качестве подарков. Кроме того, еще в XV в. русские купцы торговали дорогими тканями и мехами, а также предметами украшения одежды (тесьма, бахрома, позумент и др.) на территории равнинного Дагестана (Тарки, Дербент). В Дагестане находили сбыт различные шелка, золотые и серебряные нитки, поставляемые из Ирана, Средней Азии, Индии и пр.

Проникновение к кумыкам привозных тканей значительно расширяется с XVI в. С присоединением Казани и Астрахани Россия получает выход к Каспийскому морю, в результате чего торговые связи России с Ираном, Закавказьем, Средней Азией и другими восточными странами приобретают постоянный характер¹. Так как при этом главные торговые пути шли через Кумыкскую равнину, то кумыкские феодальные владетели извлекали из этого торгового обмена немаловажную пользу. Провозя товары, русские и восточные купцы должны были платить местным владетелям пошлину, главным образом, натурой². В торговлю с Россией и восточными странами были вовлечены и «купчины» из кумыкских владений. Возникновение в конце XVI в. у самой границы Кумыкской плоскости, в устье реки Терек, города Терки еще более расширило торговые связи кумыков с Россией.

Но дорогие ткани и меха были доступны только зажиточным кумыкам. В крестьянской же среде долго еще продолжали преоб-

¹ Е. Н. Кушева, Русско-дагестанские отношения в XVI—XVII вв., М., 1945.

² Ф. А. Котов, Хождение на Восток, «Известия отделения русского языка и словесности Академии наук», XII, 1907, кн. 1.

ладать местное сукно и ткани из хлопка, изготовленные в домашнем хозяйстве.

Приток русских товаров, равно как и ассортимент тканей значительно расширились во второй четверти XIX в., после присоединения Дагестана к России. Помимо бархата, атласа, тяжелых цветных шелков, в это время появились и дешевые бумажные ткани — ситец, бязь и т. д., которые в какой-то степени были доступны и среднему слою кумыкского общества. «Русские ситцы, нанки, другие бумажные товары, — читаем мы в «Обзрении Российских владений за Кавказом», — сбываются в Дагестане в большом количестве и по выгодным ценам. Они решительно берут преимущество перед тканями персидскими, так что купцы находят мало пользы в торговле последними. Употребление наших бумажных тканей невысокой цены распространяется с каждым годом более и более...»¹.

Полевой материал дает основание полагать, что роль привозных тканей в XVII—XIX вв. не везде была одинаковой. Натуральный характер хозяйства раньше был нарушен у засулакских кумыков и кумыков приморской полосы, живших ближе к торговым центрам и раньше втянувшись в товарообмен. Процесс вытеснения тканей местного кустарного производства завершился здесь значительно раньше, чем на остальной территории кумыков. Что же касается предгорной полосы Кумыкии, то здесь роль самодельных тканей вплоть до середины XIX в. оставалась значительной.

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Археологический материал пока еще не дает сколько-нибудь цельного представления о мужской одежде кумыков в древнем периоде. Только на основании сообщений Эвлия Челеби, Олеария, Стрейса и других авторов можно иметь сравнительно полное представление о народной одежде кумыков, в частности — о мужской одежде, XVII—XVIII вв.

Олеарий, например, писал о жителях плоскостного Дагестана, в том числе селения Тарки, что «они ходят в длинных серых и черных кафтанах, сделанных из плохого сукна, а наверх одевают грубый войлочный плащ. На голове шапки, сшитые четырехугольником из куска черного сукна. Их башмаки из овечьей или лошадиной

¹ Обзрение российских владений за Кавказом, ч. IV, СПб, 1836, стр. 184—185.

кожи вырезаны из одного куска со швом сверху на ноге и сбоку ея»¹. Об одежде энди-реевского владетеля Махмуда он же писал: «Он был в шелковом кафтане из зеленого «дараи»² с бронью, на которой был падет мохнатый черный войлочный плащ. У него были сабли, лук и стрелы, как у всех других»³).

Наконец, описания народного костюма, составленные авторами первой половины XIX в., позволяют уже более отчетливо и полно представить основные элементы народной одежды.

Самой легкой нательной одеждой мужчин была туникообразная рубаша («гёй-лек») и штаны («иштан», «шалвар»). Рубаша состояла из прямого полотнища длиной примерно 180 см — 2 метра, сложенного вдвое — перед («алды») и спину («арты»). С обоих боков к этому полотнищу пришивались от подола до самой проймы рукава клинья («чабув»), узкой стороной вверх. Таким образом, низ рубахи делался значительно шире, чем ее верхняя часть. Рукава делались прямые, длинные, у кисти руки несколько суживались. Рукава рубахи более старого покроя не имели манжета, обшивались обычным способом. Позднее к ним стали пришивать манжеты («къысма»). Для удобства под рукава (точнее между клиньями и рукавами) пришивали квадратные ластовицы («хиштек») из той же материи.

Для крепости от плеч до конца грудного разреза рубахи (с охватом части спинки) пришивали специальную подкладку. К грудному прямому разрезу не пришивалась планочка, он аккуратно

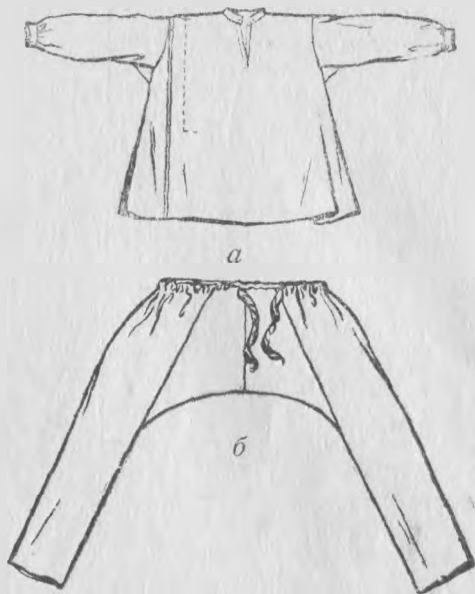

Рис. 26. Нательная мужская одежда: а—туникообразная рубаша; б—штаны

¹ Олеарий, указ. соч., стр. 494.

² Шелк, вроде тафты.

³ Олеарий, указ. соч., стр. 510.

Рис. 29. Верхняя мужская одежда—кыпак: вид спереди; вид сзади

обшивался вместе с разрезом подкладки. Рубахи шились с небольшим стоячим воротником. В литературе встречаются указания на то, что южные кумыки делали рубашки без всякого воротника. Воротник застегивался на одну пуговицу. В XIX в. во многих селениях, особенно у южных кумыков, рубахи для молодых людей стали шить с плиссированными воротниками и с нагрудником, покрытым мелкими сборками. В результате общения с русскими у кумыков, в особенности северных, постепенно стали распространяться и рубашки русского покроя.

Мужские штаны шили широкими вверх и суживающимися книзу. Между двумя штанинами вставлялись ромбовидные клинья («къыйыв»). Вверху штаны стягивались шелковыми или шерстяными шнурками («иштанбав»), изготовлявшимися на особом ручном станке. Так как основная масса кумыков в прошлом употребляла эти штаны не только как предмет нижнего белья, но и как часть

верхней одежды, то такие штаны шились обычно из темного, более плотного материала (сукна, полотна, тика и т. д.). Кумыкская знать употребляла штаны и в качестве нижнего белья. Это, пожалуй, и имел в виду Афанасьев, когда писал о засулакских

кумыках, что у них «белье носят как у русских: рубашки, кальсоны, носки, носовые платки»¹. Однако верхние и нижние штаны ничем не отличались по покрою. На нижние штаны шли только более мягкие и тонкие ткани, в то время как верхние шились из качественного местного сукна, сделанного по заказу, и дорогих привозных шерстяных тканей. Этот вид штанов и сейчас носится многими пожилыми кумыками, которые считают их более удобными. С начала XX в. у кумыков широкое распространение получили брюки «галифе», которые в условиях Дагестана оказались очень практичными.

Поверх рубахи кумыки носили бешмет («къаптал»), который по представлению народа имеет очень древнее происхождение. Существование данного вида одежды, например, в XVII в. подтверждается даже письменными источниками. Как было упомянуто выше, Олсарий свидетельствует, что эндириевский владетель Султан Махмуд был в шелковом кафтане из «дарай». «Къаптал» делали как из темной (для зимы, для работы), так и светлых (для лета) тканей (шерстяной, шелковой, хлопчатобумажной). Излюбленными материалами для бешмета («къаптал») у кумыков был гладкий в виде тафты шелк — «дарай», полушерстяная темнозеленая ткань — «шестанай» и другие фабричные привозные изделия. Хотя «къаптал» имел спереди прямой (сверху допизу) разрез, все же как перед, так и спинку его кроили из цельного полотнища с неотрезной талией. Ниже талии, чтобы расширить низ «къаптал», по бокам пришивали клинья, образующие фалды. «Къаптал» шили на подкладке, в талию, со стоячим простеганным воротником и длинными узкими рукавами. Для зимы «къаптал» шили на вате. От воротника до пояса «къаптал» застегивался на мелкие пуговки с петлями, сделанными из самодельного шелкового шнура, окрашенного под цвет ткани. На груди пришивались по обеим сторонам карманчики, которые у подростков и молодежи украшались пазументом. По бокам у клиньев «къаптал» имел и внутренние карманы, нередко обшитые узкой самодельной тесьмой.

Бешмет («къаптал») постепенно заменила «кавказская рубаха». Исследование этого вида одежды дает основание полагать, что он представляет собой эволюцию описанной нами выше рубахи.

«Кавказская рубаха», как она известна в литературе по Кавказу, первоначально шилась кумыками почти так же, как описанная выше нижняя рубашка. Подобно нижней рубашке, «кавказская рубаха» кроилась из прямого полотнища, сложенного пополам, с такими же клиньями. Отличительную особенность ее составляли

¹ М. Афанасьев, указ. соч., стр. 100.

нагрудные карманы, которые, очевидно, стали постепенно пришиваться ввиду необходимости и привычки иметь их на бешмете; в них отсутствовали также квадратные ластовицы — «хишдеклер». Постепенно этот вид рубахи подвергался изменениям. Вместо туникообразного покроя, чтобы придать больше нарядности, на плечах стали делать шов и подравнивать по фигуре. Длина рубахи стала доходить до колен, иногда и ниже. Небольшой воротник был заменен высоким стоячим воротником. Вместо одной застежки на одну пуговицу на воротнике «кавказской рубахи» она стала застегиваться на 10—12 пуговиц («тюйме»), сделанных из узкого шнура и пришитых от ворота почти до самого пояса. Рукава рубахи стали делаться шире и застегиваться на 3—4 пуговицы, сделанные также из самодельного шнура. Пуговицы и петли из шнура пришивались при помощи особого иглообразного костяного инструмента — «со-яв». Петли и пуговицы из шнура употреблялись и для застегивания клапанов нагрудных карманов. Вместо небольших квадратных карманов, которые пришивались к бешмету, «кавказская рубаха» имела широкие, примерно, до 25 см, карманы.

Однако окончательного вытеснения бешмета указанного выше типа не произошло. Бешмет оказался очень практичной формой одежды для мужчин старшего возраста. На бешмет удобно было одевать шубу. В настоящее время некоторая часть старшего поколения мужчин по-прежнему в селениях пользуется бешметом, считая его более удобным.

На бешмет или «кавказскую рубаху» надевалась черкеска — «чепкен» (у северных кумыков) или «чопкен» (у южных). По нашему мнению, она также является одной из форм старинной национальной мужской одежды, постепенно подвергшейся, однако, некоторым изменениям. Согласно указанию Березина, повседневной верхней одеждой жителей с. Тарки была «чуха («чепкен» — С. Г.) с разрезными рукавами и с патронами на груди...»¹.

Судя же по рисункам известного русского художника Г. Г. Гагарина, служившего на Кавказе с 1848 по 1854 г., «чепкен» имел не откидные или разрезные, а широкие и длинные рукава, как в наши дни. Нам думается, что наиболее старинным был откидной рукав и что Гагарин правильно заметил изменения в покрое рукава, в то время как Березин описал более старый, отживший вариант того же костюма. В рисунках Гагарина костюм того же типа у многих народов Кавказа, в том числе и Дагестана, дан с откидными рука-

¹ И. Н. Березин, указ. соч., стр. 63.

вами¹. «Чепкен», описанного Березиным вида можно сравнить с женской одеждой «арсар» с откидными рукавами, являющейся также старинной национальной одеждой кумыков.

«Чепкен» шили из сукна разного цвета, главным образом домотканного, и других полусуконных или хлопчатобумажных материалов. Для наряд-

ных черкесок изготовляли сукно из белой верблюжьей шерсти, но это было достоянием только богатой верхушки кумыкского общества. «Чепкен», также как и бешмет, делали цельнокроеным, без разреза у талии, в талию, с длинными и широкими рукавами, спускающимися ниже кистей рук. Поэтому к нижней части рукавов на 30—35 см пришивалась шелковая подкладка и для удобства во время работы рукава слегка отворачивались. «Чепкен» шили значительно длиннее, чем бешмет, и вместо стоячего воротника делали характерный вырез на груди, из которого выглядывал бешмет или «кавказская рубаха». На груди по обеим сторонам пришивались карманчики с мелкими отделениями для газырей («гъазирлер»). Позднее в них перестали хранить ружейные патроны, они служили только украшением. Черкеска застегивалась на самодельные пуговицы и петли из шнура. По бокам, почти у подола черкески, а также у рукавов оставались разрезы, куда пришивались искусно плетеные из шелковых и золотых ниток широкие галуны (сетки). Вся черкеска, рукава, нагрудные карманчики, полы обшивались самодельным шелковым шнурком под цвет черкески.

Черкеску кумыки одевали при приеме гостей, при выходе на улицу или отправляясь в общественные места. В обычной домашней обстановке они носили бешмет, легкий и удобный для работы и отдыха. Черкеска или бешмет перетягивались узким ремненным поясом с серебряными или медными украшениями; спереди к поясу привязывался кинжал. И тот и другой являлись изделиями куба-

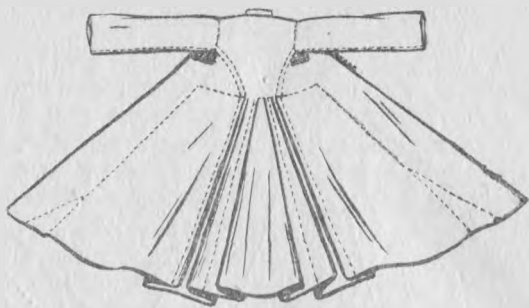

Рис. 30. Верхняя мужская одежда—чепкен

¹ См. фонд Даг. Кр. музея, инв. № 5903. Общекавказский материал художника Гагарина.

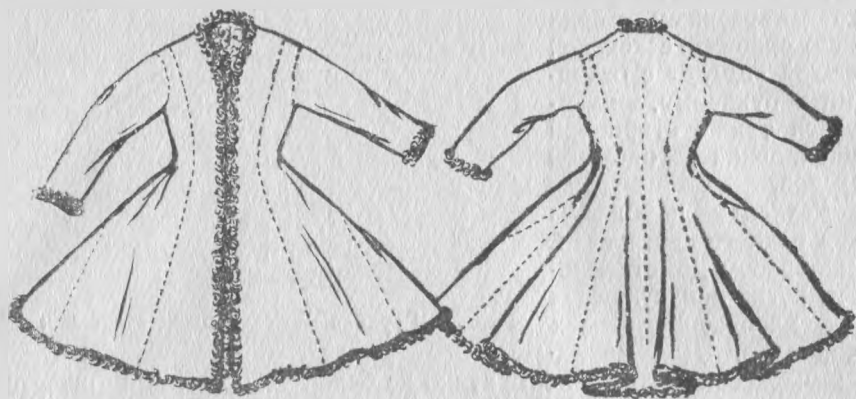

Рис 31. Мужская овчинная шуба—тон: вид спереди; вид сзади

чишских ремесленников или местных мастеров¹. Чем состоятельнее был кумык, тем наряднее и богаче был его пояс и кинжал.

Описанный комплекс мужской одежды имеет полную аналогию с мужским костюмом не только других дагестанских народностей, но и многих народов Кавказа², отличаясь только материалом, из которого шилась черкеска. Горские народы Дагестана в XIX в. больше чем кумыки употребляли шерстяные ткани местного изготовления (келебские, каратинские, цахурские и другие сукна).

Зимой поверх бешмета или черкески кумыки надевали овчинную шубу («тон»), которая в отличие от шуб многих других народов Дагестана, имеющих прямой широкий покрой, шилась также, как черкеска, в талию, длиной, расширенной книзу. Наиболее нарядные шубы делались из белых овчин молодых барашков («кёрпе-тон»), но такие шубы были доступны только зажиточной части населения, а основная масса носила простые овчинные шубы — «тери-тон». Кумыкская феодальная знать и буржуазия носили дорогие собольи, бобровые, хорьковые, горностаевые шубы, которые шили из привозных русских мехов. Эти шубы были известны у кумыков под общим названием «хаз тон» («хаз» — мех, «тон» — шуба).

¹ Местные мастера изготовляли главным образом клинки.

² См., например, Е. Н. Студенецкая. К вопросу о национальной кабардинской одежде: «Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института», IV, 1948, Нальчик.

Верхней одеждой, защищавшей от дождя, холода и ветра, служила у кумыков распространенная у всех кавказцев бурка — «ямучу». На изготовление бурки шла главным образом черная овечья шерсть, снятая в августе—сентябре. Из белой шерсти готовили нарядные бурки только богатые кумыки. Шерсть, которая шла на бурку, тщательно промывалась мылом, перебиралась и несколько раз расчесывалась гребнем. Затем шло уваливание. На разостланную циновку или палас раскладывали в виде неправильного треугольника два слоя шерсти. Верхний слой шерсти отличался лучшим качеством. Обрызгав водой, шерсть свертывали вместе с паласом в трубку и раскатывали, поколачивая палкой¹. Полученный войлок еще раз тщательно промывали, а затем сушили. После этого верх войлока расчесывали особой щеткой из веток или стеблей кендыря, выделяя тем самым слой ворсины. Внутренняя сторона должна была быть гладкой, поэтому ее особым образом опаливали на огне или при помощи раскаленной железной пластинки. Всю эту работу выполняли женщины. Бурка имела очень простой покрой. Имея форму усеченного конуса, бурка сшивалась только у плеч и в готовом виде напоминала плащ, сшитый узко у плеч, без рукавов и воротника. Некоторые бурки — для пешеходов — не имели никакого шва, а просто подвязывались у плеч.

Подобно черкеске, бурка «ямучу» является одной из принадлежностей стариной одежды. Как мы выше отмечали, Олеарий пишет, что самой верхней одеждой эндиреевского владельца Султан Махмуда был «мохнатый черный войлочный плащ», что и было ничем иным, как буркой. На рисунке, представляющем с. Тарки, Олеарий также дает жителей в бурках.

Бурки кумыки употребляли двух видов: небольшие узкие, приготовленные в виде войлока из некачественной шерсти; такая бурка нужна была путнику — пешеходу, пастуху, крестьянину в поле; второго вида бурки предназначались для всадника: она немного больше по размеру и лучшего качества. Когда Свидерский писал, что «бурка особенно удобна при верховой езде, так как, будучи надета на всадника, покрывает собою и спину лошади»², то несомненно имел в виду бурку этого вида.

Полевой материал и анализ письменных источников дают основание думать, что изготовление бурок на месте в начале XIX в. прекращает свое существование и кумыки пользуются главным образом привозными изделиями из аварских и даргинских районов. Этому,

¹ Ср. О. В. Маргграф, указ. соч., стр. 19—33.

² П. Ф. Свидерский, указ. соч., стр. 37.

Рис. 32. Мужские носки — джораплар.

Рис. 33. Мужские легкие сапоги — маси.

несомненно, способствовало дальнейшее развитие общественного разделения труда в Дагестане, равно как и развитие капиталистических отношений. Благодаря широкому спросу многие горские общества становятся центрами различных видов ремесел. По качеству и нарядности бурок по всему Кавказу и за его пределами, как известно, славились андийские бурки (из Андийского округа), которыми широко пользовались в XIX в. и кумыки. Покупая готовые бурки у андийцев, кумыки, однако, сами перешивали их по своему вкусу и богато украшали золотыми и серебряными галунами. В отличие от другого вида бурок (маленьких, простых), которые назывались просто «ямучу» (бурка), лучшие бурки назывались «анды ямучу», что прямо указывает на их происхождение.

Бурка была неотъемлемой частью снаряжения всадника, в какое бы время года он не отправлялся в дорогу. Когда не было нужды в бурке, ее завертывали валиком и привязывали к седлу. Даже в настоящее время, неся на носилках умершего совершеннолетнего мужчину, поверх одеяла непременно кладут нарядную бурку, считая ее необходимой принадлежностью одежды мужчины.

Обувь мужчины отличалась большим многообразием. Но самыми распространенными видами обуви были легкие сапоги — «маси» и «чарыки». Носки вязали из пряжи, приготовленной таким же способом, как и для сукна, но чуть потолще. Мужские носки делались одного цвета, только для детей допускались отделки или каймы из другого цвета пряжи. Поверх носков одевали «маси» или «чарыклар». «Маси» представляли собой легкие сафьяновые чуваки — «мачий», к которым пришивались голенища — «ишим» из такого же сафьяна. «Маси» шили главным образом из черного сафьяна. Нарядные сапоги иногда изготовлялись и из желтого или красного сафьяна. Встречались и такие «маси», каждое голенище которых

делалось из двух разноцветных кусков сафьяна, например, красного и черного¹.

Такого рода сапоги шили исключительно женщины. Они же для этой цели изготовляли из кендыря нитки, которые для крепости промазывали воском. Сперва мастерица пришивала чужаки «мачий» к голенищам — «ишим», затем шел длинный шов — вдоль всей стопы ((посередине) до самого верхнего конца голенища.

Дошедшие до нас разные варианты «маси» дают возможность проследить эволюцию этого вида обуви от простейших форм до сравнительно сложных. Нам думается, что у самой архаической формы «маси» чужаки не пришивались к голенищам; сначала на ноги надевались голенища, а затем и чужаки. В одежде Тарковского шамхала, относящейся к первой половине XIX в., художник Гагарин показал именно такие «маси». Этот вид обуви был более удобным, простым, практичным. Постепенно стали появляться «маси», чужаки которых пришивались к голенищам. Так как подошвы сапог того и другого вида делались из того же материала, что верх, т. е. из сафьяна, то их носили только в комнате, при выходе же на улицу поверх них надевали кожаные галоши или башмаки.

Во второй половине XIX и в начале XX вв. широкое распространение снова получили «маси», чужаки, которые не пришивались к голенищам. Как верх чужак, так и голенища, покрывались фигурной застрочкой. В отличие от чужак первого вида, чужаки этих «маси» имели подошву («ултан») из другой, более крепкой кожи. Для удобства ношения к голенищам с двух сторон пришивали кожаные петли из сафьяна, которые надевались на пуговицы из того же сафьяна, пришитые по бокам чужак. Такие сапоги одевали и при выходе на улицу.

«Чарыки» служили рабочей обувью. Они шились либо из сыромятной кожи, обработанной дома у кумыка примитивным способом («гон чарыкъ»), либо из кожи, обработанной в доме тата более усовершенствованным способом («къачалай чарыкъ»). Так как кожа, обрабатываемая татами, обходилась беднякам дорого, они, как правило, носили «чарыки» первого вида, т. е. из сыромятной кожи.

«Чарыки» — очень удобная обувь для работы в поле. Их шили и шьют почти так же, как чужаки от «маси». В отличие от чужак «чарыки» шились из цельного куска кожи, сложенного вдвое, без продольного шва на подошве, зато со швом сверху и сзади. Чарыки шили более просторными, чем чужаки «маси», так как их носили поверх шерстяных носков или клали в них сено, чтобы ногам было

¹ См. альбом Гагарина, Даг. Краеведческий музей, инв. № 5903.

а

б

Рис. 34. Типы мужской обуви: а—башмаки, б—чарыки;

тепло в холодное время года. Чарыки завязывались тонким из той же кожи ремешком. Этот вид обуви, несомненно, имел в виду Олеарий, когда писал: «Их башмаки из овечьей или лошадиной кожи вырезаны из одного куска со швом сверху на него и сбоку ея»¹. Вместо голенищ при «чарыках» носили обмотки — «долагълар», которые женщины искусно ткали из хлопчатобумажной пряжи. Употреблялись также войлочные обмотки или суконные голенища. «Чарыки» — национальная обувь не только кумыков, но почти всех народов Дагестана. Имея повседневное бытование, «чарыки» у разных народов отличаются только небольшими деталями и по названию.

Другим видом национальной обуви кумыков были башмаки («башмакълар», от тюркского глагола «басмакъ» — наступать). Башмаки шили на толстой кожаной или деревянной подошве, на средней высоты каблуке, без задников. Верх делали из сафьяна, сыромятной, более тонкой, чем подошва, кожи или «къачалай». В XIX в. с увеличением притока фабрично-заводских изделий из центральной России кумыки, особенно женщины, стали употреблять более изящно изготовленные башмаки на спиртованной подошве. В отличие от чарыков, которые умел шить каждый кумык, башмаки шили только мастера-башмачники. «Коши (башмаки. — С. Г.) и сапоги шьет башмачник, — писал учитель карабудахкентского сельского училища С. Кардашев в 1891 г., — из более прочного товара, чем масу и мачи, которые шьются из сафьяна. Работа здешнего башмачника отличается не столько красотой, сколько прочностью.

¹ Олеарий, указ. соч., стр. 494.

Он шьет обувь драгвой, не употребляя в дело шпилек»¹. Для крепости каблуки башмаков обивались железом.

Другим видом обуви были галоши — «кзаты калош», верх которых делался из сафьяна, а подошва из кожи местного изготовления. В XIX в., особенно во второй его половине, состоятельные кумыки стали носить сапоги с длинными голенищами и на высоких каблуках, на изготовление которых употреблялись лучшие кожаные товары. Так же как и башмаки, их шили только мастера-сапожники, главным образом приезжие лакцы. Трудно сказать, являются ли сапоги указанного вида результатом изменения и усовершенствования «маси» или они заимствованы у других народов, в частности у русских, в процессе усиления экономических и культурных связей. Известно, однако, что под влиянием связей с другими районами России и Кавказа, под влиянием моды, идущей извне, формы голенищ и каблука неоднократно подвергались изменению — от низкого каблука к высокому, от недлинных голенищ к длинным, выше колен голенищам и наоборот.

Говоря о национальной обуви, нельзя не указать на ее некоторые локальные особенности. Жители селений Чонт-аул, Темир-аул, одного квартала сел. Костек, где проживают теркеменцы, и сел. Каякент имели еще один вид легкой рабочей обуви — «дырыхлар». Это была, пожалуй, обувь самого простейшего покроя. «Дырыхи» кроили из цельного куска сыромятной кожи. По краям овальной формы заготовок пробивали ряд небольших отверстий, через которые пропускался кожаный или шерстяной шнур или же шнурок из кендыря. Концы этого шнурка затягивались и завязывались на ноге, выше щиколотки. «Дырыхи», как правило, одевались на шерстяные носки. Исследование этого вида обуви приводит к мысли о том, что «дырыхи» не являются национальной обувью кумыков. История происхождения к кумыкам этой обуви теснейшим образом связана с историей переселения из Азербайджана теркеменцев на теркеменский участок Кайтагского уцмийства и оттуда на Кумыкскую плоскость (XVI—XVIII вв.). В настоящее время «дырыхи» почти исчезли. Их одевают только во время работы на рисовых полях.

Головным убором кумыков была овчинная шапка — «бёрк» (у северных кумыков), «панак» (у южных кумыков), которая имела несколько вариантов.

¹ С. Кардашев. Селение Карабудахкент, «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», II, 1891, стр. 179—180.

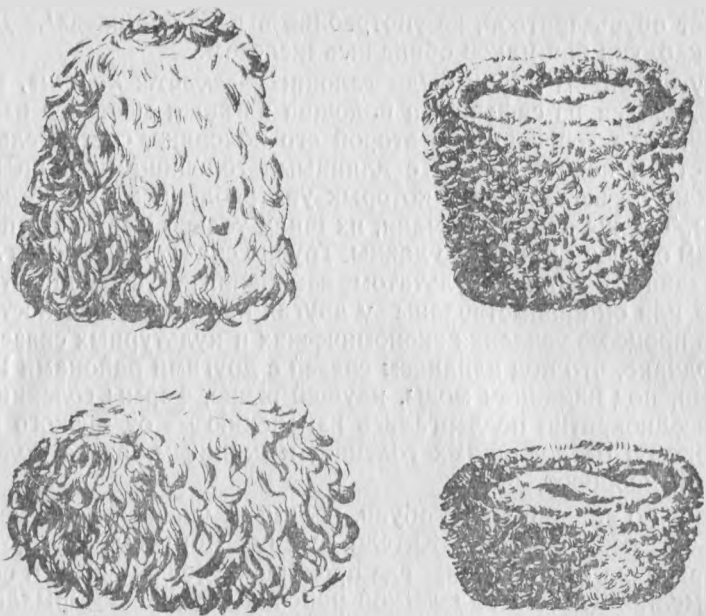

Рис. 35. Виды мужских головных уборов.

Самые ранние сведения о головном уборе кумыков относятся к середине XVII в. Тот же Олеарий пишет, что кумыки носили «шапки, сшитые четырехугольником из куска черного сукна»¹. То же самое сообщает Стрейс, посетивший Дагестан почти одновременно с Олеарием. Однако Олеарий на рисунке, изображающем с. Тарки и его жителей, показывает несколько иной головной убор, а именно, невысокие шапки в виде колпаков, изготовленные, видимо, из овчины. У нас нет никаких других источников, подтверждающих данные Олеария и Стрейса. В памяти народа, в его устном творчестве, также не сохранилось никаких сведений о мужских головных уборах из сукна. В связи с этим нам кажется, что в описании Олеария речь могла идти о тибетейках с четырехугольной тульей. Такие тибетейки, но только другой формы, носили в прошлом почти все кумыкские дети. Возможно как летний легкий головной убор такой формы шапки в то время употреблялись и взрослыми кумыками. Олеарий

¹ Олеарий, указ. соч., стр. 494.

мог иметь в виду и суконные башлыки, которые широко распространены в Дагестане, хотя они имели треугольную, а не четырехугольную форму. Можно допустить и другое предположение: автор мог описать шапки, которые носили некоторые феодальные владельцы, подражая восточным владетелям.

Судя по дошедшим до нас всем видам головного убора, литературным источникам XIX в., данным фольклора и свидетельствам стариков, кумыки изготовляли шапки только из овчины. «Папахи шили из овчин двух видов. Из овчины ягненка — молодого барашка с завитой шерстью, шили выходную или обычную папаху — «*кёрне папах*» или «*кёрне бёрк*», а из овчины взрослого барана — рабочую папаху — «*тери папах*» или «*тери бёрк*».

В Кумыкию, как в страну, находящуюся на скрещении торговых путей с востока и запада, издавна проникали и лучшие сорта среднеазиатского каракуля — «*бухара кёрне*», который носила кумыкская знать. Папаха из среднеазиатского каракуля называлась «*бухара бёрк*» (у северных кумыков) или «*бухара кёрне папах*» (у южных кумыков).

Известная нам более ранняя папаха, которая потом, в XIX—XX вв. претерпела некоторые изменения, была довольно простого покроя. Шилась она в форме невысокого колпака, с несколько суживающимся кверху околышем. Тулья папахи делалась из того же меха (овчины) и аккуратно пришивалась к околышу. Такого покроя шапки и в настоящее время употребляют старики в качестве ночного головного убора. В отличие от старых папах, современные колпачки, во избежание чрезмерного тепла, стали изготавливаться из овчины с более мелкой короткой шерстью и одевались мохнатой стороной книзу.

На смену этому головному убору пришла высокая папаха, околыш которой также несколько суживался кверху. С. Броневский в начале XIX в. писал, что дагестанцы «вместо полукруглой шапки черкесской... носят высокую шапку с плоской тульею и с черною бараньею опушкою»¹. Донышко папахи делалось или из той же овчины или из сукна. Шили папаху на теплой стеганой подкладке. С конца XIX и начала XX вв. снова стали носить невысокие папахи (20—23 см высоты), причем верх околыша папахи постепенно расширялся. Последний фасон папахи имеет несколько более широкий верх околыша по сравнению с его нижней частью. От старинной папахи эта форма отличалась еще и тем, что тулья пришивалась не к самой крайней линии околыша, а почти к середине, на подклад-

¹ С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. II, М., 1823, стр. 446—447.

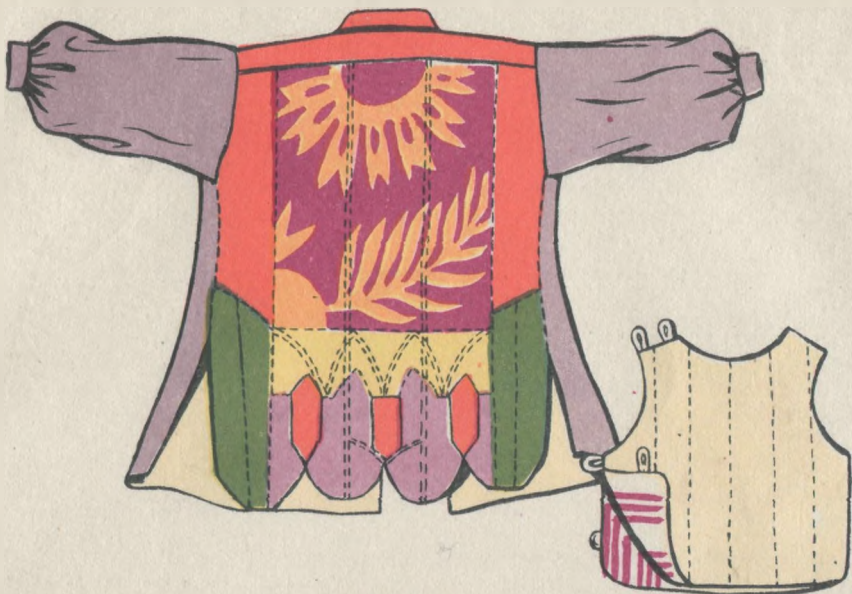
ке, оставляя по краям пустое пространство, куда мужчины иногда прятали разные мелкие вещи (письма, иголку с ниткой и пр.). Такой формой донышка дагестанская папаха отличалась от папах некоторых народов Кавказа. Если папаха предназначалась для молодого мужчины или юноши, донышко украшалось золотыми или серебряными галунами.

В качестве головного убора кумыки употребляли также «*башлык*» («*баш*» — голова, «*лык*» — словообразующий суффикс), который мужчины носили поверх папахи, отправляясь в непогоду или в холодное время в путь. «*Башлык*» шили чаще всего из белого сукна, в форме треугольника, от которого с двух сторон шли два неширокие полотнища, необходимые для завязывания у шеи. Подобно бурке, кумычки украшали «*башлык*» галуном, вышивали разноцветными нитками, главным образом золотыми, серебряными и шелковыми. В XIX—XX вв. «*башлык*» стал выполнять роль неотъемлемой части полной формы черкески, ее украшения. Независимо от времени года всадник поверх черкески почти всегда стал накидывать «*башлык*», хотя он и не одевал его на голову.

После присоединения Дагестана к России в кумыкскую среду стала проникать и готовая русская городская одежда (пальто, сапоги, шапки, плащи и т. д.). Но она была доступна только верхушке общества, представителям интеллигенции, военным.

Описанную выше одежду, за исключением бурки и башлыка, носили и мальчики, начиная с 5—7 лет. Дети в бедных семьях черкесок не имели. В холодное время года мальчики одевали или шубу, описанного выше вида, или «*тошлук*» — вид телогрейки или куртки из шелка, шерсти на вате или из овчины. Шили «*тошлук*» с длинными рукавами и без рукавов, в виде теплого жилета. Самый распространенный вид «*тошлук*» имел прямой разрез спереди. Его делали и без разреза на груди, если шили без рукавов. В таких случаях «*тошлук*» завязывался шнурочками на плече и сбоку. Нижняя часть курточки шилась значительно шире, чем верхняя. 1—2 месяца спустя со дня рождения на голову мальчика надевали шапочку, вроде тибетейки, только более глубокую, с ровной и круглой тульей, из того же материала. Она шилась часто из дорогого цветного бархата, отделанного золотыми нитками. К тулье шапочки, а равно и на спину и плечи куртки пришивались специальные детские украшения: петушки, цепочки или кувшинчики из серебра, бусы из янтаря и некоторые предметы ритуального значения.

В отличие от одежды взрослых, детская одежда шилась из более ярких тканей, украшалась вышивкой, галунами и всевозможными подвесками.

Детская одежда: а — телогрейка — тошлуг (вид спереди и сзади); б — безрукавка; в — головной убор — папах.

Вопрос о личном и боевом оружии народов Дагестана, в том числе и кумыков, совершенно не исследован. Между тем изучение этого вопроса представляет значительный интерес.

Имеющиеся в литературе сведения о вооружении кумыков относятся главным образом к XIX в. Что же касается более раннего времени, то можно назвать лишь несколько работ, которые содержат некоторые сведения об оружии кумыков, их средствах защиты и нападения. Несмотря на свою малочисленность, сведения авторов XVII—XVIII вв. составляют весьма ценный материал для характеристики вооружения того периода. Другим ценным источником, помогающим воспроизвести виды древнего оружия кумыков, являются изображения на старинных надгробных памятниках. Наряду с другими принадлежностями покойного на памятниках показано (резьбой по камню) и его личное оружие. Сравнивая эти литературные и вещественные источники с данными устного творчества, сведениями стариков, мы делаем попытку охарактеризовать оружие кумыков XVII—XIX вв.

По данным Олеария, в XVII в. кумыкский воин одевал латы, шлем и был вооружен луком, стрелами, метательным копьем или дротиками, саблей и щитом¹. В кумыкском фольклоре сохранилось указание, что воины носили и кольчугу «гюбе».

Из этого комплекса оружия наибольшие затруднения для их описания представляют шлем («такъыя», «гюбе папах»), кольчуга («гюбе») и щит («къалкъан»), о формах и размерах которых наши источники сообщают очень мало. Однако известно, что во время военных действий кумыкские воины широко пользовались и кольчугой, и шлемом, и щитом.

По рассказам стариков, кольчуга «гюбе» представляла собой металлическую рубашку с коротким рукавом, изготовленную из железной проволоки. По сведениям Броневского, имели распространение и панцири, которые, как и везде, делались из сплошного металла. Шлем («такъыя») изготовлялся как из железа, так и из стали. По данным того же Броневского, местные жители носили шлем с шишаком². Щит также делался из железа. Иногда для щита использовалась шкура крупного рогатого скота. Лук («окъ джая»), как и везде, делали из твердых пород дерева, а тетиву — из овечьей шкуры. Стрела («окъ») представляла собой деревянную палочку 0,5—0,6 м длины, на которую надевался острый железный треуголь-

¹ Олеарий, указ. соч., стр. 494, 510.

² С. Броневский, указ. соч., стр. 447.

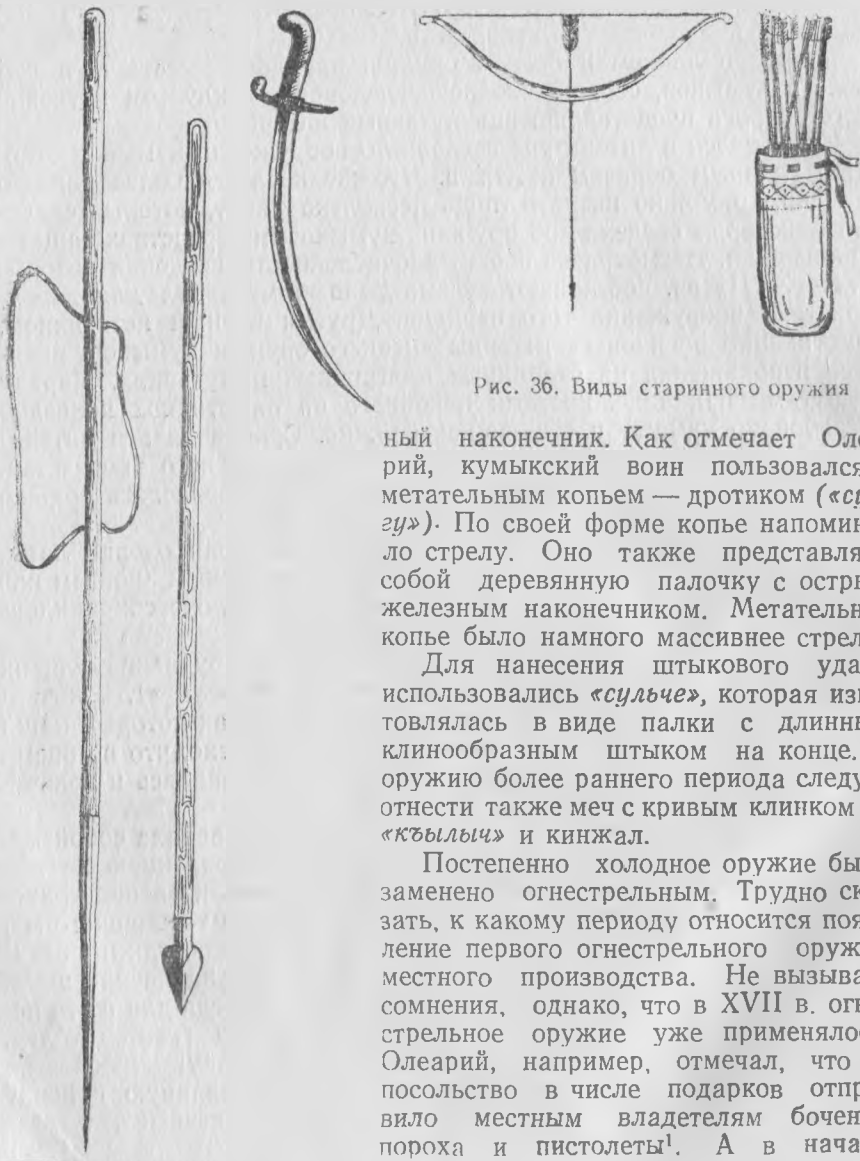

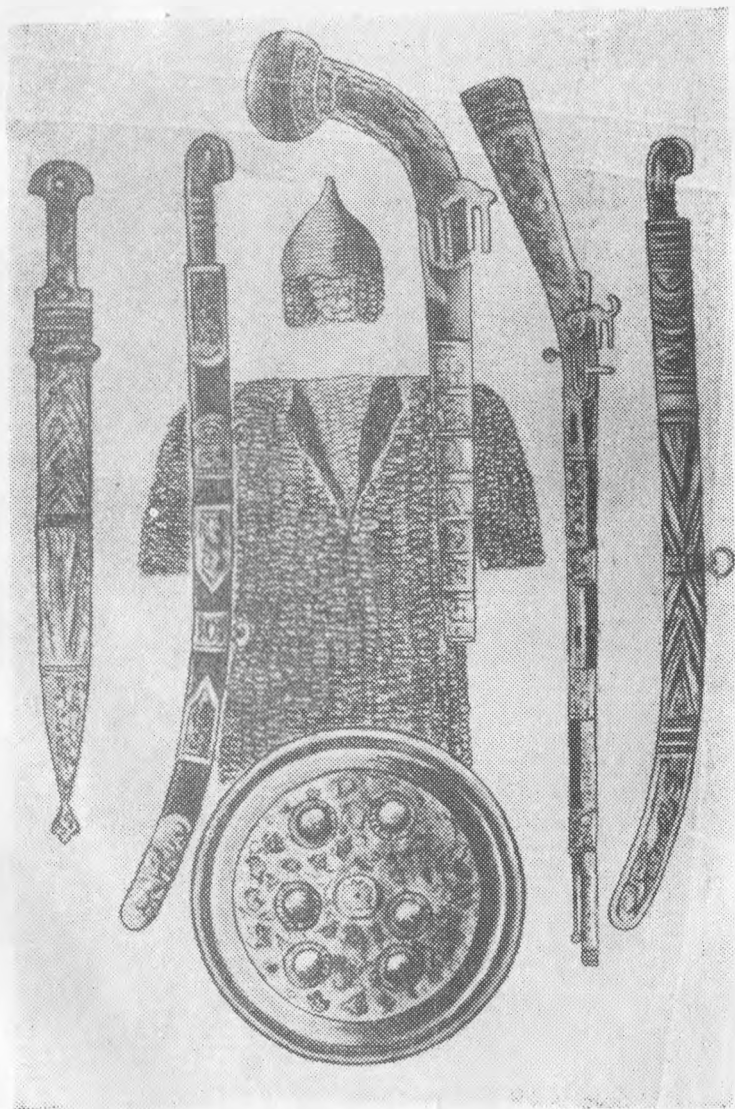
Рис. 36. Виды старинного оружия

ный наконечник. Как отмечает Олеарий, кумыкский воин пользовался и метательным копьем — дротиком («сунгу»). По своей форме копье напоминало стрелу. Оно также представляло собой деревянную палочку с острым железным наконечником. Метательное копье было намного массивнее стрелы.

Для нанесения штыкового удара использовались «сультче», которая изготовлялась в виде палки с длинным клинообразным штыком на конце. К оружию более раннего периода следует отнести также меч с кривым клинком — «кбылыч» и кинжал.

Постепенно холодное оружие было заменено огнестрельным. Трудно сказать, к какому периоду относится появление первого огнестрельного оружия местного производства. Не вызывает сомнения, однако, что в XVII в. огнестрельное оружие уже применялось. Олеарий, например, отмечал, что их посольство в числе подарков отправило местным владельцам боченки пороха и пистолеты¹. А в начале

¹ Олеарий, указ. соч., стр. 985.

Предметы вооружения.

XVIII в. Гербер указывал уже на широкое употребление кумыками огнестрельного оружия. «Конница, — писал он, — у них хорошая и быстрая, все почти имеют огнестрельное оружие и сабли, а луки и стрелы — немногие»¹.

Огнестрельным оружием кумыков были плоскоствольное ружье — «тювек» и пистолет — «тапанча», изготовлявшиеся главным образом в селениях. Харбук и Кубачи Кайтагского уцмийства. Наряду с оружием местного производства имели распространение и ружья других систем (турецкое, русское, английское). Кинжалы, пистолеты, шашки, ружья покрывались различного рода украшениями. золотой или серебряной оправой. Чем состоятельнее был кумык, тем богаче и ценнее было его личное оружие. Кумыкская знать заказывала перечисленные виды оружия у лучших кубачинских мастеров, которые при изготовлении учитывали вкусы и запросы заказчиков.

Украшались серебром и золотом не только личное оружие, но и конские уборы — седло, уздечка и пр. Броневский писал о дагестанцах, имея в виду, конечно, состоятельную часть населения, что «все избытки свои истощают они на конские уборы, в коих состоит главнейшая их роскошь. Повсюду блестит серебро и золото, целыми бляхами; не щадят их в наборах на ремнях и насечках на стали»¹.

Из всех видов оружия наиболее широкое применение имел у кумыков кинжал, который почти постоянно носило все взрослое мужское население.

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Женская одежда кумыков отличалась большим разнообразием. Тогда как мужской костюм был, за некоторыми исключениями, единым для всех кумыков, костюм кумычек имел много локальных или территориальных особенностей, связанных с местными условиями, влиянием других народов, живущих по соседству, и пр.

На тело кумычка надевала хлопчатобумажную или шелковую рубаху («гёйлек» или «ич гёйлек», т. е. нижняя рубашка) туникообразного покроя, с разрезом на груди. По форме покроя она мало чем отличалась от мужской рубашки: так же, как рубашка мужская имела разрез на груди, клинья и квадратные ластовицы по бокам, длинные, прямые рукава и т. д. Рубаха женщины была все же шире и длиннее (намного ниже колен, иногда даже до пят). Эта рубаха

¹ Гербер, указ. соч., стр. 33—34.

² С. Броневский, указ. соч., стр. 447.

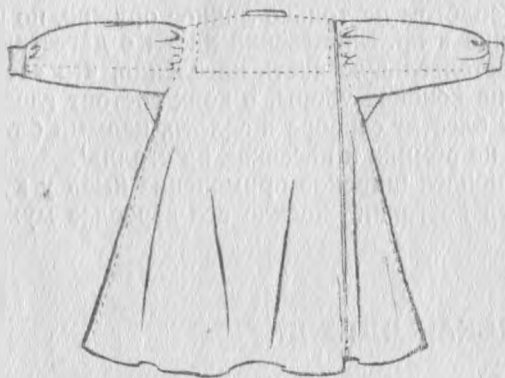
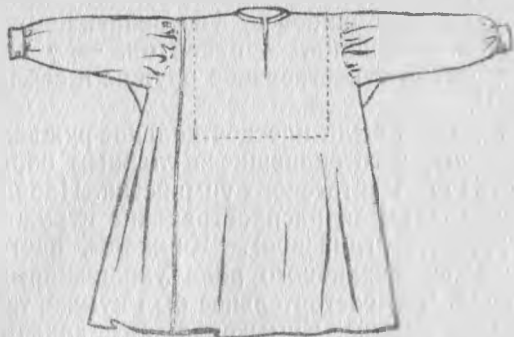

Рис. 37. Женская нательная рубашка—гейлек: вид спереди; вид сзади.

лиф шился не по фигуре, как у платья, а значительно шире, просторнее, так как она предназначалась главным образом для ношения дома, во время работы. Рукава рубашки делались длинными и широкими, без манжетов. Для нарядных рубашек употреблялся легкий шелк («дарай»), часто яркий, но гладкий, без узора. Так как юбка-рубашка состояла из 4—8 полотнищ, то на рубашку расходовалось 8—10 метров материи. Под рубашку надевали шаровары («шилвар»), почти такие же, как мужские, или широкие штаны («йштан»). Последние бытовали только до конца XIX в. Они были двух видов: «экибалакъ-иштан» и «бирбалакъ-иштан». На «иштан» шло почти столько же материи, сколько на «бузма гейлек». Верхняя часть «иш-

иначе называется «тюз гейлек», что значит «прямая рубашка»; само название указывает на простоту и туникообразный характер покроя. Такая форма рубахи была распространена по всему Дагестану, однако в его горных районах она бытовала не только в качестве нательного белья, но и как верхнее платье.

Другой разновидностью нательной одежды кумычек была рубаха «бузма гейлек» (у южных кумыков) или «буришми гейлек» (у северных кумыков), которая одевалась также под платье. Она носилась не только как нательное белье, но и как верхнее платье, особенно летом, в обычной домашней обстановке. Поэтому ее нередко одевали и поверх «тюз гейлек». Такая рубашка, как и платье, состояла из лифа и пришитой к нему широкой, длинной юбки, но ее

тин» (20—25 см от пояса) делалась по ширине так же, как и описанные выше мужские штаны, с таким же ромбовидным клином. К ней пришивались мелкими складками две широкие половинки, представляющие как бы две самостоятельные юбки. Каждая половина (*балакъ*) состояла из 4—5 полотнищ.

Характеризуя костюм кумычек Мехтулинского ханства первой половины XIX в., Пржецлавский справедливо отмечал, что кумычки носили «широкие пальвары (ширина — смотря по состоянию мужа...)»¹, имея в виду именно такого покроя штаны. Наряду со штанами такого покроя, существовали и штаны, состоявшие из одной широкой юбки — «*бир балакъ иштан*», на которые расходовалось материи почти наполовину меньше. Они также обшивались бархатом или галунами, или покрывались вышивкой. «Иштан» так же как «шалвар» завязывался на шнур («*иштан бав*»). Нарядные штаны делались из шелковой материи и обшивались особого вида бархатом («*гюльмахмар*»).

Верхним платьем, надеваемым поверх «*гёйлек*» («*буруш гёйлек*» или «*тюз гёйлек*»), был «*арсар*» или «*бузма*». «Арсар» делали с прямым разрезом сверху донизу. Это платье, как и все другие виды верхней одежды, шили в талию, с лифом и широкой юбкой в 6—7 полотнищ (одни с клиньями, другие без клиньев). Юбку пришивали к лифу со складками — «*бутукъ букма*» (главным образом для мо-

Рис. 38. Старинная женская рубаша—бузма гёйлек

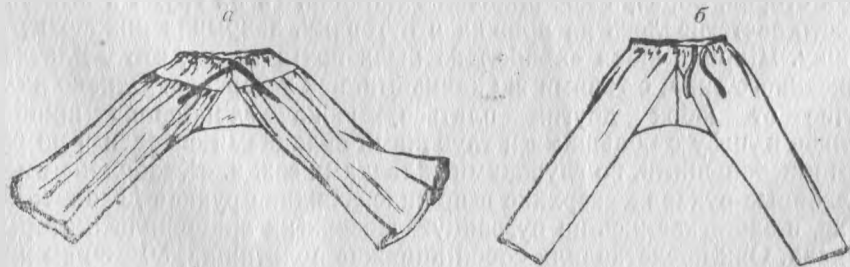

Рис. 39. Типы женских штанов: а — экибалакъ иштан б — шалвар;

¹ В. Пржецлавский, указ. соч., 1860, 4, стр. 284.

Рис. 40. Верхнее женское платье—арсар

«полуша». Это платье не имело разреза на юбке, делалось с открытым на груди лифом и обычными рукавами на манжете, зашитыми до самой кисти. Во всем остальном оно было похоже на «арсар» (лиф, ширина и длина юбки и т. д.).

Следующим видом платья кумычки было «кэбалай». Сохраняя основные элементы и фасон кумыкского платья, описанных выше видов, «кэбалай» все же имел свои отличительные особенности. Основное отличие заключалось в том, что к платью в форме «арсар» вместо разреза сверху донизу вставлялся особый передник из отдельного полотнища — «алдылыкъ» (передник), шириной 60—70 см, обычно из той же материи, что и само платье. От подола до пояса это полотнище соединялось с другими полотнищами юбки и застрачивалось с двух сторон, образуя две широкие складки, а на груди и шее оно просто застегивалось на пряжки и пуговицу, закрывая нижнюю рубашку. Ширина юбки «кэбалай» была почти та же, что у платьев описанного типа, с такими же клиньями, как у «арсар». Однако в отличие от юбок других платьев, юбка «кэбалай» пришивалась к лифу с большими и глубокими складками спереди и по бокам и небольшими, но глубокими складками сзади. «Кэбалай» имел и двойные рукава — верхние и нижние. Нижние рукава делались по руке, и застегивались на пуговицу. Поверх их пришивались вторые рукава. Они представляли собой широкие полотнища, 50—80 см ширины, спускавшиеся значительно ниже кистей. По краям этих полотнищ нашивались шелковые кружева, главным образом того же цвета, что и материя.

лодых) и просто мелкой сборкой — «ийп букма». Пожилые женщины лиф такого покроя платья делали на вате. «Арсар» имел откидные рукава, сшитые лишь до локтя; ниже локтя они свободно свисали с рук. К поясу спереди, пришивались «шарпазы» (у северных кумыков) или «кэармакълар» (у южных кумыков) в форме длинных пряжек. Нарядные платья обшивались галунами, к рукавам и поясу платьев молодых кумычек пришивали монеты и иные серебряные украшения.

Другим видом платья была

Рис. 41. Платье—полуша: вид спереди; вид сзади.

Анализ двух видов платья: «арсар» и «кѣбалай» дает основание полагать, что «арсар» по своему происхождению древнее «кѣбалай», и «кѣбалай» является разновидностью платья «арсар», претерпевшего в течение времени значительные изменения. Вместе с тем, нам кажется, один из элементов этого платья — передник («алдылыкѣ») который пришивался к платью, не местного происхождения. Сравнивая этот вид платья с аналогичным платьем осетинок, можно прийти к заключению, что появление такого рода вставки к платью или «алдылыкѣ» является результатом культурно-исторических связей кумыков с осетинами. Недаром платье с такой вставкой называется у некоторых кумыков «осетин полуша» или «осетин кѣбалай», а у южных кумыков просто «осетинлар» (т. е. «осетины»).

Описанные виды платьев, если их шили для молодой женщины или девушки, украшались по подолу, на поясе, рукавах и груди золотыми или серебряными галунами. На поясе платья застегивались двумя-тремя большими (у молодых женщин) или маленькими (у девочек, пожилых) серебряными, позолоченными застѣжками, известными под названием «шарпазлар» (у северных кумыков) и «кѣрмакълар» (у южных кумыков). В отличие от других платьев грудь «кѣбалай» у богатых женщин покрывалась еще серебряными, позолоченными украшениями — «кѣршума», имевшими форму длинного «шарпаза». «Кѣршумалар» предварительно пришивались к

Рис. 42. Нарядное платье—к̑абалай: вид спереди; вид сзади.

застегивалась на пряжки, как и платье. Женщины из дворянских семей носили шубы из дорогих русских мехов, покрытые бархатом, плюшем и украшенные галунами. Пржецлавский имел в виду эти два вида шуб, когда писал: «Зимой женщинами носится короткий нагольный полушубок из белого длинного шерстяного курпея. Богатые женщины носят такой же полушубок из лучших мехов, покрытый голубым или зеленым бархатом («махмар») или «парчею»¹. Кумык-

нагруднику из бархата, тафты, обычно ярких цветов, затем нагрудник носили с любимым платьем такого покроя и даже с «арсаром».

Нарядные платья указанных выше фасонов, которые шили из дорогого шелка или бархата, носили и хранили очень бережно, передавая от матери дочерям и внучкам.

Прежде большинство женщин носило зимой ту же одежду, что и летом. О пальто вообще не имели понятия, так же, как и о теплой обуви. Однако многие женщины, особенно пожилые, носили шубы, сшитые из шкур белых барашков (*кёрне тон*) с парчевой отделкой вместо галунов. В отличие от мужской шубы, женская имела большие клинья, образующих своеобразные фалды, короткие рукава, до локтя, без запаха, как

¹ П Пржецлавский, указ. соч., стр. 287.

ские шубы в отличие от шуб, описанных Пржецлавским, шились длинные, как и вся верхняя одежда. Дорогие меховые шубы, главным образом перешивались из шуб, поступавших из России. Обувь женщины составляли главным образом белые шерстяные носки и чуваки («мачий») из сафьяна. Нарядные, в том числе и свадебные, чуваки делались из красивого сафьяна и обшивались тонкой тесьмой («чалув») из золотых или серебряных ниток. По своему крою женские чуваки были очень похожи на мужские ноговицы, пришиваемые к голенищам. Так же, как мужские чуваки с голенищами, женские чуваки — «мачий» шились со швом вдоль всей стопы (по середине, с мыском на подъеме).

Поверх чувак женщины зимой и в непогоду носили башмаки «башмакълар» — обувь, напоминающую глубокие туфли без задников. Женские башмаки, так же, как и мужские, шились с сафьяновым верхом на толстых деревянных или кожаных подошвах с высокими каблучками. Нарядные башмаки делались на более тонкой, но крепкой подошве с плюшевым («гюльмахмар») или суконным верхом. Нередко сукно, предназначенное для башмаков, вышивалось золотыми, серебряными или просто разноцветными шелковыми нитками. Башмаки постепенно стали заменяться кожаными калошами, которые надевались поверх носков и «мачий».

В отличие от «маси» и «мачийлер», которые «каждая женщина сама кроит и шьет для своего семейства»¹, башмаки, калоши шили специалисты — башмаяники. Каблуки башмаков делались с железными подковами.

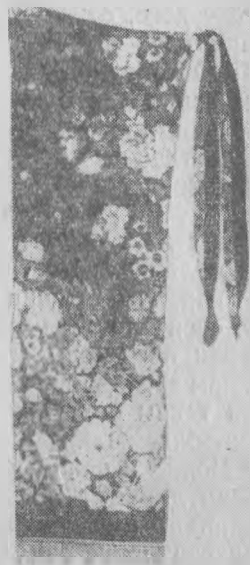

Рис. 43. Головной убор женщины — чутку

Рис. 44. Мягкая женская обувь — мачий

¹ П. Пржецлавский, указ. соч., стр. 286.

На голове кумычки носили повязку («чутку»), которая имела вид узкого, открытого сверху и снизу мешка, длиной 100—120 см и шириной 40—45 см. Шили «чутку» из атласа, сатина или шерсти. Самой нарядной считалась «чутку» из тонкой черной шерсти с яркими цветами. В «чутку» опускали «волосы, сплетенные в мелкие косички, и закидывали на спину»¹. В нее прятали не только косы, но частично и лоб. «Чутку», прикрыв ею на 2—3 см лоб, завязывали вокруг головы узкими полосами материи в виде лент. Нижний конец «чутку» обшивали кружевами такого же цвета. Полевой материал дает основание полагать, что «чутку» не составляла древнего элемента женской одежды, а была навязана религией ислама. По корану женщина не должна была показывать своё лицо, фигуру, свои наряды посторонним мужчинам. «Пророк! — восклицает Коран в одном месте, — скажи супругам твоим, дочерям твоим, женам верующих: плотнее опускали бы они на себя покрывала свои, при таком опускании они не будут узнаваемы и потому не будут оскорбляемы»².

Вопреки запрещению религии, женщины прежде выпускали на виски длинные локоны, спускавшиеся даже ниже пояса, молодые женщины и девушки оставляли на лбу чёлку («ленеке»). 105-летняя колхозница из сел. Башлыкент, Аминат Раджабова, рассказывала нам, что она помнит, как прежде женщины завивали свои длинные локоны горячими щипцами и, смазывая особым раствором, прятали их только во время траура. В середине XVII в. Олеарий писал «Женщины, как и девушки, без стеснения, с открытыми лицами, ходили среди людей. Девицы заплетали свои волосы в 40 косичек, которые свисали вокруг головы, они были очень довольны, когда мы трогали и считали эти косички»³.

С усилением религиозной пропаганды и под давлением мюридизма в Дагестане к середине XIX в. женщины стали тщательно прятать волосы под «чутку». Только молодые кумычки по-прежнему носили чёлку и на висках оставляли пейсы — «самайлар» (у северных кумыков) или «тулумлар» (у южных кумыков).

Поверх чутку носили большой платок — шелковый, шерстяной, тюлевый или ситцевый, смотря по состоянию. Из шелковых самыми распространенными были широко бытующие в настоящее время платки «гюльмелли», производимые в Гандже (ныне Кировабад, Азербайджанской ССР), а также «хара явлукъ», привозившиеся из

¹ Там же.

² Л. Климович, Содержание Корана, 1929, стр. 85.

³ Олеарий, указ. соч., стр. 499.

Рис. 45. Женщины в национальной одежде.

Бухары. К тюлевому платку обычно пришивалась золотая или шелковая бахрома. У южных кумыков широкое распространение имели домотканые платки, приобретаемые главным образом в даргинском селении Мюрего и известные под названием «*муреге къана*». Эти платки изготовлялись из естественного шелка. Многие кумычки, чтобы иметь такой шелковый платочек, разводили шелкопряд сами, делали из коконов пряжи и затем обменивали ее на готовый платок. Такие платки нередко делались по заказу с учетом вкуса хозяек. Шелковые и вязаные илатки проникали на Кумыкскую плоскость и оттуда на всю кумыкскую территорию из Осетии—«*осетин явлукъ*». Эти платки отличались как своим качеством, так и ажурностью, красотой, поэтому ценились дорого.

Таким образом, можно отметить, что головные уборы кумычек не отличались разнообразием. Они не носили разного рода шапо-

чек, которые имели широкое распространение у многих других народов Кавказа, а если немногие из представителей знати и носили их, то только под влиянием Кабарды, Осетии, Грузии и пр. К «чутку» также не пришивали никаких украшений (цепочек, ракушек), как это имело место в горных районах Дагестана. Только платки у кумычек более или менее отличались своим разнообразием. Женщина выбирала платок прежде всего с учетом своего возраста, а также с учетом обстановки (праздник, траур и т. д.). Пожилые женщины носили главным образом однотонные, темного цвета платки и «чутку», в то время как молодые женщины и девушки носили яркие и разноцветные. Девочки с 5—7 лет носили такие же платья, что и молодые женщины. Их костюм отличался более пестрой расцветкой. Согласно обычаю девочки могли не носить «чутку» до 10—11 лет, но по наступлении этого возраста они должны были соблюдать общий для всех женщин порядок ношения одежды и прически.

УКРАШЕНИЯ

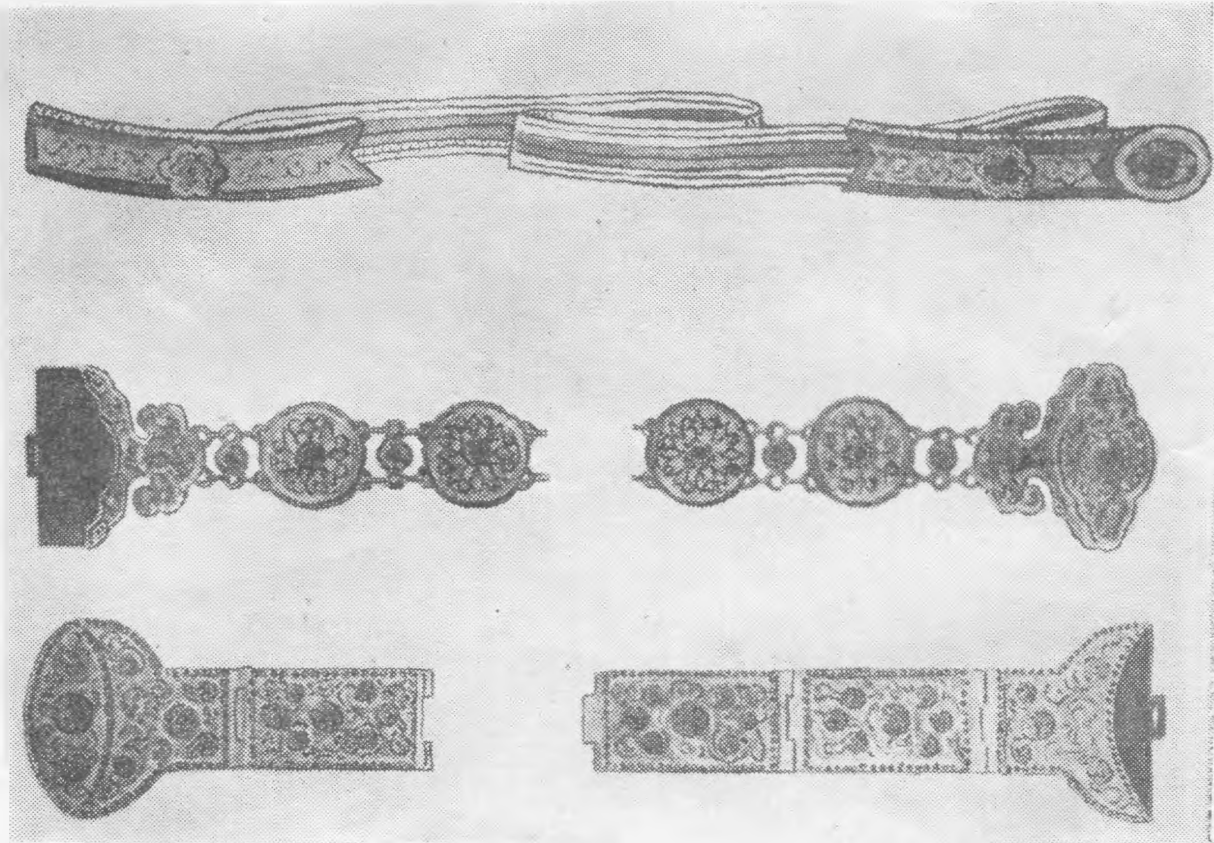
Широко были распространены у кумыков всевозможные золотые, серебряные и другие украшения, которые вместе с нарядными платьями бережно хранились как семейные драгоценности и передавались из поколения в поколение.

Украшения носили не только девушки и молодые женщины, но и дети, начиная с колыбельного возраста. Украшения носили представители всех слоев кумыкского общества, однако дорогие предметы были достоянием только феодальной верхушки и буржуазии.

По способу приобретения или месту изготовления женские украшения делились на две группы: привозные и изготовляемые в Дагестане. Из России и Персии издавна поступали царские рубли, мелкие серебряные или золотые монеты¹, коралловые ожерелья, жемчуг, часы, браслеты, цепочки, брошки, серьги, позумент и т. д.

Большинство же предметов украшения изготовлялись в самом Дагестане. Как известно, центром производства высококачественных золотых и серебряных изделий, в том числе и предметов украшения, в Дагестане был даргинский аул Кубачи, расположенный на территории современного Дахадаевского района (бывш. Кайтагское уцмийство). Кубачинские ремесленники работали не только по за-

¹ Большое распространение имела золотая персидская монета времени Надир-шаха — «ашрафы», которая называлась у кумыков «ашлепи».

Женские золотые и серебряные украшения.
Пояса — каммаллар.

казу своих односельчан и жителей близлежащих аулов. Изделия кубачинских мастеров пользовались широкой известностью во всех концах Дагестана и далеко за его пределами. Работая в основном у себя в ауле, кубачинцы-мастера время от времени выезжали в различные аулы Дагестана, чтобы реализовать свои изделия. Кумыкские женщины, в первую очередь женщины из феодальной среды, делали кубачинцам всевозможные заказы по своему вкусу. Нередко работа выполнялась из материала заказчиц. Во многих крупных селениях кумыков также работали местные или приезжие из Кубачей и лакских аулов ювелирные мастера.

По сообщению Кардашова, например, в сел. Карабудахкент в 1891 г. работали два «серебряных дел мастера»; он писал, что эти мастера «делают женские украшения: пояса, серьги, кольца и пр., а равно отделывают серебром, а иногда и золотом кинжалы, шашки, пистолеты, азиатские кремневые одноствольные и другие оружия»¹.

Как известно, женские украшения либо употребляются отдельно, выполняя самостоятельную роль (кольца, серьги, браслеты, бусы и пр.), либо пришиваются к одежде и составляют ее деталь (пуговицы, вышивки, галуны, пряжки и пр.). Из украшений, имеющих самостоятельное значение, прежде всего следует отметить «*камал*» — широкий серебряный пояс, нередко в золотой оправе или позолоченный, украшенный филигранью, чеканом. Иногда в пояс вставлялись также драгоценные камни. Вместо серебряного пояса менее состоятельные женщины носили широкий пояс из позумента, во всю длину которого пришивали несколькими рядами серебряные монеты различных размеров. Самый верхний ряд составляли мелкие монеты, средний ряд — средние по величине, самый нижний ряд — наиболее крупные (обычно царские рубли). Всем монетам, предназначенным для украшения, приделывались ушки.

Другим излюбленным украшением кумычек был особый вид нашейного ожерелья — «*тамакъса*». «*Тамакъса*» составляли примерно 20—25 мелких золотых или серебряных бус — «*къыран*», нанизанных на две нитки. Это ожерелье плотно охватывало шею и напоминало один сплошной браслет.

Из нагрудных украшений следует отметить «*къаршумалар*». «*Къаршумалар*» делались из серебра и имели форму длинных и узких пряжек. Они пришивались на нагрудник, шитый из яркого бархата, плюша или другой плотной и красивой материи. Как уже отмечалось, нагрудник одевался вместе с платьем, составляя как бы

¹ С. Кардашов, указ. соч., стр. 179.

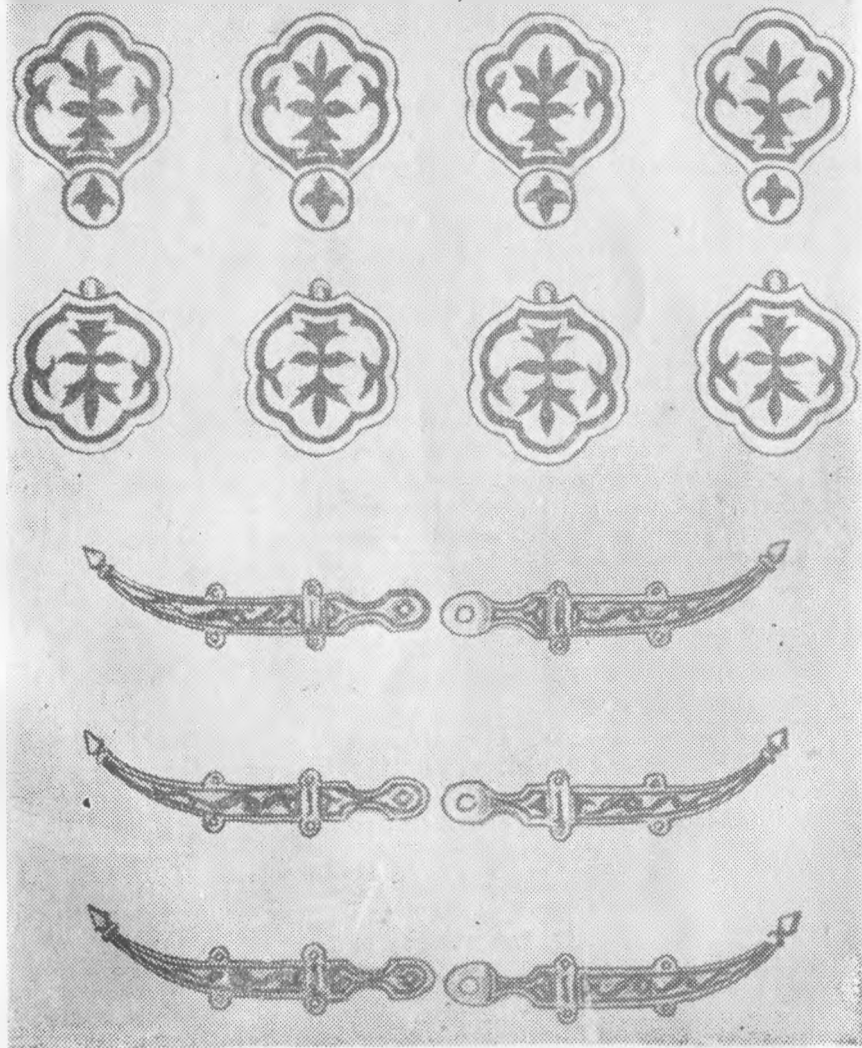
его неотъемлемую часть. На груди кумычки носили также кораллы — «минчакъ», золотые и серебряные бусы — «арна», имеющие форму ячменя. Такие бусы часто прикреплялись к золотым или серебряным монетам. В феодальной среде широкое применение имели большие нагрудные броши в форме розы — «гюль», которые украшались драгоценными камнями, часы на цепочке, медальоны русского и европейского производства, жемчуг («танажар»), янтарные бусы.

Кумычки надевали на уши золотые или серебряные серьги — «гьалкъа» или «сыргъа» — различных фасонов. Самое большое распространение имели два вида серег: «чумекли гьалкъа» и «салкъынжакъ гьалкъа». «Чумекли гьалкъа» делались без подвесок, но очень массивными. «Салкъынжакъ гьалкъа» имели от 4 до 6 тонких подвесок, сделанных из мелких колец. Жены феодалов носили и привозные серьги, украшенные драгоценными камнями. К концу XIX и в начале XX вв. у кумыков стали появляться более упрощенные фасоны золотых серег, стали исчезать всевозможные подвески, петушки, которые приделывались у окружности серег, и т. д. Наряду с этим больше стали проникать фабричные изделия, в том числе и серьги.

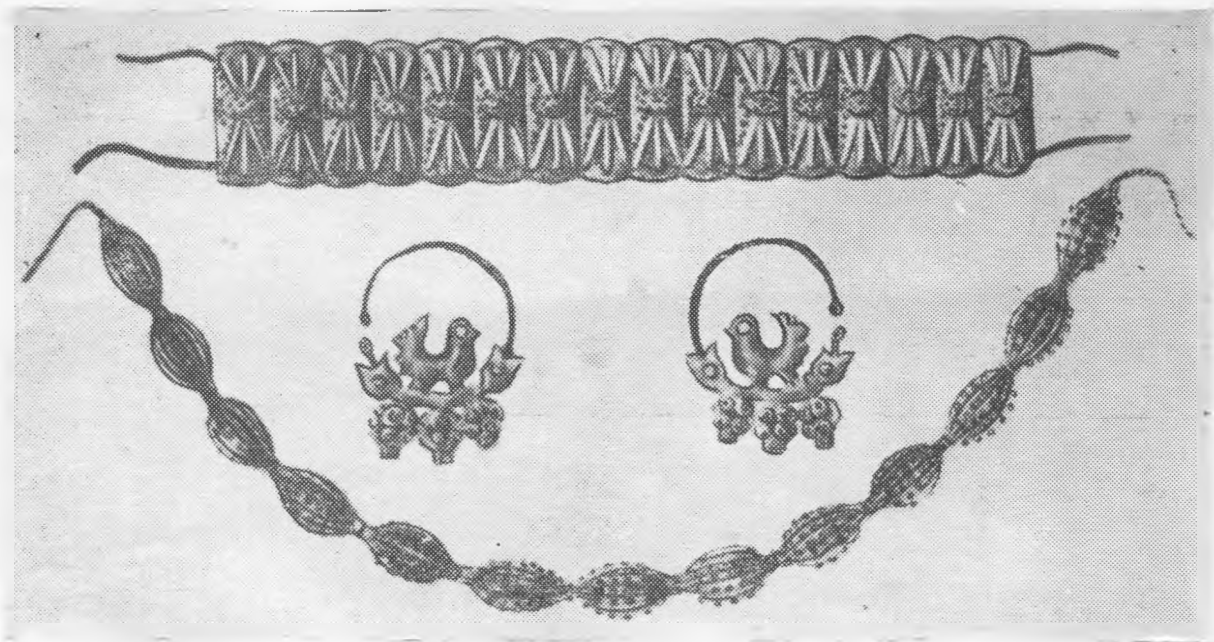
Из украшений, надеваемых на руки, следует назвать прежде всего кольца — «юзюк». Кумычки носили их на пальцах как правой, так и левой руки. На некоторых пальцах носили и по два кольца. Как правило, кумычки носили кольца, украшенные камнями, как драгоценными, так и полудрагоценными, и простыми. Чаще всего встречались перстни с одним более или менее крупным камнем.

В отличие от соседей — даргинцев, аварцев и ногайцев, у кумыков не было принято носить кольцо на большом пальце. Чаще всего носили кольца на указательном и безымянном пальцах, а также на мизинце. На средний палец кольцо одевали не все женщины, в этом сказывалось влияние суеверий. Считалось, что женщина или девушка, которая носила кольцо на среднем пальце, непременно потеряет родного брата.

Другим широко распространенным видом наручных украшений были браслеты — «белезик», которые также имели различные формы. Изготавливали браслеты из золота и серебра. Основная часть их представляла собой длинные сплошные и гибкие пластинки с несоединенными концами. Благодаря своей особой форме и гибкости они обычно одевались легко и подходили к любой руке. Встречались и браслеты из кораллов. В этом случае кораллы надевались на нитки соединенные между собой. Такого вида браслеты обязательно име-

Типы серебряных пряжек—шарпазлар.

Нашейное ожерелье—тамакъса; серьги—сыргъа; нагрудное украшение—минчакълар

ли застежку. Те и другие покрывались богатым орнаментом и укрывались также камнями, особенно посередине. Кроме самодельных браслетов у кумыков издавна встречались и привозные. В первой половине XVII в., например, в числе подарков голштинского посольства эндиреевскому владельцу были и золотые браслеты¹.

Наряду с браслетами из благородных металлов, широкое применение имели, особенно у детей младшего возраста женского пола, браслеты из кораллов. В этом случае кораллы надевались на нитки в 3—4 ряда, причем для прочности и удобства концы ниток переплетались вместе и в таком виде завязывались на руке.

Из украшений, которые составляли неотъемлемую часть одежды, прежде всего следует назвать пряжки — «*шарпазлар*» (у северных кумыков), «*квармакълар*» (у южных кумыков). Они пришивались к поясу платья. Число этих пряжек на одном платье зависело от их величины. Длинные узкие пряжки, напоминающие маленькую рыбу, употреблялись по 3—4 штуки вместе, а более мелкие по 5—6. «*Шарпазы*» изготовлялись из серебра и, подобно поясу «*камал*», украшались филигранью или чеканом. У южных кумыков принято было пришивать мелкие бляхи на откидные рукава, на пояс, на обе стороны грудного выреза платьев и т. д. Платья украшали и всевозможные пуговицы, главным образом серебряные. Большое внимание уделяли кумычки, в особенности жены кумыкской феодальной знати и представители буржуазии, косметике — «*ягънымакъ*».

По представлению кумыков красивая женщина должна была иметь чистый ровный лоб, длинные узкие брови в форме полукруга с определенным расстоянием между ними. Поэтому многие женщины выщипывали при помощи нитки мелкие лишние волосы со лба и бровей. Удалялись также волосы между бровями. Брови и ресницы красили сурьмой. Для этой же цели использовались и ядра грецких орехов. При горении ядра ореха превращались в мягкую жирную пасту, которую брали на палочки и слегка мазали брови. Раз в 2—3 месяца состоятельные кумычки красили волосы хной («*кзына*»), которая поступала из Персии, главным образом через Ширван. Хной красили и ногти. Менее состоятельные женщины в целях укрепления корней волос и блеска, время от времени красили волосы раствором, сделанным из толченых ядер косточек особого сорта абрикосов. Для укрепления волос мыли голову сывороткой — «*нагъ*», иногда и кислым молоком. Широко пользовались и дождевой водой, которую каждая семья собирала и хранила про запас.

¹ Слезарий, указ. соч., стр. 511.

Многие молодые кумычки красили и щеки красной краской — «эн-гилик» и лицо особыми белилами — «оба». Но губы кумычки никогда не красили.

В феодальную среду издавна попадали привозные предметы косметики, в том числе особые белила и красные краски. Женщины из незажиточных семей пользовались местными средствами. Для крашения щек, например, использовалось особое растение — «ер энгилик». Корень этого растения растворяли в масле и получали красную пасту. Краску получали также из привозных крашенных ниток, материи и т. д. Летом, чтобы освежить и придать больше белизны, лицо мазали кислым молоком, иногда белой глиной — «акъ палчыкъ». В XIX в., особенно во второй его половине, в кумыкские районы стали чаще проникать привозные духи, пудра, помада и т. д. Из всех предметов косметики меньше всего употреблялась пудра.

Во время траура женщины не пользовались косметикой. В такое время снимались также все украшения, как и нарядные платья с галунами. Потеряв близкого человека, молодая кумычка должна была в течение года или двух лет носить платья из простого темного материала. При отсутствии возможности приобрести подходящий материал, женщины должны были покрасить в темный (серый, черный и пр.) цвет имеющиеся у них нижнее белье и платье. В трауре женщина убирала чёлку, «чутку» носила почти закрыв лоб. Платок также должен был быть из простого материала, но обязательно белого цвета. Для этой цели шили платки преимущественно из мадепалама, батиста и т. д. Многие женщины северных кумыков во время траура носили просто мужской «къаптал», этим самым показывая свое отречение от земной жизни. Женщина траурный костюм должна была стирать как можно реже. Старые женщины по смерти близких не меняли и не красили одежду, а носили то, что имели.

Траурный период женщины называли «кир гие» (кир—грязное, не свежее, гие — одевает) или «къара гие» (одеваться в черное).

В отличие от женщин, мужчины во время траура одежду не меняли, не красили, но все же старались одеваться поскромнее, снимали украшения, не брились. Траурный период для женщины был более длительным и тяжелым, чем для мужчины.

* * *

Наряду с коренными изменениями в экономической, общественной и культурной жизни кумыкского народа, Советский строй внес много изменений и в одежду кумыков, причем совершенно исчезла потребность в самодельных тканях, которые вытеснены фабричными.

В настоящее время кумыки носят как готовую привозную одежду, так и одежду, сшитую на месте. Привозной одеждой больше всего пользуются кумыки, живущие в городах: Махачкале, Буйнакске, Хасавюрте, Избербаше, Каспийске и в близлежащих к ним селениях. И одежда местного изготовления нередко имеет городской крой. Нижнее белье мужчины мало чем отличается от обычного городского. Кумыки приобретают мужское белье в магазине, да и местные мастера шьют его уже по городскому образцу. Только часть старшего поколения продолжают носить традиционную национальную нижнюю одежду.

Сильно изменился прежде всего костюм мужчин. Из повседневного употребления почти вышли бешметы («къантал»). Черкеска сохранилась в качестве парадной национальной одежды, надеваемой лишь во время советских праздников. Исчезли из широкого употребления овчинные шубы, которые в прошлом были единственной зимней одеждой трудового населения. В настоящее время их носят лишь отдельные старики. Совершенно исчезли чувяки с голенищами («маси»). Чарыки и шапки из местной овчины носят мужчины в основном только во время работы в поле. Чарыки — обувь легкая и водонепроницаемая. Преимущества чарыков перед другими видами рабочей обуви способствовало их сохранению и широкому применению повсеместно в Дагестане и в настоящее время, при наличии большого выбора готовой фабричной обуви.

Учитывая эти особенности, Министерством местной промышленности и Министерством торговли специально организовано изготовление чарыков на кожзаводах республики и снабжение ими районов. В настоящее время сохранились и оба вида бурок — для пешехода и всадника. Они необходимы в условиях работы в поле и во время отдыха, особенно ночью. Хорошая теплая бурка вполне заменяет постель. Поэтому чабаны, табунщики, ветеринарные врачи и многие другие специалисты, выезжая в поле, берут с собой бурку.

Характеризуя современный костюм мужчины, следует сказать, что в настоящее время молодое поколение носит почти полностью костюм городского покроя. Это сорочки, костюмы, кепки, фуражки, ушанки, сапоги, туфли, резиновые галоши. В качестве верхней одежды употребляются пальто, фуфайки и другие виды телогреек.

Трудно, однако, сказать, какая форма из указанных видов одежды является наиболее распространенной в сельской местности. Городская кумыкская молодежь¹ одевается по моде. В сельской мест-

¹ В связи с тем, что большинство дагестанских городов расположено на территории, заселенной кумыками, в них проживает значительное число кумыкской молодежи.

ности эта мода распространяется несколько позже. Шубу молодежь совершенно не носит. Наиболее распространенным видом одежды для среднего и старшего возраста является, пожалуй, гимнастерка («пенжсек») и брюки «галифе». Нередко кумыки, покупая в магазине готовый костюм, брюки перешивают на галифе. Это объясняется условиями отдельных видов работы, при которых часто приходится ездить на лошади, надевать сапоги. Кроме того, галифе по свосму покрою имеют какое-то сходство с брюками национального покроя. Широкие вверху галифе, подобно местным брюкам, значительно суживаются книзу. Их можно носить с голенищами, обмотками и т. д.

Мужчины среднего возраста, так же, как и молодежь, почти исключительно носят в качестве верхней одежды пальто, фуфайки. Часть кумыков самого старшего поколения не носит городскую верхнюю одежду, продолжая носить национальный костюм: нижнее белье национального покроя, «къаптал», овчинную шубу и т. д.

Национальные традиции в мужской одежде сохранились больше всего в головном уборе. Папаха до сих пор остается любимым головным убором кумыков. Часто можно видеть кумыка, одетого по-городскому — в гимнастерке и брюках-галифе или в костюме с брюками навыпуск, но в папaxe. Папаху кумыки делают как из овчин местных ягнят — «кьозу-тери», «кёрпе», так и из привозного (из Средней Азии) каракуля. Лучшими считаются серый и коричневый каракуль. Донце папахи обычно делают из белого сукна или полотна.

За последнее время среди кумыков, особенно кумыкской интеллигенции, как сельской, так и городской, широкое распространение получили ушанки, которые шьются из привозного среднеазиатского каракуля с черным или коричневым кожаным верхом. Зимой широко применяются, кроме того, ушанки, приобретаемые в магазине. Летом многие колхозники, кроме пожилых, которые в своей основной массе и в летнее время года ходят в папaxe, носят кепки или фуражки. Шапки кумыки заказывают часто под цвет костюма и из той же материи.

Таким образом, кумыкское мужское население широко пользуется почти всеми видами городской одежды. Только сорочки с короткими рукавами (тенниски), шляпы, галстуки, кашне в сельской местности пока еще употребляются редко.

Большому изменению подверглась и одежда кумычки.

Вышло из употребления платье старого типа — «арсар». Только отдельные пожилые женщины, и то только в некоторых селениях, носят эту одежду. Женские штаны («иалвар») в настоящее время

шьются почти так же, как националь-
ные мужские кальсоны, но немного
пире и короче. Многие молодые жен-
щины низ штанов покрывают мелкими
складками. Часть женской молодежи
пользуется и готовым нижним бельем,
приобретаемым в магазинах. Также
вышло из повседневного употребления
платье «кэбалай». Однако в отдель-
ных домах «кэбалай» продолжает хра-
ниться как семейная ценность; ею поль-
зуется во время выступлений коллекти-
вов художественной самодеятельности
сельская молодежь.

Раньше чем «кэбалай» вышли из
употребления описанные выше широкие
штаны обоих типов. Женщины, как и
прежде, носят туникообразную рубаш-
ку — «тюз гэйлек», но часто она
шьется с кокеткой и сборками ниже
плеч как спереди, так и на спине. Для
такой рубашки требуется 4 м материи,
так как ее шьют широкой, обычно в три
полотнища (одно полотнище, разделен-
ное на две половины, составляет клинья
с двух сторон). Она шьется по традиции
с длинными рукавами, длиной, ниже
колен. Сохранение туникообразной
формы рубашек объясняется, по-
видимому, привычкой кумычек дома
в летнее время ходить в них без платья.
Сохранилась и другая
форма рубашки — «бурушма гэйлек» или «бузма гэйлек» (у
южных кумыков), подвергавшаяся, однако, некоторым измене-
ниям. В отличие от старой формы, она не имеет уже спереди
лифа, вместо него делается кокетка ниже плеч. По-прежнему эта
рубашка шьется из 6—8 м ткани, с юбкой, обычно в четыре—пять
полотнищ. На спине для прочности подшивается подкладка. Эта
рубашка по существу стала одним из видов платья и потому под
нее обычно надевают рубашку первого типа. Многие кумычки стар-
шего поколения называют эту рубашку не «гэйлек», а «капот»,
имея в виду при этом верхнюю одежду. Вообще, «бурушма гэйлек»
является в настоящее время самым распространенным и любимым
видом одежды кумычек среднего и старшего возрастов. Особенно
удобна она летом, во время работы, так как в ней просторно и

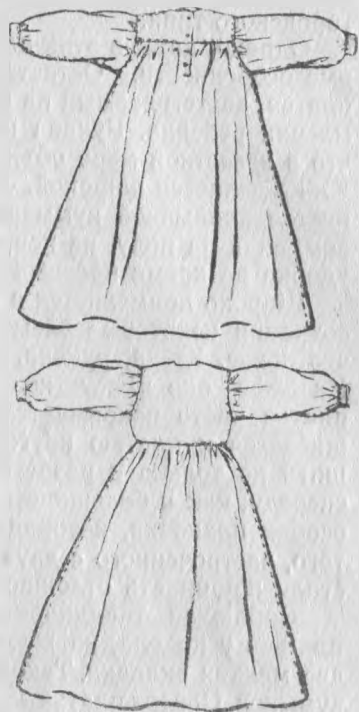

Рис. 46. Современный тип
платья—рубашки бузма гэйлек

прохладно. Девушки и молодые женщины в основном носят платья городского типа.

Однако, даже в этих платьях сохраняются некоторые национальные особенности. Остается, например, разрез спереди на лифе платья, застегиваемый на пуговицы и легко растегиваемый при кормлении ребенка. Рукава платья делаются почти всегда длинными, что в известной мере объясняется сохранением пережитков ислама: Юбка делается широкой, со складками сзади и спереди. Это объясняется привычкой кумычек выполнять часть работы особым образом, сидя на полу, на ковре или паласе. Кроме того, широкая юбка удобна во время полевых работ.

Широко применяется в настоящее время и платье — «ян капот»; сохраняя некоторые элементы старого костюма, оно имеет и кое-что новое. Юбка, рукава, спинка делаются также как у «полуша». На лифе оно имеет кокетку, а грудной разрез — сбоку. Грудь платья часто покрывается большими складками. Пояс чаще пришивается к платью кругом. В последнее время «ян капот» стали шить не только с разрезом сбоку («ян» — бок) но и с разрезом спереди, как и большинство других видов платья. Разрез закрывает особая планочка, которая составляет как бы продолжение пришитого, застроченного с двух сторон пояса. Кроме того, к нему часто стали пришивать отложной воротник.

Соблюдая традиционные формы, многие кумычки на юбках платьев у подола, на всю ширину, делают по одной глубокой и по две мелких складки. Такой фасон платья встречается чаще у южных кумыков. Поверх платья кумычки всех возрастов одевают шерстяные жакетки с длинными рукавами, застегиваемые на пуговицы.

На ногах все женщины, молодежь и пожилые носят фабричную обувь: чупяки (летом), туфли на низком (главным образом) и на среднем (реже) каблуке и резиновые галоши. Туфли на высоком каблуке носит незначительная часть женской молодежи. Летом и зимой женщины и девушки носят чулки. Без чулок не принято показываться в общественных местах. Зимой женщины носят теплые носки. Благодаря усилению связи с городом кумычки широко стали пользоваться известными во всем Дагестане нарядными «ахтынскими носками», изготовляемыми в селениях Ахтынского, Касумкентского, Табасаранского и других районов Южного Дагестана.

На голове кумычки носят платки: шелковые («гюльмелли»), крепдешиновые и шерстяные. Как правило, их покупают готовыми. Многие кумычки, однако, делают их сами из черного и коричневого кашемира, к которому искусно пришивают длинную бахрому. Принято носить платки одноцветные — коричневые, черные, белые и

бордо. Платки красной, желтой и зеленой расцветки употребляют редко, причем только девушки. Кумыкская молодежь широко пользуется и самодельными вышитыми на тюле или вязаными из желтых ниток треугольными, в форме косынки, платками. В городах и некоторых селениях имеются женщины-специалисты этого дела, выполняющие работы на заказ.

Часть женщин, главным образом старшего возраста, по-прежнему носит головной убор — «чутку». Молодые женщины вместо «чутку» повязывают косынку. Пальто носит в сельской местности лишь часть женщин. Теплое пальто им заменяют большие теплые шерстяные шали («къалын явлукъ»), которые покупаются в магазине. Кроме шали, многие женщины носят фуфайку или телогрейку. Пальто обычно носят школьницы и женская интеллигенция.

Детская одежда — почти целиком городского типа. Мальчики носят покупные костюмы, белье и пальто. Иногда шьют им также брюки-галифе. На голове носят ушанки и папахи зимой, кепки и фуражки летом. Национальная папаха на детях встречается реже, чем на взрослых. Обувь мальчиков исключительно городского типа, покупная.

Девочки носят платья с обыкновенной юбкой (с широкой юбкой обычно не делают), сарафаны из гладкой и цветной ткани, кофточку с короткими рукавами, что составляет новый элемент одежды. Подавляющее большинство девочек также носит зимой пальто. Одевают телогрейки, теплые жакетки. Фуфайки, телогрейки (безрукавки) шьют для детей дома, а пальто приобретают в магазинах. На ногах девочки также носят городскую обувь. На голове — платки («чутку» — совершенно не носят). Девочки до 5—7 лет носят также шапочки разных цветов и форм, купленные в магазине. Многих 8-12-летних девочек можно видеть летом и без головного убора, или в легкой косынке.

Выше говорилось о традиционной национальной одежде, об изменениях, которые произошли не только под влиянием города, но и главным образом благодаря победе колхозного строя. Прежде многие семьи не имели смены белья, выходного костюма. Не случайно хозяйка дома принималась за стирку, как правило, ночью. Укладывая спать детей, а порою и взрослых, женщины для стирки снимали с них одежду. Ночью же одежда сушилась у огня, чтобы утром все было одето. Многие пожилые кумычки рассказывают, как они под видом большого держали в постели своих мужей, пока чинили, стирали или же шили новую одежду. На свадьбу было принято просить одежду у родственников, соседей. Многие предпримчивые женщины давали девушкам на свадьбу свои платья

напрокат, за плату. Плата часто взималась какой-нибудь работой в пользу владельца, уборкой урожая, обмазкой крыши и т. д. Недаром в шуточной песне, исполняемой во время танца, говорится:

Яслы-яслы япракълар,
Халкъдан жыйгъан опракълар,
Янгъур авса петерсиз
Этегин-башын булгъап,
Уьюгюзге гетерсиз.

(О, какие крупные листья. На вас платья, собранные со всего общества. Что вы сделаете, если пойдет дождь. Подымете подола платьев и побежите по домам). Бедность заставляла кумыков смотреть на сколько-нибудь приличное платье как на семейную ценность, которая передавалась из поколения в поколение.

В настоящее время каждый кумык имеет по несколько комплектов одежды, в том числе рабочие и выходные костюмы. Последние шьются из дорогих тканей. Особенно разнообразен гардероб женщин. Сюда входит несколько комплектов летней, зимней, выходной и рабочей одежды, несколько пар туфель, платки и т. д.

Анализ национальной одежды кумыков дает право сделать следующие выводы. Кумыкский мужской костюм в основном сходен с мужским костюмом других народов Дагестана. Однако он имеет ряд национальных особенностей. Например, кумыкская мужская шуба шьется в талию и с рукавами, как у обычной одежды. в то время как шуба самого распространенного вида, например, у даргинцев, аварцев и др. или имеет широкий покрой и узкие ложные рукава во всю длину шубы, служащие лишь украшением, или представляет собой меховую накидку. Костюм кумычки также имеет большое сходство с женским костюмом других народов Дагестана. Общедагестанскими, например, являются женская туникообразная рубаха, длинные, суживающиеся книзу штаны, почти одинаковые как для женщин, так и для мужчин, много общего в головном уборе, обуви и т. д. Однако кумыкский женский костюм больше чем мужской костюм имеет свои особенности, отличающие его от костюма других народностей. В отличие от женского платья даргинцев и аварцев, имеющего главным образом туникообразный покрой, все виды платья кумычек шьются в талию. В отличие от лишенного всякого украшения головного убора кумычек, «*чутку*» у многих народов горного Дагестана имеет различные височные и налобные украшения. У отдельных народов аварской группы имеется совершенно оригинальный головной убор, оригинальная также обувь. В то время как кумычки носят квадратные или треугольные платки, у даргинцев

и аварцев женщины носят главным образом длинные, в 3-4 метра полотнища, которые особым образом надеваются на голову.

Кумыкская национальная одежда, как и одежда всех народов Дагестана, имеет много общего с национальной одеждой других народов Кавказа, осетин, адыгейцев, кабардинцев, грузин и др. Общей для всех кавказских народов является, например, хорошо описанная в литературе «черкеска», хотя она у каждого народа имеет свои отличительные черты, обусловленные бытом, занятиями, естественно-географическими условиями и т. д. Анализ этого вида костюма у кумыков, сравнение его с другими видами одежды, данные терминологии и т. д. дают основание считать, что он местного происхождения. Название этого костюма — «черкеска», несомненно, проникло в Дагестан в XVIII—XIX вв. и на наш взгляд со стороны русских. В Дагестане как черкеска в целом, так и каждая его составная часть (бешмет, чоха, ноговицы, башлык и т. д.), имеют свои собственные названия. Для черкески на месте изготовлялось все необходимое и прежде всего — сукно. Вместе с тем нельзя не видеть и отдельные заимствования в одежде, как и вообще в материальной культуре, у народов Кавказа, между которыми издавна существуют культурно-исторические связи. Так, например, кумыкское платье «кѣбалай» или «полуша» во многом напоминает осетинское «кѣба», грузинское «картуликаба». Кумыкские нагрудные украшения «кѣаршума» почти ничем не отличаются от осетинских и кабардинских женских нагрудных украшений.

Не вызывает сомнения, что национальный костюм кумыков, с одной стороны, носит ярко выраженные черты самобытности, а с другой, указывает на древние этно-культурные связи с другими народами Дагестана, а также всего Кавказа: осетинами, адыгейцами, кабардинцами и т. д. Нахождение в течение длительного времени значительной части кумыкского населения в составе Терской области, населенной главным образом осетинами и народами адыгейской группы, также наложило определенный отпечаток на культуру кумыкского народа.

Задачи советских этнографов Кавказа — изучить национальную одежду каждого из его народов в сравнительно-историческом плане. Только тогда возможно, будет четко определить роль каждого народа в создании общего для всех кавказских народов костюма.

instituteofhistory.ru

IV. ПИЩА

Основными продуктами, идущими на приготовление пищи у кумыков, являются продукты земледелия: мука — пшеничная, ячменная, кукурузная, крупы — пшеничная, кукурузная, просяная, а также фасоль, рис и продукты животноводства: мясо, масло, молоко и пр. Кумыкская кухня, кроме того, использует и некоторые огородные культуры: чеснок, лук, кинзу, перец, арбузы, дыни, тыквы, огурцы, а также фрукты.

Все продукты питания, за небольшими исключениями, кумыки производили у себя, в своем хозяйстве, которое в прошлом носило натуральный характер. Картофель, помидоры и капусту кумыки до XIX в. в пищу не употребляли. Они приобретали также у горцев в порядке обмена некоторые продукты животноводства: масло, мясо, сыр, а также покупали в городах сахар, чай, конфеты и пр. В XIX в. у кумыков получают развитие огородные культуры. Появляются помидоры, капуста, картофель, укроп, морковь, бурак и др.

Кумыки, как и все народы Дагестана, употребляли преимущественно мясную и молочную пищу. Из мяса самой ценной считалась баранина, затем говядина. Конину употребляла в пищу часть засулакских кумыков, проживающих по соседству с ногайцами, приготовляя из конины десертные блюда. Чтобы заготовить конину на зиму, ее опускали в особый чесночный раствор на 2—3 недели, а затем сушили на солнце. Приготовленная таким образом конина употреблялась как и всякое другое мясо. Основная часть кумыкского населения не употребляла конину и не резала лошадей на мясо, хотя религия этого не запрещала. Конина употреблялась только в лечебных целях и в случае голода. В то время, как любой другой вид скота (корова, бык, баран и пр.) в случае внезапной болезни немедленно попадал под нож, чтобы можно было использовать его мясо в пищу (мясо павшего скота вообще не ели), лошадь добивали лишь для того, чтобы прекратить страдания животного. Сняв шкуру, труп лошади выбрасывали собакам.

Однако, употребление засулакскими кумыками конины и умение искусно готовить из нее разные блюда наталкивает на мысль, что мясо лошади было в прошлом одним из основных продуктов питания кумыков, который вероятно по ряду причин постепенно вышел из употребления. Возможно, что этому способствовало в частности то обстоятельство, что кумыки, живя в течение многих веков бок-о-бок с другими народами Дагестана, по общему правилу не употреблявшими конину, подверглись их влиянию. Чем больше мы углубляемся в горы от Кумыкской плоскости, тем это влияние ощущается сильнее. Вполне вероятно, что употребление конины было в далеком прошлом принесено на Кумыкскую плоскость тюркоязычными племенами, в частности кипчаками, ногайцами. И до настоящего времени у многих тюркоязычных народов Средней Азии, Казахстана, Поволжья, у казахов, киргизов, узбеков, татар, туркмен и др. конина широко употребляется в пищу.

Свинину кумыки, как и другие народы, исповедывавшие ислам, совершенно не ели, а поэтому свиней не разводили.

Кроме мяса домашних животных, кумыки употребляют и мясо домашней птицы, любили также дичь, которой очень богаты кумыкские леса и степь. Рыбу, несмотря на ее изобилие в Каспийском море и наличие на территории кумыков множества рыбных промыслов, употребляли сравнительно мало. Литературные источники и рассказы стариков дают, однако, основание полагать, что в прошлом рыба имела немаловажную роль в питании кумыков. Описывая прием, устроенный эндириевским владельцем в его палатке, Олеарий рассказывал: «Он велел предложить нашим людям большой котел

осетрины, нарезанной и разорванной небольшими кусочками и вареной с солью, (разлив его) по деревянным корытам, выдолбленным вроде наших, подобного рода, посудин (mulden); кроме того, в особых деревянных сосудах подавалась похлебка из щавеля и коровьего масла, чтобы туда макать рыбу»¹. По данным Тарихи-Дербент-Наме, общество сел. Костек должно было ежегодно платить шамхалу «с каждого дыма по рыбе»².

На широкое употребление рыбы в прошлом указывает и наличие у кумыков своих названий рыбы: «балыкъ» (общее название), «бекра» (осетрина), «яйын» (сом), «иргъай» (лососина), «чортан» (щука), «сазан» (сазан) и др.

Рыбу ели в вареном и жареном виде. Применялось и вяление рыбы на зиму. Старики-кумыки рассказывают, что сушеная рыба шла даже на приготовление хинкала, который в настоящее время делается исключительно из мяса.

Несмотря на любовь к мясным блюдам, большинство кумыкских семей в прошлом употребляло мясо отнюдь не каждый день. Для кумыкской семьи прошлого вполне приемлем отзыв Г. Амирова, который писал: «Горец — большой охотник до свежего мяса, но ему оно достается очень редко»³.

Повседневной пищей большинства кумыков были постные блюда: супы, каши, в лучшем случае заправляемые бараньим или говяжьим жиром, и пироги с начинкой из трав, приготовлявшиеся подчас вообще без всяких жиров и сладостей. Коровье и буйволиное молоко шло в пищу в сыром или кипяченом виде. Из молока получали сметану («кзаймакъ»), кислое молоко («ювурт»), простоквашу («чий»), творог («бишлакъ»), из кислого молока — особый вид творога — «сюзма».

«Кзаймакъ» получали путем отстаивания молока. Для этого молоко летом ставили в глиняных и медных луженых сосудах в глубокие ямы («кур»), где оно стояло примерно в течение недели. Потом сосуд выносили и снимали сверху сметану. В летний жаркий день не только холодная сметана, но и холодная простокваша была лучшим средством утоления жажды. Сложный процесс получения сметаны обязывал каждую хозяйку запастись большим количеством глиняной и медной посуды. Глиняные сосуды после трех-четырёхкратного использования для отстаивания молока выставляли на солнце на несколько дней для сушки, ибо посуда впитывала в себя

¹ Олеарий, указ. соч., стр. 510.

² Тарихи-Дербент-Наме, стр. 177.

³ Амиров, Среди горцев Северного Дагестана, ССКГ, 7, 1873, стр. 8.

Рис. 47. Масlobойка—суйреме

и овечьего молока делали сыр («кзой бишлакъ»). Он обычно приготавливался весной или осенью. Закваской служил желудок новорожденного ягненка, которым разбалтывали теплое молоко, которое примерно через час свертывалось. Такое молоко у кумыков называлось «берте». «Берте» затем наливалось в редкий мешок из кендыря или шерсти и подвешивалось, чтобы стекла сыворотка. Готовый сыр небольшими кусками клали в бурдюк, большие глиняные сосуды или кадушку (у северных кумыков).

Сыр кумыки приготавливали и из коровьего молока, применяя ту же процедуру. Этот сыр назывался «мая бишлакъ». Обычная же простокваша шла на получение творога. У южных кумыков принято было в прошлом излишки творога хранить на зиму. Для этого простокваша, как только она наливалась в редкий мешок для процеживания сыворотки, ставилась под круглый плоский камень, чтобы творог приобрел форму кумыкского хлеба. Потом его или резали маленькими кубиками и опускали в соленый раствор или же сушили

сыворотку, что могло затем способствовать преждевременному свертыванию молока и нарушению процесса отстаивания сметаны.

Из сметаны сбивали масло — «май» (у северных кумыков) или «яв» (у южных кумыков). Для сбивания масла пользовались глиняными кувшинами — «суйреме». Вместе со сметаной в кувшин-масlobойку наливали равное количество воды и мешали, раскачивая кувшин на полу. Вода, поскольку она тяжелее сметаны, сильно ударялась о стенки кувшина и ускоряла процесс сбивания масла. Жидкость, которая оставалась после отделения масла, называлась «айран».

Таким же образом приготавливали масло и из кислого молока. «Айран», полученный при сбивании масла из сметаны и кислого молока, пили, как указывал Броневский, вместо кваса. Из козьего

молока, вместо кваса. Из козьего

молока, вместо кваса. Из козьего

на солнце, чтобы в нужное время растереть и употреблять, размешивая со сметаной или в молоке.

Сыры и творог в питании кумыков играли большую роль. В прошлом бедные семьи, которые не имели молочного скота и для которых мясо и масло были только праздничным блюдом, покупали творог, обычно соленый, и ели его с хлебом, заменяя им часто горячие блюда. На это в свое время указывал Свидерский. «Для туземца, — писал он о южных кумыках и даргинцах Кайтаго-Табасаранского округа, — регулярный стол в виде жидкой горячей пищи составляет не особенно частое явление и нередко ему приходится довольствоваться одним эмеком (хлебом — С. Г.) и кусочком сыра»¹.

Все блюда кумыкской кухни можно разбить примерно на три группы: жидкие блюда, вторые блюда и всевозможные печения. Однако кумыки в прошлом редко разделяли эти блюда на первые или вторые. В обычной семейной обстановке ограничивались чаще всего одним из этих блюд.

Самым распространенным и любимым жидким блюдом всех дагестанских народов, в том числе кумыков, было и остается «хинкал» («гынкал» — у северных кумыков, «хинкле» — у южных кумыков)². Его готовили следующим образом: варили жирный бульон из хорошего мяса (без лука и круп), отдельно замешивали некрутое пшеничное тесто, резали его на маленькие квадратики и опускали в кипящий бульон, когда мясо было почти готово. Кусочки теста, сваренные в жирном бульоне, и назывались собственно хинкалом, хотя этим термином принято также называть все блюдо в целом.

Кумыки готовили хинкал нескольких видов (къалын гынкал, юкъа гынкал, сыр-сыр гынкал и т. д.), заправляя его разной подливкой: из сметаны, кислого молока, орехов, томата и т. д., и ели обязательно с чесноком. Делали хинкал и из кукурузной муки — «гьалтама». «Гынкал» готовили не только с мясом, но и с особого вида колбасой — «сокъа» (у северных кумыков) или «нак» (у южных кумыков). Для этого кишку барана или коровы наполняли фаршем, приготовленным из печени с рисом, перцем и солью, затем завязывали с двух сторон и, проколов иглой в нескольких местах, опускали в котел. Вместе с такой колбасой варили и желудок, который наполняли внутренним жиром, луком, перцем и, придав форму кол-

¹ П. Ф. Свидерский, указ. соч., стр. 55.

² Хинкле — называют это блюдо и даргинцы, говорящие на некоторых диалектах. На литературном даргинском языке хинкал называется «хинкли».

басы, закручивали тонкой бараньей кишкой. Эта колбаса называлась «явѣѣрме». «Сокьба» и «явѣѣрме» кумыки ели редко; их, как правило, приготавливали в то время, когда резали дома барана или другую скотину.

В пище кумыков широко были распространены супы — «шорпа». Они приготавливались с фасолью («бурчакъ шорпа»), рисом («дугу шорпа»), лапшой («илашгъа шорпа») с мелкими кусочками теста («умаг шорпа») с пшеничной крупой («ярма шорпа»). Во все эти виды супов, кроме молочных, клали в большом количестве лук, летом — зеленый, перец, кислую пастилу из слив или дикой алычи, или же кислое повидло из кизила или сушеную курагу. Все эти супы готовили в луженых медных котлах, реже в чугунных, еще реже — в эмалированных. Только один из видов супа, а именно «къаба шорпа» (по-азербайджански — «питу») принято было варить в глиняном сосуде (къаба — кувшин или сосуд, шорпа — суп). Для этого в сосуд наливали воды, клали небольшими кусками мясо, горох, или при отсутствии гороха — фасоль, все приправы и зарывали сосуд в уголья, оставляя его открытым только сверху. Суп в горячей золе варился медленно и бывал готов лишь через несколько часов. Такой суп готовили обычно в зимних условиях, когда кто-нибудь из членов семьи рано утром отправлялся в путь. Кроме того, в прошлом такой суп приготавливали на ночь во время религиозных постов — «ураза», когда верующие должны были держать днем пост, есть только вечером и под утро. Ложасть спать, кумычки зарывали сосуд в золу и под утро ели готовый суп.

Одним из повседневных блюд кумыкской бедноты был и суп «гьаливахудур», который на наш взгляд является наиболее архаичным, самым простым по способу приготовления, кушаньем. Раньше такой суп давали больному вместо чая. Для этого супа поджаривали муку в масле, как халву. Когда мука становилась почти коричневого цвета, к ней примешивали мелко нарезанный лук и эту смесь жарили опять. Затем заливали кипяченой горячей водой и размешивали. В суп этот засыпали много перца.

В отличие от остальных кумыков жители селения Каякент, подобно азербайджанцам и табасаранам, готовили, да и сейчас готовят, суп из кислого молока, или «айрана» («айран-шорпа» или «довгъа»). Это служит одним из многих доказательств наличия этнических связей жителей сел. Каякент с азербайджанским народом.

Таковы основные данные о первых блюдах кумыков в прошлом.

Описывая вторые блюда, оговоримся, что у кумыков в обычной обстановке подается один из видов кушанья: или первое (суп) или

второе. Готовили этого кушанья вдоволь, чтобы хватило всем членам семьи. Когда готовили одно первое, старались класть побольше мяса, чтобы это блюдо заменило и второе.

Одним из самых любимых у кумыков вторых блюд было «кюрзе» (пельмени). «Кюрзе» делали с начинкой из мяса («эт кюрзе»), творога («бишлакъ кюрзе»), молока с яйцами («юмурткъа кюрзе»), тыквы («къабакъ кюрзе»), бараньего или коровьего ливера («ичкъарны кюрзе»), крапивы («къычыткъан кюрзе»). В отличие от мясных пельменей, в которые мясной фарш кладется в сыром виде, ливерные пельмени начинялись полувареным ливерным фаршем. Чтобы приготовить «кюрзе» из тыквы, делают начинку из вареной тыквы с толчеными орехами, маслом, поджаренным на сале луком, перцем. Готовят тесто так же, как и для пельменей, и варят обычным порядком. Кумыки широко употребляли в пищу различные травы, в том числе и молодую крапиву — «къычыткъан». С начинкой из крапивы делали «кюрзе» и «чуду» (чубуреки). Начиная с марта месяца женщины или дети собирали в садах крапиву, которая растет на плоскости в большом количестве. Рубленую как мясо молодую крапиву сначала варили на молоке или воде, разбавляя поджаренной на масле мукой. Когда состав густел как каша, его снимали с огня и прибавляли толченые орехи. Варили такие пельмени так же, как и пельмени с мясом.

Другим национальным кушаньем кумыков является «долма»¹. «Долма» — это вид голубцов. Мясной фарш для «долмы» приготовлялся так же, как и для голубцов — с рисом, луком, перцем, душистыми травами, но заворачивались они в молодые виноградные листья. Обычно «долму» варили в луженых медных кастрюлях с толстым дном, чтобы она не подгорела. Подавая «долму» на стол в тарелках, кумыки заливали ее соусом, приготовленным из толченого чеснока и сметаны, а при отсутствии сметаны — из кислого молока. С появлением капусты стали делать и голубцы — «хануста долма» (у северных кумыков) или «келем долма» (у южных).

К числу национальных блюд относится и шашлык — мясо, поджаренное на вертеле на горячих углях, известное у кумыков под названием «чишлик» («чиш» — вилка, вертел, «лик» — словообразующий суффикс). Для шашлыка обычно употребляют мягкие куски мяса. Осенью, зимой и раннею весной богатые семьи специально держали свежее мясо для шашлыка, причем перед тем как готовить

¹ Нам думается, что это название происходит от тюркского слова «долдурма» («долдур» «наполняй», «ма» — словообразующий суффикс), или от «толгурма». Можно привести ряд аналогий: бастырма, къувурма, ярма и т. д.

шашлык мясо оставляли на несколько часов в уксусе, заправленном луком, перцем, душистыми травами. Кумыки делали шашлык также из сушеного мяса и сушеной колбасы. Разновидностью шашлыка было жареное в луженых сковородках мясо — «кбызартган эт»: мясо жарили с луком и заливали уксусом.

Из мяса делали «чыгъыртма». Для этого мясо, главным образом курятину, резали на небольшие кусочки и варили в небольшом количестве воды. Туда же опускали крупно нарезанный лук, кислую пастилу, красный перец и кинзу. Когда все это было готово, добавляли сырые взболтанные яйца.

Широкое распространение имела яичница — «кбоймакъ» (у северных кумыков) или «хайгина»¹ (у южных кумыков) которую делали не из целых яиц, а взбитывая их как для омлета.

Состоятельная часть населения в качестве праздничного кушанья или для гостей готовила плов — «аш» или «пилав». Трудно сказать, у кого заимствовано это кушанье. Известно, однако, что еще в XVIII в. теркеменцы Кумыкской плоскости и теркеменцы Кайтагского уцмийства сеяли рис, который употребляла в пищу состоятельная часть местного населения. Поскольку на Кавказе и Средней Азии плов готовили и готовят по-разному, опишем способ его приготовления у кумыков.

Рис варили в подсоленной воде не до полной готовности, затем процеживали в специальном медном сосуде с решетчатым дном, цедилке — «сюзгюч» или «аш сюзеген». Отделенный от воды рис засыпался в котел с кипящим коровьим маслом и отстаивался на легком огне на 40—50 минут плотно закрытым сверху медным подносом («тепси»). Время от времени стряхивались капли воды, оседающие на подносе. В таком положении рис ни в коем случае не размешивали. Одновременно резали на небольшие кусочки баранину и варили ее в небольшом количестве воды. Туда же опускали много крупно нарезанного лука, кислую пастилу, красный перец и кинзу. Готовый рис принято было класть на большие фарфоровые блюда — «лимча» или просто на луженый медный поднос — «тепси». Рис, уже приготовленный в тарелках для подачи на стол, заливался кипящим маслом и подливкой. Поверх всего этого аккуратно раскладывались куски вареной в подливке баранины.

¹ У даргинцев — тоже «хайгина», у аварцев — «хайгин», у азербайджанцев — «кбайгъанакъ»; нам думается, что слово «хайгина», как и «кбайгъанакъ», тюркского происхождения, неясно, имеет ли к этому отношение слово «кбоймакъ».

Плов готовили и другими способами, в том числе среднеазиатским. Так, мясо предварительно поджаривали в масле, туда же опускали лук, перец и пр., а затем клали сверху слегка недоваренный рис и ставили на легкий огонь. Благодаря общению с другими народами, кумыки нередко перенимали их способы приготовления кушаний, в том числе и плова. Во время праздников, свадеб или похорон, для большого числа людей, чаще, чем плов, готовили мясной соус без картофеля — «бозбаш». Некоторые кумыки его называли и «къувурма». «Бозбаш» готовился точно так же как подливка для плова, но в больших луженых медных котлах. «Бозбаш» принято было подавать на стол в фарфоровых или фаянсовых пиалах, которые имелись в доме каждого более или менее состоятельного кумыка.

Употребляли кумыки и разнообразные каши. Варили их как из пшеничной, так и кукурузной крупы, пшеничной муки, риса, тыквы и пр. Кашу из пшеничной муки — «тахана» (у северных кумыков), «дахни» (у южных кумыков)¹ варили как мамалыгу. Подавая на стол «тахану» в тарелках, ее заливали маслом, смешанным с медом и «урбечом» («урбеч» приготавливался в Дагестане у даргинцев, аварцев и лакцев из семян кендыря). «Дахни» у южных кумыков считалось исключительно женским блюдом, которое обычно давали роженицам. Кашу из пшеничной или кукурузной крупы — «ярма», которую более всего употребляли в бедных семьях, готовили на молоке и на воде. Если готовили на воде, то заправляли поджаренным луком и маслом.

Рисовую кашу — «чилав» (у северных кумыков) или «ширкъай»² (у южных кумыков) принято было делать на молоке, иногда и на воде. У южных кумыков «чилавом» называли тоже рисовую кашу, но приготовленную с диким щавелем («ат къулакъ»), в которую клали еще масло и сырые яйца. Из пшеничной крупы южные кумыки готовили особый вид каши «къувурма ярма». Чтобы приготовить крупу для такой каши, пшеницу в зерне предварительно поджаривали и мололи на ручной мельнице. Полученную крупу опускали в кипящую воду, так, чтобы вода покрывала ее, и ставили на легкий огонь. Разложенную на блюдо кашу заливали маслом и бозбашом, приготовленным так же, как и для плова. Искусно приготовленная «къувурма ярма» нисколько не уступала плову. Отсутствие этого блюда у северных кумыков, как основной части кумыкского населения, и наличие в соседнем Кайтаге (у даргинцев)¹ и

¹ У даргинцев — «дахни».

² Рисовую кашу даргинцы тоже называют «ширкъай».

Табасаране каши, приготовляемой по типу «къувурма ярма» из полбы («перунж»), произрастающей как в Кайтаге, так и в Табасаране, указывает на заимствование южными кумыками способа приготовления «къувурма ярма» у своих соседей. Так как полба не росла на территории южных кумыков, то они кашу готовили из лучшей пшеницы — «сари будай».

Мы здесь дали далеко не полный перечень основных национальных кушаний кумыков. В каждом районе, в каждом селе в приготовлении кушаний имелись и свои особенности, специфические приемы, даже совершенно новые блюда.

Кумыкские женщины обладали большим умением в деле приготовления хлеба, всякого рода мучных изделий, пирогов, халвы и пр. Хлеб они пекли как из пшеничной, так и из ячменной и кукурузной муки. В прошлом бедность не позволяла большинству кумыков есть пшеничный хлеб. Народ в большинстве своем ел ячменный хлеб, а позднее, с появлением кукурузы, и кукурузный.

Хлеб — «этмек», «аш» кумыки готовили в разных видах, как из кислого теста — «хамур этмек», так и из пресного — «къысыр этмек» (у северных кумыков) или «къысыр плацлары» (у южных). Все же предпочитали хлеб из кислого теста — «хамур этмек». Дрожжей кумыки не употребляли. Для закваски пользовались жидким кислым тестом — «хамурдан», постоянно сохранявшимся в каждом доме. Пресный хлеб чаще всего готовили в случае занятости или же в связи с непредвиденным приездом гостей, когда нужно было быстро подать на стол. Из кислого теста делали также несколько сортов хлеба: мягкий — «хамур этмек», хлеб, для которого тесто долго дважды месилось — «маятыкъ этмек» (у северных кумыков) или «цан плацлары» (у южных кумыков) и т. д.

Тесто для хлеба приготовлялось в деревянном корыте. Несдобное кислое тесто делалось мягче, чем некислое тесто. Хлеб пекли в виде больших круглых лепешек, весом 600—900 граммов. Для отдельных случаев, связанных с обрядами, хлеб — «гулече» пекли весом 1500—2000 граммов. Из кукурузной муки готовили только пресный хлеб — «мичери». Для этого муку заваривали кипящей водой и размешивали деревянной ложкой. Хлеб делали пока тесто было горячим, чтобы легче было придать ему плоскую и круглую форму. Пекли хлеб, а также всевозможные пироги — «чуду» в печках — «кёрюк», поставленных во дворе, под навесом или на веранде — «догъа» нижнего этажа дома. Как правило, печи сооружались не в каждом доме, а в количестве двух-пяти на целый квартал — «авул». Печи эти топилась ежедневно теми, кто желал испечь хлеб. В целях экономии топлива хозяйки нередко объединялись и топили

печь вместе. Зимой принято было печь хлеба на 2—3 дня, а летом — на каждый день. Так как у печки собиралось много женщин, ожидающих своей очереди и беседующих на разные темы, то у печи сажали опытную женщину, которой другие передавали для печения тесто, разложенное на широкой лопаточке с длинной ручкой.

В отличие от русских печей, а также южно-дагестанских и азербайджанских тондуrow, кумыкская печь топилась непрерывно; легкие «этмеки» быстро выпекались, освобождая место другим. Время от времени печь совершенно освобождалась от хлебов, чтобы сильным огнем разогреть ее дно, на котором пеклись хлебы.

В тех случаях, когда условия погоды не позволяли пользоваться «кёрюком», хозяйки довольствовались комнатным камином и пекли хлеб в горячей золе. Для такого хлеба — «от этмек» готовили большое и очень крутое тесто. Пекли его очень медленно, заменяя иногда остывшую золу горячей. Буханка нередко весила 8—10 кг и ее хватало на сутки целой семье. Следует отметить, что кумыки других способов печения хлеба, кроме двух указанных, не знают. Широко распространенные в Южном Дагестане и в Азербайджане печи — «тондуры» кумыкам не известны.

Кумычки приготавливали множество всевозможных сладких и несладких сдобных хлебов. Для сдобного хлеба, который каждая хозяйка старалась состряпать к праздникам и другим торжественным дням, тесто готовилось на молоке и масле, куда добавляли иногда и яйца. Такой хлеб назывался «назик» (у северных кумыков), «къалач» или «пенжекеш» (у южных кумыков). Его приготавливали или круглым, как обычный хлеб, или продолговатым. На этом хлебе делали вилкой всевозможные узоры. Другой вид сдобного хлеба — «майлы этмек» (слоенка), т. е. хлеб с маслом. Делали «майлы этмек» из кислого и из пресного теста. Для этой слоенки очень тонко раскатанные листы теста промазывали маслом, укладывали один на другой в несколько слоев широкими полосками, которые снова скатывались в формы плоского круглого хлеба и пеклись в печке на легком огне.

Из пирогов следует назвать прежде всего пирог с творогом — «бишлакъ чуду». В творог принято было класть толченые орехи, масло с поджаренным луком, перец, душистую траву — кинзу или яруз-мяту. «Эт чуду» — пирог с мясом делали из мясного фарша, приготовленного так же, как и для пельменей. «Ич къарны чуду» готовили с такой же начинкой, как «ичкъарны кюрзе». «Къоз чуду» — пирог с орехами готовили с начинкой из толченых орехов, смешанных с мелкими кусками курятины или баранины, с луком и кислой пастилой. «Къабакъ чуду» — пирог с тыквой делали из

вареной или из сырой тыквы, добавляя поджаренный на масле лук, поджаренную на масле муку, толченые орехи. Если «чуду» делали из сырой тыквы, то ее предварительно нарезали мелко и, пересыпав солью, отжимали через некоторое время сок. «Къычиткъан чуду» — пирог с крапивой делали с начинкой, приготовленной так же, как и для «къычиткъан кюрзе». Пирог делали и из других местных трав. На молоке готовились особого вида пироги — «чий чуду», «буршуна». «Чий чуду» (у северных кумыков) или «сини чуду» (у южных кумыков) — собственно «пирог на подносе». Для «чий чуду» готовили жидкое тесто из пшеничной или кукурузной муки на молоке, как для блинов, клали туда масла, луку, душистой травы, затем это тесто пекли на медном подносе или сковородке на медленном огне, наподобие толстых блинов. Подрумяненные «чуду» переворачивали другой стороной и заливали сметаной, делая при этом ложкой в тесте ямки, и снова ставили поднос на огонь. «Буршуна» делали только из пшеничной муки, так же, как «сини чуду» с той лишь разницей, что жидкое тесто выпекалось не на подносе, а на тонко раскатанной пшеничной лепешке, предварительно подсушенной на огне.

Из яиц готовили «кёрюк кьоймакъ» (печная яичница), или «оймакъ кьалач» (у южных кумыков). Для этого предварительно пекли из как можно более крутого теста «кьалач» в форме глубокой тарелки. Когда он начинал румяниться, его снимали, наливали в него молоко с разболтанными в нем яйцами и маслом и ставили снова в печь, где «кьалач» допекался. «Кёрюк кьоймакъ» или «оймакъ кьалач» был главным образом детским блюдом и его готовили в небольшом объеме, отдельно для каждого из детей.

Как мы отмечали выше, кумыкскую кухню значительно разнообразили травы, которые в изобилии растут в поле и в садах. Эти травы входили в состав многих блюд, служили начинкой. Делали, например, пироги с начинкой из черемши — «халияр чуду», лука — «согъан чуду», трав, известных под названием «джулаа», «карзама» (у северных кумыков) или «цлингъа» (у южных кумыков)¹ Пироги из этих трав готовили повсюду одинаково. Для этого мелко нарезанный лук, черемша и др. мешали с подливкой, приготовленной из поджаренной на масле муки, сырых яиц и толченых орехов, и пекли так же, как пироги с мясом или творогом. Делали «чуду» с начинкой из конского щавеля — «аткъулакъ чуду» («аткъулакъ — конское ухо»). Этот вид «чуду» было повседневной едой кумыкской бедноты в прошлом, ибо для его приготовления ничего не требова-

¹ Даргинцы кайтагского диалекта тоже называют эту траву «цлингъа».

лось, кроме самой травы, соли и теста. Для всех названных видов «чуду», за исключением «чий чуду», использовалось пресное и тонкое раскатанное тесто. «Чуду» делали полуоткрытым сверху («бишлашкъ чуду», «эт, чуду» и т. д.), или совершенно закрытым («кэбабак чуду», «халияр чуду», «аткэулакъ чуду» и др.). Они могли быть круглыми как хлеб или в форме полумесяца.

Из сладких кушаний кумыки прежде всего предпочитали халву. Ее готовили разных сортов: «ун гьалва» (мучная халва), «увмач гьалва» (халва из мучной крупы), «илашгъа гьалва» (халва из лапши), «кэоз гьалва» (халва из орехов), «дугу гьалва» (халва из рисовой муки) и пр.

Для приготовления «ун гьалвы» хорошую пшеничную крупчатку жарили в масле, постоянно помешивая так, чтобы вся мука прожарилась в масле. Когда мука становилась румяной, ее снимали и, дав немного остыть, смешивали в определенной пропорции с пчелиным медом или густым сахарным сиропом или медом из виноградного сока — «тушан». «Увмач гьалва» готовили из пшеничной муки. Муку обрызгивали водой, потом руками перетирали так, чтобы получились крохотные кусочки теста, напоминающие крупу. Просушенная на солнце или печке, эта мука поджаривалась в масле так же, как и при приготовлении «ун гьалва», но заправлялась непременно «тушаном» (виноградным медом). «Дугу гьалва» готовилась из рисовой муки таким же образом, как и «ун гьалва», и также заправлялась пчелиным медом или густым сахарным сиропом. «Кэоз гьалву» делали целиком из орехов, в сиропе, приготовленном из «тушана» с яичными желтками. С появлением лимонной кислоты — «лимон туз», халву из орехов стали готовить в густом сахарном сиропе, куда клали и лимонную кислоту. Для халвы и пахлавы ядра орехов очищали от тонкой кожицы, для чего эти ядра слегка поджаривали вместе с отрубями.

Для торжественных случаев халву готовили заранее. При этом халва, которую резали на куски квадратиками или ромбами, укладывалась на большие медные подносы. Эти куски потом складывали на блюдо и подавали на стол.

Любимым праздничным лакомством считалась пахлава. Для пахлавы замешивали сдобное тесто (на масле, яйцах), затем тонко раскатывали 7—8 лепешек, каждую лепешку, укладывая одну на другую, мазали маслом и посыпали смесью из толченого ореха и сахарного песка. Помазав сверху яйцом, пахлаву ставили в печь на легкий огонь. В горячем виде пахлаву разрезали ромбиками, иногда, залив медом, снова ставили в печь на несколько минут.

Другим видом сладкого печения являлось «гулеме» (у южных кумыков) или «гьалва кьалач» (у северных кумыков). «Гулеме» приготавливали из слоенного теста, внутри которого клали «ун гьалву». На «гулеме» принято было делать узоры наперстком, предварительно помазав его яйцом. «Гулеме» обычно делали мелкими, в виде коржиков и пекли также на легком огне. «Гулеме», как и халва и пахлава, делались кроме праздников еще и в дорогу, так как они не портились.

Трудно точно выяснить происхождение этих двух видов печенья. Нам думается, что слова «пахлава» и «пехлеви» имеют одно происхождение. Вполне возможно, что печенье «пахлава» заимствовано народами Дагестана у персов. Что касается термина «гулеме» (другое название «шекер кьалач»), то он, на наш взгляд, тюркского происхождения. Вполне вероятно, что «гулеме» — это «гуллеме» и происходит от глагола «гуллемек» (покрывать узорами, цветами) и «ме» — словообразующий суффикс. В самом деле, это печенье сверху покрывалось особыми узорами.

Зимой и ранней весной кумычки готовили из первосортной пшеницы и пшеничной муки «салат» (у северных кумыков), «семене» (у южных). «Семене» — сладкое кушание в виде повидла. Для приготовления его смачивали водой пшеницу, примерно килограмма три, на другой день пересыпали ее в полотняный мешочек и ставили в теплое место. С первым появлением ростков пшеницу пересыпали на большие медные подносы, которые ежедневно сбрызгивались теплой водой. Примерно через неделю ростки достигали 8—10 сантиметров высоты. Затем проросшие семена, истолченные в большой деревянной ступе, опускали вместе с полученным соком в воду и после тщательного размешивания пропускали через сито, чтобы отделить шелуху. Полученную жидкость замешивали не густо мукой и ставили варить в больших толстых котлах («багьыр кьазан») на сильном огне. Время от времени, когда сок становился густым, наливали воду и варили до тех пор, пока «повидло» не делалось коричневым. Обычно для приготовления «семене» хозяйки объединялись в группу в 5—6 человек и готовое «семене» делили по количеству муки, израсходованной каждой. Хорошо приготовленное «семене» по вкусу и качеству действительно напоминало повидло и являлось любимым блюдом кумыков, хотя из-за трудности приготовления его ели не часто.

У богатых кумыков употреблялось и разного вида варенье — «мураба». «Мураба» делали из кизила, вишни, садового терна, айвы, значительно реже из сливы.

Большую роль в пище играли фрукты — «емишлер», виноград —

«Юзюм» и овощи, в изобилии произрастающие в каждом селении. Яблоки, груши, айва, сливы, арбузы, дыни, виноград ели в качестве второго или третьего блюда. Большим подспорьем в питании были также дикорастущие фрукты, ягоды и орехи, которыми изобилуют леса и поля кумыков (дикий виноград, дикие груши, яблоки, айва, шишки, алыча, дикий терновник, орехи грецкие и лесные и пр.).

Переходя к характеристике напитков, прежде всего упомянем о самом древнем алкогольном напитке, известном у кумыков под названием «буза» (брага). «Бузу» кумыки приготавливали почти так же, как и другие народы Дагестана¹. Для этого замешивали тесто из смеси ячменной и кукурузной муки и оставляли его на целую неделю, пока оно не станет кислым. Затем это тесто, замесив в виде хлебов, ставили в горячую печь. Готовый хлеб опускали в воду, чтобы он стал мягким. После этого хлеб выжимали и воду для очищения от шелухи пропускали через чистую мешочную ткань. В полученную хлебную жидкость засыпалась в определенной пропорции мука из ячменного солода — «салат». Вся эта смесь еще раз перемешивалась хорошенько и оставлялась для брожения на 10—12 дней, после чего «буза» считалась готовой. «Буза» употреблялась как в обычной обстановке, так и на свадьбах и в прочих торжественных случаях.

Другим национальным и, судя по данным фольклора, очень древним алкогольным напитком была «джапа» (у северных кумыков) или «чаба» (у южных)², которая употребляется кое-где и в настоящее время. Этот напиток очень приятен на вкус и почти такой же крепости, какую имеют многие сухие вина. Для приготовления «джапы» наполняли виноградом мешок и били, большей частью мяли ногами, до тех пор, пока не будет выжат весь сок. Полученный сок кипятили в большом луженом медном котле до испарения определенной части влаги. Полученный напиток переливали в глиняную посуду, закрывали и оставляли для брожения, часто даже зарывали сосуды с напитком в землю. После этого напиток считался готовым.

Наличие больших виноградников на территории, заселенной кумыками еще в хазарский период, указывает на возможность широкого употребления напитков из винограда еще в древности. Распространение религии ислама, совершенно запрещавшей употребление каких бы то ни было алкогольных напитков, привело к сокращению виноделия у кумыков в более поздний период.

¹ См. А. Омаров, Как живут лаки, ССКГ, III, 1870, стр. 32.

² У даргинцев тоже «чаба».

Другими традиционными напитками кумыков были «*муселлес*» и «*цикней*», которые также представляли собой кипяченый виноградный сок. В отличие от «*джапа*» кумыки употребляли их в качестве легких сладких напитков, при приготовлении не оставляли для брожения и кипятили дольше. Автор большой работы по кумыкам Вейсенгоф указывал на сходство кумыкского муселлеса с венгерским вином¹. Из виноградного же сока изготавливали особый виноградный мед — «*тушан*», который имел широкое употребление.

Широко употреблялся также сладкий напиток — «*шербет*» (сладкая вода). Он имел, как правило, ритуальное значение, т. е. употреблялся во время свадебных торжеств. Каждая невеста, к какому бы сословию она ни принадлежала, должна была, отправляясь в дом жениха, брать с собой кувшинчик с шербетом. Все родственницы ее будущего мужа должны были попробовать этот напиток и пожелать при этом молодым сладкой, радостной жизни.

Прохладительным напитком был еще «*айран*», о котором речь шла при описании молочных продуктов.

Из заимствованных напитков следует назвать прежде всего чай. Чай и сахар, благодаря торговле с Востоком, в частности транзитной, проникли в Дагестан, вероятно, очень давно. Однако чай употребляли кумыки мало. Он был достоянием только феодальной знати. Незажиточные семьи использовали для заварки сушеные листья айвы, конского щавеля, плоды шиповника, мяту, чебрец, а вместо сахара — «*тушан*» и сухофрукты — «*къакъ*». Северные кумыки, особенно засулакские, широко употребляли калмыцкий чай, приготовляемый на молоке, с маслом и солью. Как показывает само название, этот чай, по всей вероятности, стал распространяться у кумыков с XVIII в., со времени появления калмыков у берегов р. Терека. Широкому распространению калмыцкого чая у северных кумыков способствовали также их соседство и тесные культурно-экономические связи с ногайцами, проживавшими издавна по берегам Сулака. Калмыцкий чай «*къалмукъ чай*» у южных кумыков совершенно не употреблялся. Вместо чая в бедных семьях широко пользовались жидким кушаньем «*гьалва хидир*», которое давали всем больным, особенно в случаях простуды.

Несмотря на религиозный запрет, на свадьбах и других торжествах состоятельные кумыки употребляли и спиртные напитки, прежде всего вино — «*чагъыр*». Жители сел. Кумторкала, например,

¹ Вейсенгоф, Очерк состояния орошения в Терской области, ЦГИА Груз. ССР. ф. 5, оп. 1, д. 8256, л. 16.

были в XIX в. лучшими виноделами. Виноделие получило развитие и на Кумыкской плоскости, главным образом в Муцал-ауле. Из привозных крепких напитков употреблялась только водка — «аракты».

Заканчивая характеристику способов приготовления пищи и напитков, скажем несколько слов и о заготовке продуктов на зиму.

Прежде всего, кумыки делали запасы муки на весь зимний период, так как мельницы, работавшие на воде мелководных горных рек, зимой часто бездействовали. Кроме того, летом и осенью удобно было мять и сушить зерно на солнце. У кумыков существовала также традиция вялить мясо на весь зимний период. Это, как нам представляется, было вызвано многими причинами и прежде всего замкнутым натуральным хозяйством, отсутствием базаров, где можно было покупать и продавать излишки, и условиями отгонного скотоводства. Убой скота происходил осенью, когда скот имел наиболее высокую упитанность.

Итак, каждая семья старалась запастись сушеным мясом, так как зимой было трудно купить его. Осенью каждый проезжающий мог определить, кто в селении беден, кто богат, по числу туш («шульме») или количеству мяса, висевших на веранде. В то время, как богатые семьи резали по 40—50 баранов, а также крупный рогатый скот, бедняки часто не могли зарезать и одного барашка.

Вяление мяса происходило следующим образом. Тушу барана или коровы, очистив от внутренностей, разрубали вдоль, удаляя позвоночные кости. Затем туша распластывалась, отделялись ребра, передние ноги с лопаткой, задние ляжки, курдюк (у овцы или барана). Кости позвоночного столба сразу же шли на кухню, пока был свеж костный мозг. Подготовленное таким образом мясо обычно солили в деревянных корытах. Мясо пропитывалось солью в течение двух дней, затем вывешивалось на воздух до полного провяливания. До недавнего времени южные кумыки, как и их соседи даргинцы, сушили мясо в помещении, называемом «тавчу». Мясо приносили в это помещение и подвешивали к потолку над очагом после того, как слегка провяливали на воздухе. Дымом, который распространялся по всей комнате, мясо коптилось. С исчезновением «тавчу уй» исчез и этот способ вяления мяса.

Сушили и колбасу («ичек»). Фарш для такой колбасы готовили точно так же, как для пельменей, но добавляли в него много уксуса и барбариса. Засулакские кумыки делали колбасу и из мяса лошади, называя ее «къазы», точно так же, как среднеазиатские народы. Кумыки делали также запасы всевозможных фруктов, орехов и

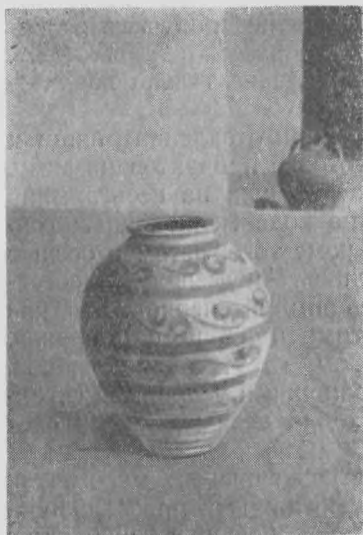

Рис. 48. Глиняный сосуд для консервирования фруктов — кумес

овощей. Фрукты, главным образом яблоки, груши, айва, хранили в сетках, подвешенных к потолку; к потолку подвешивали и устойчивые сорта винограда. Особые сорта груш: «*гюльгъан*» (у северных кумыков) или «*къурхан*» (у южных кумыков), «*гертме*», «*огюз емиш*» (шишки), иногда и яблоки, принято было мочить на зиму в больших глиняных сосудах — «*кумес*», в которые вмещалось по 2—3 пуда фруктов.

Как отмечалось выше, летом из свежих фруктов приготавливали всевозможные варенья. В большом количестве запасались и сухофруктами. В печках сушили как садовые фрукты (яблоки, груши), так и лесные (яблоки, груши, кизил, алычу и др.). Из дикой алычи — «*эрик*» (у северных кумыков) или «*цумих*» (у южных кумыков) и кизила — «*чум*» делали пастилу и повидло (без сахара), которые употреблялись в пищу как приправы к мясным блюдам.

На солнце сушили абрикосы и сливы. Потом их заливали медом и оставляли на зиму. На зиму солили и молодые виноградные листья, которые шли на приготовление «долмы».

Кухонная утварь состояла из медной посуды — «*багъыр савут*»: котла — «*къазан*», сковородки с ручкой — «*ялгъав*», цедильника — «*сюзгюч*», самовара, подноса — «*тепси*», половника — «*чолмуц*», шумовки — «*чолпу*» или «*кепкил*», кувшина — «*акъчалыкъ*» (у северных кумыков), «*къуткъа*» (у южных); гончарной посуды — «*сынык савут*»: тарелок — «*хадира*», «*сукара*», мисок, сосуда для молока, воды, кувшина — «*таш акъчалыкъ*» (у северных кумыков) или «*чолмек*», «*ачкъалыкъ*» (у южных); деревянной посуды: подноса — «*агъач тепси*», чашек, корыта — «*кершен*», половника, шумовки, ступки, вилка, ложек и пр.; фарфоровой посуды — «*чыны савут*», фаянсовой — «*киреч савут*»: мелких тарелок — «*бош къап*», чашек в форме пиалы — «*сукара*», «*пияла*», супника — «*хума*», блюд, ваз — «*лимча*» (у южных кумыков), «*пилав бошкъап*» (у северных), чайника, чайных чашек и блюдцев и т. д.

Количество и качество кухонной посуды определялись достоянием семьи. В бедных семьях преобладала гончарная и деревянная

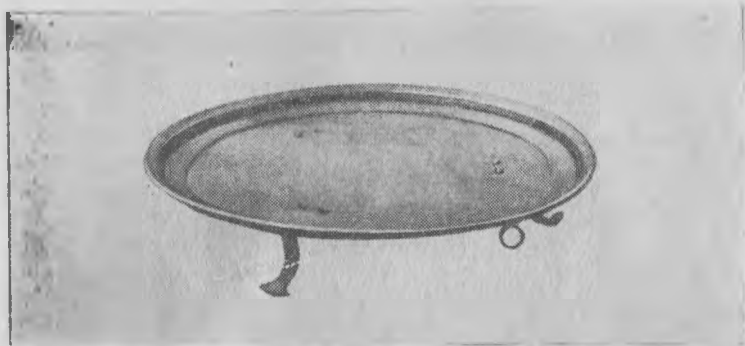

Рис. 49. Медный столик-поднос—тепси

Рис. 50. Медная посуда—багъыр савут

Рис. 51. Гончарные изделия—сыныкъ савут

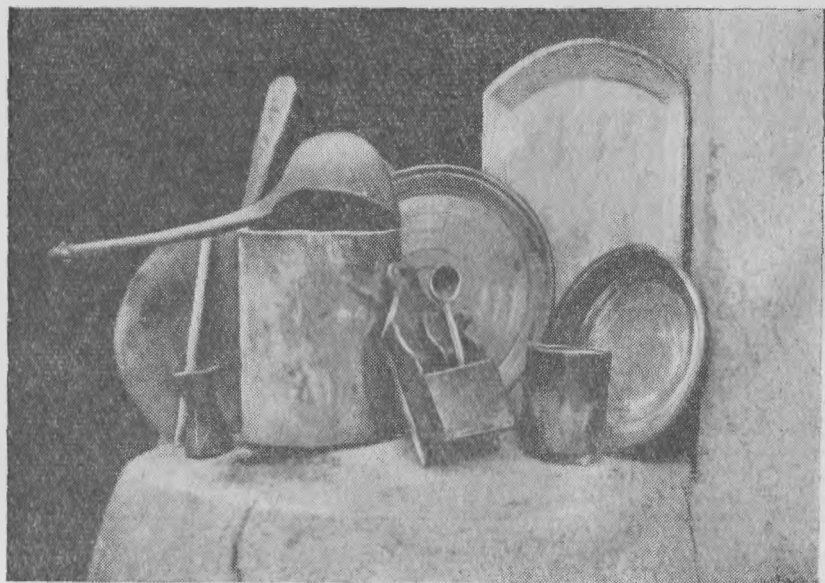

Рис. 52. Деревянная утварь—агыч савут.

посуда. состоятельные кумыки, прежде всего феодальная знать, широко пользовались фарфоровой и медной посудой.

Большинство кумыков в прошлом, вплоть до Великой Октябрьской революции пользовались самодельными ложками и вилками. Вилками обычно служили палочки с заостренным концом. Делались, но редко, и вилки с 2—3 зубцами. Ложки были разной формы. Для супа — глубокие («терен къашыкъ»), для повидла — ложки в виде маленькой лопатки («къалакъ»). Для мужчин иногда делались особые узкие и глубокие ложки «мийикъ къашыкъ» (ложка для человека с усами).

Кумыки ели два—три раза в день: утром между 7—9 часами завтрак («эрген аш»), между 12—14 часами обед («туш аш»), ужин («ахшам аш») — примерно в 18 часов в зимнее время и в 20 часов в летнее время, когда все члены семьи возвращались с работы. Основу пищевого рациона кумыков составлял ужин, который состоял из лучших горячих блюд, фруктов, сладкого. Во время полевой работы особое внимание уделялось завтраку и обеду.

Пищу кумыки принимали чаще всего сидя на полу, поджав под себя ноги. Пол покрывался паласами, у богатых — коврами, на которых обычно лежали подушки для сидения во время еды или отдыха. Кушанье подавалось или на подносах, ко многим из которых приделывались невысокие ножки, или на скатерти («тастымал») из грубой ткани. Многие кумыки из феодальной знати кушали за столом, по-европейски.

Свято соблюдая обычаи гостеприимства, кумыки очень богато накрывали стол при приеме гостей. Число блюд, подаваемых при гостях, в богатых семьях нередко доходило до 15—20, включая и холодные блюда. На столе можно было видеть плов, голубцы, жареную курицу, халву, пчелиный мед, фрукты и т. д.

Перед едой и после нее принято было мыть руки. Во время приема гостей хозяин дома или его сын, а у феодалов один из его нукеров-узденей подходил к каждому из сидящих с кувшинчиком, тазом и полотенцем, помогая мыть руки. При гостях-мужчинах женщина не обслуживала стол, она должна была только готовить. Обслуживание стола было делом мужчин.

Из всего вышесказанного видно, что кумыки, как и все народы Дагестана, употребляли больше всего мясную и молочную пищу. Достаточно отметить, что из далеко неполного перечня блюд, указанного нами, наибольшее разнообразие представляют именно мясные и молочные блюда. Разнообразна в национальной кумыкской

кухне и мучная пища. Одних только сортов хлеба кумыки знают более семи.

Таким образом, кумыкская народная кулинария имеет много общего с кулинарией других народов Дагестана и даже Кавказа. Такие блюда как шашлык, бозбаш, чуду (чубуреки), халва и т. д. являются традиционными блюдами многих кавказских народов. Это свидетельствует об издавна существующих культурно-исторических связях между этими народами. Мало того, кумыки как народ, в формировании которого участвовали тюркоязычные племена, имеют много общего в своей национальной пище и с другими тюркоязычными народами — казанскими татарами, казахами, киргизами, туркменами, узбеками, что нетрудно установить при сравнении наиболее распространенных блюд, способов их приготовления, компонентов, наименований и т. д. Национальная пища кумыков постепенно обогащалась и различного рода блюдами, заимствованными у соседних народов, а после присоединения Кумыкской равнины к России — и за счет русской кухни.

Установление Советской власти внесло большие изменения и в питание кумыков, что особенно заметно стало после утверждения колхозного строя. Национальная пища кумыков и в условиях советского строя почти полностью сохранила свою самобытность. Накопленные народом знания в этой области могли быть широко использованы только при новом колхозном строе, обеспечивающем зажиточную жизнь трудовому населению. Исчезли только такие блюда, печенья и напитки, появление и существование которых вплоть до революции было вызвано бедственным положением трудящихся масс (арпа этмек, арпа гынкал, арпа ярма — из ячменя, халвахудур, увмач — шорпа, аткъулакъ чуду описанного вида, буза, чай из айвовых листьев и т. д.).

Наряду с сохранением лучших национальных блюд, кумыкская кухня значительно обогатилась под влиянием городской русской кухни и кухни других братских народов. Этому способствовали, с одной стороны, расширившиеся культурно-экономические связи с различными народами нашей страны и прежде всего с русским народом, с другой, изменение профиля хозяйства кумыков в годы социалистического строительства.

Известно, что с начала XIX в. по соседству с кумыками стали появляться русские населенные пункты, число которых значительно выросло за годы Советской власти. В настоящее время идет процесс совместного заселения кумыками и русскими многих новых поселков при совхозах, заводах, в пригородных хозяйствах и в отдельных крупных колхозах. Что касается изменения профиля хозяйства ку-

мыков, то следует указать на все возрастающую роль овощеводства, садоводства и виноградарства. Пища народа стала разнообразнее, вкуснее и калорийнее. За последнее время большое распространение получили такие блюда русской кухни, как борщ, щи, фаршированные блюда, пироги и пирожки с разной начинкой, торты и всякие другие сдобные печенья, кисели, компоты, ряд сортов варенья. Кумыки восприняли от русских и способы засолки всевозможных овощей, приготовление томатного соуса и т. д.

В распространении блюд городской кухни большое значение имеют столовые в райцентрах и кухни интернатов при школах. Кумыкская интеллигенция, обучающаяся в различных городах страны, также приносит в свою семью навыки приготовления новых блюд. Кумыкская кухня в свою очередь оказывает влияние на кухню своих соседей, в том числе русских. Любимыми блюдами многих русских, проживающих вместе с кумыками, стали, например, «*гын-кал*», «*кюрзе*» «*чуду*» с разной начинкой и т. д.

Современная колхозная семья повседневно использует мясные и молочные продукты в их разнообразном сочетании, также фрукты и овощи, которыми снабжают кумыков колхоз и приусадебные участки. Зажиточная жизнь позволяет им покупать в большом количестве бакалейные и гастрономические товары в магазинах сельской кооперации, а также в городе. Это — сахар, чай, конфеты, печенье, разные крупы, рис, рыба, рыбные консервы и т. д.

В связи с тем, что в условиях колхозного строя вместо былого отгонного скотоводства все более широкое применение находит стойловое содержание скота, вяление мяса постепенно теряет былое значение. Вяление фруктов также заменяется консервированием. Что же касается запасов других продуктов: муки (ячменная мука совершенно вышла из употребления), фруктов, арбузов, тыкв и т. д., то во всем этом сохраняются существовавшие традиции. Теперь стали солить и огурцы, и помидоры, и капусту, и перец. Из помидоров теперь готовят томатный соус. Широкое распространение получил чай, который пьют все без исключения члены семьи. Однако у северных кумыков, подобно ногайцам, по-прежнему широко употребляется и калмыцкий чай¹.

¹ Ногайцы в настоящее время проживают вместе с кумыками, а также отдельными селениями в Бабаюртовском районе, с русскими и кумыками — в районе города Махачкалы (Главный Сулак), в Хасавюртовском районе. Так же, как и поселения и жилища, сильному изменению подверглась одежда и пища ногайцев. Еще в дореволюционное время в одежде и пище они многое заимствовали у кумыков. В настоящее время это влияние еще более усилилось.

Изменилась и кухонная посуда, сервировка стола. Современная фабричная посуда стала достоянием каждого и вытеснила старые виды посуды — медные котлы, тарелки, вазы, деревянные подносы, ложки, вилки, гончарные тарелки, чашки и т. д. Однако «бозбаш» все еще подают по старой традиции в фарфоровых и фаянсовых больших пиалах, для торжественных случаев такую посуду заимствуют у соседей. Способ приема пищи сидя на полу постепенно заменяется приемом пищи за столом. Почти в каждой семье в настоящее время имеются столы и стулья. Однако большинство кумыкских семей в сельской местности, даже при наличии в доме городской мебели, все еще принимает пищу или сидя на полу, покрытом ковром, либо паласом, или на невысоких длинных и широких нарах («тахта»), которые имеют широкое распространение у северных кумыков.

Постепенно исчезает обычай обслуживания стола при гостях одним только мужчиной. Исчезает и другой обычай приема пищи женщинами отдельно от мужчин, не за одним столом. Однако в деле окончательного изжития обычая отдельного приема пищи женщинами, как пережитка патриархально-феодалных отношений, предстоит сделать еще многое. Усиление борьбы со всякого рода пережитками неправильного отношения к женщине будет способствовать изжитию и этого пережитка.

Приведенный нами материал позволяет отметить достоинства кумыкской кухни, устойчивость национальной пищи, ее богатство и разнообразие, высокие вкусовые качества, популярность ее у других соседних народов. Можно уверенно сказать, что кумыки внесли свой определенный вклад в соответствующую отрасль материальной культуры.

Сравнительный анализ пищи северных и южных кумыков, а также данные даргинского языка дают кроме того основания говорить о значительной общности в области питания и материальной культуры в целом даргинцев и южных кумыков, чего нельзя сказать о северных кумыках и о их соседях — аварцах. Автор склонен расценивать эти явления не только как результат культурно-исторических связей, но и как явления этнического порядка. Помимо наличия большого числа даргинских слов в диалекте южных кумыков, мы замечаем и фонетические особенности их диалекта, свойственные даргинскому языку.

* * *

Материальная культура кумыков создавалась и совершенствовалась народом в течение всей его истории. Она носила ярко выра-

женные черты самобытности и развивалась главным образом на почве обогащения местных традиций. Этнографический и частично-археологический материал дает возможность проследить за отдельными этапами развития материальной культуры кумыкского народа.

Вместе с тем поселения, жилища, одежда, пища и другие элементы материальной культуры кумыков носят отпечатки культурных традиций других народов Дагестана, они также отражают в какой-то мере наличие еще в далеком прошлом культурно-исторических связей с иными народами Кавказа: осетинами, кабардинцами, грузинами, азербайджанцами и др.

Анализ материальной культуры указывает и на этнические связи кумыков с другими тюркоязычными народами Средней Азии и Кавказа.

Созданная народом в течение всей его истории материальная культура кумыков получила все возможности для своего дальнейшего развития только при социализме. Кумыкский народ, как и все народы Дагестана, идет в настоящее время по пути полного расцвета своих творческих способностей.

Основой культурных преобразований в кумыкской деревне, как и повсеместно в нашей стране, является колхозный строй. Неуклонное повышение дохода колхозов позволяет кумыкам применять хорошие строительные материалы при сооружении дома, совершенствовать строительную технику, изменять планировку дома, расширять жилую площадь, озеленять двор, лучше меблировать дом, по вкусу одеваться и питаться.

В современных советских условиях материальная культура кумыков, сохраняя и развивая лучшие национальные традиции, обогащается элементами культуры других братских народов, в первую очередь русского народа.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Введение. Хозяйство кумыков в XIX-XX вв.	5
I. Поселение	27
II. Жилище	53
III. Одежда	95
IV. Пища	145

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

С. Ш. Гаджиева

**МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КУМЫКОВ
XIX — XX вв.**

Редактор *И. Макстман*

Переплет, титул, заставки, концовки
художника *С. Салаватова*

Художественный и технический редактор
Вербицкая М. Н.

Корректор *Э. Калининкова*

Сдано в производство 2/X 1958 г. Подписано к печати 5/VII 1959 г.

Формат 70×92^{1/16}. Бум. л. 5,375. Печ. л. 10,75. Усл. печ. л. 12,577.

Уч.-изд. л. 10,648+7 вкл.=10,986. СО 1897. Заказ 577.

Тираж 3000. Цена 7 руб. 25 к. Переплет 1 р.

с 1/I-1961 года 83 коп.

Дагестанское книжное издательство Министерства культуры ДАССР
Махачкала, ул. Маркова 55.

Типография «Красный Восток» Министерства культуры Азербайджанской ССР
Баку, ул. Ази Асланова, 80.

